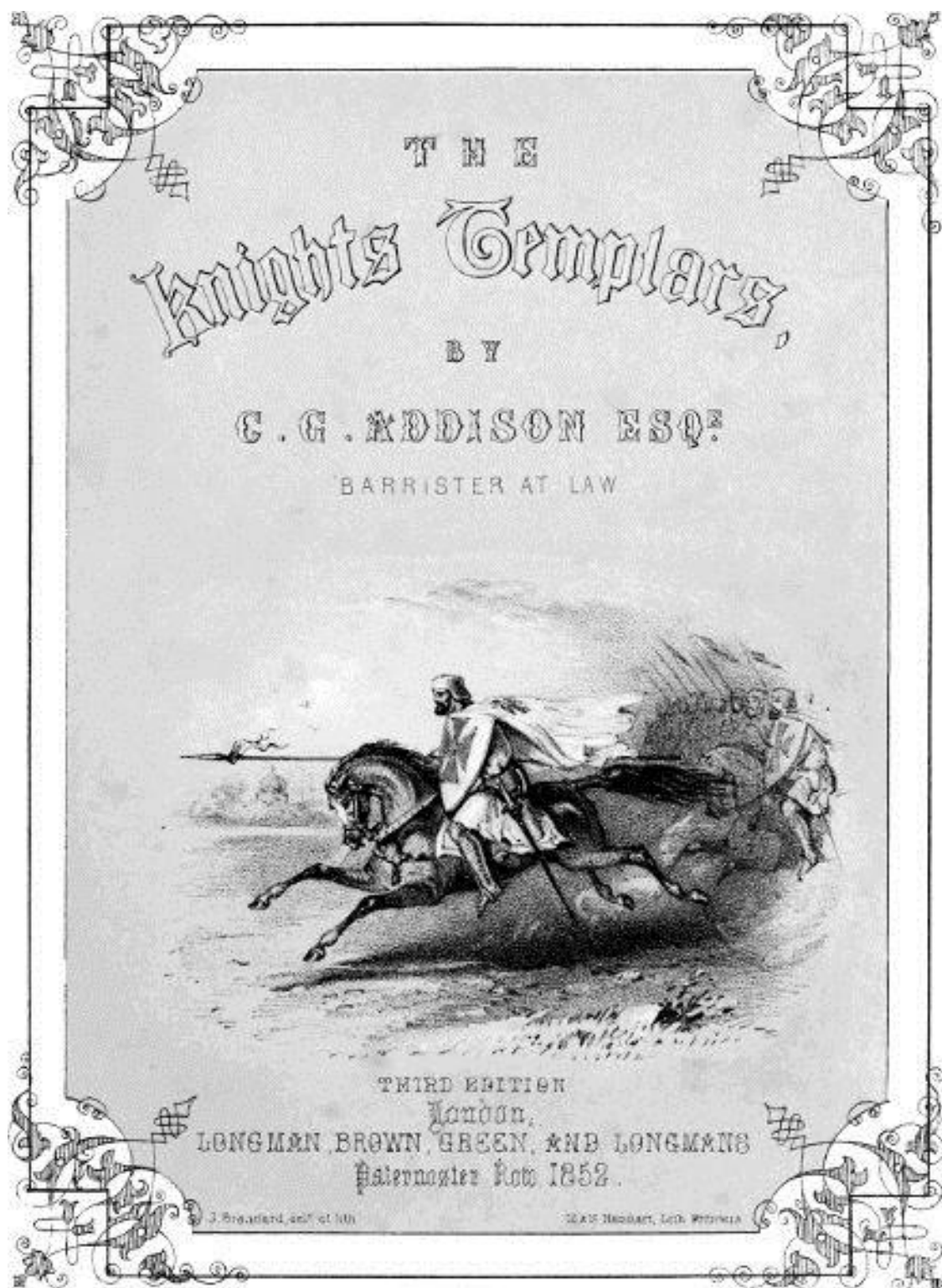

Рыцари-тамплиеры

С. Г. Аддисон

The Project Gutenberg eBook of The Knights Templars.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Рыцари-тамплиеры

Автор: К. Г. Эддисон

Дата выхода: 6 декабря 2013 [eBook #44376]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Крисом Курноу, Полом Кларком и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

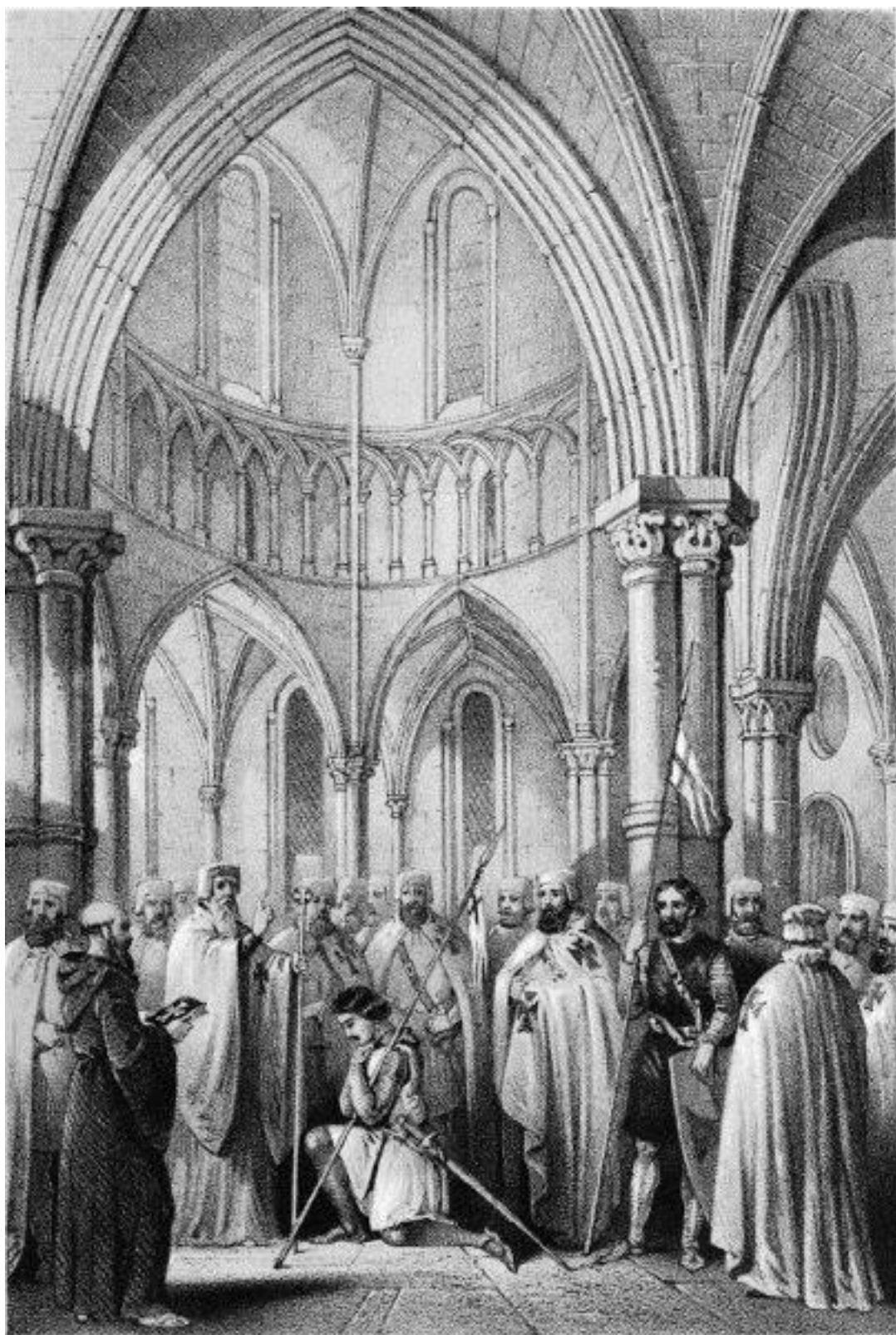
*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ РЫЦАРИ ТЕМПЛАРЫ ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Рыцари-тамплиеры", автор К. Г. (Чарльз Гринстрит) Аддисон

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. [См.
https://archive.org/details/knightstemplars00addirich](https://archive.org/details/knightstemplars00addirich)

Рыцари-тамплиеры,

БУ С. Г. ЭДДИСОН ЭСК^Э.
АДВОКАТСКИЙ БАРРИСТЕР

ДИЗАЙН И ЛИТОГРАФИЯ ДЖ. БРЭНДАРДА ПО ЭСКИЗАМ К.Г. ЭДДИСОНА ЭСК^{РЕ}.

ПРИНЯТИЕ ПОСЛУШНИКА В ОБЕТЫ ОРДЕНА ХРАМА

М & N Hanhart, lith Printers 64 Charlotte St. Rathbone Pl.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Несколько лет назад, во время паломничества в Святой город Иерусалим, я получил допуск во двор древнего храма рыцарей-тамплиеров, который до сих пор существует на горе Мориа в идеальном состоянии как мусульманская мечеть, и посетил многие разрушенные крепости и замки древнего ордена Храма, чьи разрушенные стены все еще можно увидеть в Палестине и Сирии, от Газы до Антиохии и от гор Мертвого моря до берегов Средиземного моря, я, естественно, сильно заинтересовался историей ордена и многочисленными останками и памятниками рыцарей-тамплиеров, которые все еще можно встретить на различных стадиях упадка и разрушения почти во всех частях Европы. Недавнее восстановление церкви Темпл в Лондоне, самой красивой и лучше всего сохранившейся из всех древних церковных сооружений западных провинций, впервые натолкнуло меня на мысль написать краткий исторический рассказ о разнообразных судьбах этого великого религиозного и военного братства рыцарей и монахов, которыми она была воздвигнута, и об их мрачном и ужасном конце.

Тамплиеры, родившиеся во времена первого пыла крестоносцев, были польщены и возвеличены до тех пор, пока их огромная военная сила и религиозный фанатизм могли быть использованы для поддержки восточной церкви и удержания Святой земли; Но когда полумесяц в конце концов одержал победу над крестом, а религиозный и военный энтузиазм христианства угас, они встретили самую низкую неблагодарность в ответ на услуги, которые они оказали христианской вере, и были разграблены, преследуемы и обречены на жестокую смерть теми, кто по справедливости должен был быть их защитниками и сторонниками.

Память об этих святых воинах запечатлена во всех наших воспоминаниях о крестовых войнах; они были оплотом латинского королевства Иерусалим в течение короткого периода его существования и последним отрядом европейского воинства, боровшегося за обладание Палестиной. К монашеским обетам и строгой жизни в монастыре они добавили дисциплину лагеря и суровые обязанности военной жизни, соединив "прекрасное призвание меча и копья" со святым рвением и сгибающим тело трудом бедного братства. Вульгарное представление о том, что они были настолько же злыми, насколько бесстрашными и храбрыми, еще не полностью разрушено; но мы надеемся, что подробный отчет о судебных разбирательствах против ордена в этой стране, приведенный в следующем томе, развеет многие необоснованные предрассудки, все еще существующие в отношении братства, и вызовет эмоции восхищения их постоянством и мужеством, а также жалость к их незаслуженной и жестокой судьбе.

На рассказы даже лучших древних историков о тамплиерах не следует полагаться безоговорочно. Например, Вильгельм Тирский рассказывает, что Насср-эд-Дин, сын султана Аббаса, был взят в плен тамплиерами и, находясь в их руках, обратился в христианство; Он изучил основы латинского языка и искренне желал креститься, но тамплиеры были подкуплены шестьюдесятью тысячами золотых, чтобы выдать его врагам в Египте, где его ждала верная смерть, и что они стояли и смотрели, как его связывают по рукам и ногам цепями и помещают в железную клетку, чтобы везти через пустыню в Каир. Арабские историки, напротив, рассказывают, что Насср-эд-Дин и его отец убили халифа, бросили его тело в колодец, а затем бежали в Палестину; что сестра убитого халифа немедленно написала командиру гарнизона рыцарей-тамплиеров в Газе, предлагая хорошую награду за поимку беглецов; Их перехватили, и Насср-эд-Дин был отправлен в Каир, где родственники халифа разрубили его тело на мелкие кусочки в серале! Вышеупомянутый акт постоянно становился предметом серьезных обвинений в адрес тамплиеров; но как же по-другому выглядит дело в свете свидетельств арабских властей! Следует помнить, что Вильгельм,

архиепископ Тирский, враждебно относился к ордену из-за его огромных полномочий и привилегий, и донес свои жалобы до генерального собора Церкви в Риме. От него отказывается во всем, что он говорит в ущерб братству, Иаков Витрийский, епископ Акко, ученый и талантливый прелат, писавший в Палестине впоследствии Вильгельма Тирского и во многом скопировавший историю последнего. Епископ Акко отзывался о тамплиерах в самых высоких выражениях и заявляет, что они были любимы всеми людьми за их благочестие и смирение.

Знаменитый востоковед фон Хаммер недавно выдвинул против тамплиеров различные необычные и необоснованные обвинения, лишённые всякого авторитета; а Вильке, написавший немецкую историю ордена, похоже, впитал в себя все вульгарные предрассудки против братства. Я мог бы добавить интереса к последующей работе, сделав тамплиеров ужасными и жестокими злодеями; но я постарался написать справедливый и беспристрастный отчет об ордене, не рабски перенимая все, что я нахожу подробным у древних писателей, а только те вопросы, которые я считаю, после тщательного изучения лучших авторитетов, правдивыми.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Благоприятный прием, оказанный первому изданию этой работы, и интерес, проявленный к необычной и романтической карьере рыцарей-тамплиеров, побудили меня выпустить второе издание, значительно расширенное, и ввести в него различные сопутствующие вопросы антикварного и местного характера, интересные лишь сравнительно небольшому числу читателей. После того как это расширенное издание было исчерпано, при подготовке третьего издания к печати мне пришло в голову, что труд можно существенно сократить и удешевить, нисколько не умаляя его ценности и интереса как отчета о главных событиях одного из самых замечательных и интересных периодов истории, а также о необыкновенных и романтических достижениях первого и самого древнего из великих религиозно-военных орденов рыцарей и монахов, основанных во время крестовых походов.

Сухие подробности, представляющие местный и частичный интерес, которые мешали непрерывности основного повествования, были вычеркнуты из основной части работы, а более яркие происшествия истории стали более заметными. Длинные латинские и французские выдержки из старых хроник также были исключены из примечаний, но исторические ссылки были сохранены, чтобы читатель, если сочтет нужным, мог изучить причудливый и любопытный язык оригиналов. Благодаря этим средствам, а также увеличению размера страниц, работа была сжата до меньшего объема, а цена снижена почти наполовину.

Хочется надеяться, что эти изменения будут признаны полезными.

Внутренний Темпл, 8 декабря 1851 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

Паломничество в Иерусалим - Происхождение тамплиеров - Опасности, которым подвергались паломники - Создание братства бедных воинов Иисуса Христа для их защиты - Создание братства бедных воинов Иисуса Христа для защиты паломников. Тамплиеры - Хью де Пайенс, избранный магистром Храма - отправлен в Европу королем Балдуином - представлен Папе Римскому - собирается Совет в Труа - создает правило для управления тамплиерами - наиболее любопытные части правила - подтверждение правила Папой Римским - визит Хью де Пайенса, Магистр Храма в Англию - его радушный прием - основание ордена в этой стране - земли и деньги, пожалованные тамплиерам - их популярность в Европе - быстрый рост братства - св. Бернард берется за перо от их имени - он показывает их доблесть и благочестие *Страница 5*

ГЛАВА II.

Хью де Пайенс возвращается в Палестину - его смерть - Роберт де Краон становится магистром - успех неверных - второй крестовый поход - тамплиеры принимают Красный крест - их доблестные действия и высокая дисциплина - земли, поместья и церкви, пожалованные им в Англии - Бернард де Тремелей становится магистром - его убивают неверные - Бертран де Бланкефор становится магистром - его берут в плен, Папа пишет письма с похвалой тамплиерам - их религиозный и военный энтузиазм - их боевое знамя, названное *Бозант* - рост конкурирующего религиозно-военного ордена Госпиталя Св. Иоанна - Состязания между Саладином и тамплиерами - Обширные привилегии тамплиеров - Издание буллы, *omne datum optimum* - Папа объявляет себя непосредственным епископом всего ордена - Магистр Храма попадает в плен и умирает в темнице - Большие успехи Саладина - Христиане заключают перемирие - Магистр Храма и патриарх Ираклий отправляются в Англию за помощью - Освящение храмовой церкви в Лондоне *24*

ГЛАВА III.

Храм в Лондоне - обширные владения тамплиеров в Англии - территориальное деление ордена - различные прецептории в этой стране - привилегии, дарованные тамплиерам королями Англии - магистры Храма в Лондоне - их власть и значение *44*

ГЛАВА IV.

Патриарх Ираклий ссорится с английским королем - возвращается в Палестину без помощи - разочарование и мрачные предчувствия тамплиеров - они готовятся противостоять Саладину - поражение и резня - доблестные подвиги маршала Храма - роковая битва при Тиберии - пленение Великого магистра и истинный крест - пленным тамплиерам предлагают Коран или смерть - они выбирают последнее, Падение Иерусалима - мусульмане овладевают Храмом - очищают его розовой водой, читают молитвы и слушают проповедь - тамплиеры удаляются в Антиохию - их письма королю Англии и магистру Храма в Лондоне - их подвиги при осаде Акко *68*

ГЛАВА V.

Ричард Кер де Лев присоединяется к тамплиерам перед Акко - город сдается, Тамплиеры основывают в нем главный дом своего ордена - Кёр де Лев поселяется с ними - Он продает им остров Кипр - Тамплиеры составляют основу его армии - Их фуражирские экспедиции и подвиги - Кёр де Лев покидает Святую землю под видом рыцаря-тамплиера - Тамплиеры возводят Тамплиеры строят замок Пилигримов в Палестине - Подвиги тамплиеров в Египте - Письма Великого магистра магистру Храма в Лондоне - Тамплиеры вновь завоевывают Иерусалим - Положение ордена в Англии - Король Джон живет в Храме в Лондоне - Бароны приходят к нему в это место, и требуют Магна Чарта - освящение нефа или продолговатой части Храмовой церкви в Лондоне 129

ГЛАВА VI.

Завоевание Иерусалима каризмийцами - резня тамплиеров и смерть Великого магистра - подъем и прогресс команов - они терпят поражение и уничтожаются тамплиерами - подвиги тамплиеров в Египте - король Франции Людовик посещает тамплиеров в Палестине - он помогает им привести страну в обороноспособное состояние - Генрих III, король Англии, посещает храм в Париже - Великолепное гостеприимство тамплиеров в Англии и Франции - Бендудар, султан Египта, вторгается в Палестину - Он побеждает тамплиеров, берет их сильные крепости, Великий магистр прибывает в Англию за помощью - возобновление войны - падение Акры - тамплиеры основывают штаб-квартиру на острове Кипр - союз с королем Персии - повторное завоевание Иерусалима - опустошение Святой земли - окончательное исчезновение тамплиеров в Палестине 180

ГЛАВА VII.

Падение тамплиеров - причины этого - Великий магистр прибывает в Европу по просьбе Папы Римского - по приказу короля Филиппа он вместе со всеми тамплиерами заключен в тюрьму во Франции - их подвергают пыткам и выбивают из них признания в ереси и идолопоклонстве - Эдуард III, Король Англии выступает в защиту тамплиеров, но затем преследует их по приказу Папы Римского - Заключение магистра Храма и всех его братьев в Англии - Их допрос по восьмидесяти семи ужасным и нелепым статьям обвинения перед иностранными инквизиторами, назначенными Папой Римским - Собор церкви собирается в Лондоне, чтобы вынести им приговор - Любопытные доказательства, приведенные относительно способа приема в орден, Тамплиеры во Франции, отменившие свои признания, сделанные на дыбе, рассматриваются как еретики и сжигаются на костре - Одинокое заключение тамплиеров в Англии в отдельных темницах - Пытки - Признания и отступления - Магистр лондонского храма умирает в Тауэре - Великий магистр сжигается на костре - Упразднение ордена и распоряжение его имуществом. Предоставление лондонского Храма органу юристов - введение в профессию юриста ордена рыцарей и служителей-братьев 236

ВВЕДЕНИЕ.

"Выходите на битву и используйте свое имущество и свои лица для продвижения религии Бога. Воистину, Бог любит тех, кто сражается за Его религию в боевом строю" - Коран, глава 56, озаглавленная "Боевой строй".

"О Пророк, побуждай верующих к войне! Если двадцать из вас будут упорствовать с постоянством, то они одолеют двести, а если вас будет сто, то они одолеют тысячу из тех, кто не верует" - глава 8, озаглавленная "Добыча".

Воистину, если бы Богу было угодно, Он мог бы отомстить неверующим и без вашей помощи, но Он повелевает вам сражаться в Его битвах, чтобы Он доказал, что один из вас другой; а что касается тех, кто сражается в защиту истинной религии Бога, то Бог не допустит, чтобы их дела погибли" - Коран, глава 47, озаглавленная "Война".

Распространение религии мечом было важнейшим принципом магометанства. Война с неверными ради утверждения и распространения веры была заповедана Пророком, и это торжественное предписание было освящено и увековечено успехом.

Через столетие после смерти Магомета мусульмане распространили свою религию и свое оружие от Индии до Атлантического океана; они покорили и обратили силой меча Персию и Египет, а также весь север Африки от устья Нила до крайней западной границы этого огромного континента; они захватили Испанию, вторглись во Францию и, обратив свои стопы к Италии, вошли в королевства Неаполь и Геную, угрожали Риму и подчинили остров Сицилию законам и религии своего Пророка. Но в тот самый период, когда они собирались насадить Коран в самом сердце Европы и стремительно продвигались к всеобщему господству, среди них вспыхнули междоусобные распри, которые подорвали их могущество, и Европа освободилась от ужаса и опасности сарацинского владычества.

Однако в десятом веке христианской эры появились свирепые и варварские туркоманы - покровители магометанства и распространители Корана. Это были дикие пастушеские и охотничьи племена, которые спустились с замерзших равнин к северу от Каспия, завоевали Персию, приняли религию и закон Магомета и объединились под знаменем пророка в один великий и могучий народ. Они захватили большую часть Азиатского континента, разрушили церкви христиан и храмы язычников и появились (1084 г. н. э.) в воинственном строю на азиатском берегу Геллеспонта перед Константинополем. Испуганный император Алексей отправил срочные письма папе римскому и христианским князьям Европы, призывая их помочь ему и их общему христианству в опасном кризисе. Проповеди Петра-отшельника и увещевания папы римского немедленно пробудили христианство; Европа вооружилась и бросилась на Азию; турецкая держава была сломлена; христианские провинции греческой империи Константинополя были вырваны из рук неверных, а на руинах турецкой империи султана Солимана было воздвигнуто латинское королевство Иерусалим. Монашеский и военный орден Храма был создан для того, чтобы сдерживать власть неверных и вести сражения за христианство на равнинах Азии. "Побуждаемый фанатизмом", как отмечает Гиббон, но руководствуясь разумной и далеко идущей политикой, он стал самым твердым оплотом христианства на Востоке и в основном способствовал сохранению Европы от турецкого опустошения, а возможно, и от турецкого завоевания.

Монахи и священники, писавшие в Европу о событиях в Святой Земле, выдвигали против тамплиеров множество серьезных и неправдоподобных обвинений и с негодованием и отвращением относились к обширным гнусным деяниям ордена. Мэтью Пэрис рассказывает, что они были в сговоре с неверными и сражались с соперничающим орденом Святого Иоанна; Но поскольку современные историки Палестины, описывающие подвиги тамплиеров и бывшие очевидцами их карьеры, не упоминают о таких событиях, и поскольку в письмах Папы, адресованных Великому магистру ордена Святого Иоанна вскоре после даты этих мнимых сражений, нет никаких упоминаний о них, я опустил все упоминания о них,

будучи убежден, после тщательного изучения лучших авторитетов, что они никогда не имели места.

В наши далекие дни, когда времена и сцены, в которых действовали тамплиеры, изменились, а глубокий религиозный пыл и теплые свежие чувства ушедших веков уступили место холодной и расчетливой философии, мы можем сомневаться в искренности военных монахов, восклицать против их легковерия и высмеивать их рвение; Но когда мы вспомним о трудностях и усталости, опасностях, страданиях и смерти, которым они добровольно посвятили себя в далекой стране, о жертвах личными удобствами, родственными узами и всеми привязанностями домашней жизни, которые они принесли без всякой перспективы мирской выгоды или временной пользы, Ради целей, которые они считали справедливыми, благородными и праведными, мы должны навсегда причислить великодушные порывы, которыми они руководствовались, к возвышенным чувствам, способным повлиять на человеческий характер в те периоды, когда люди чувствуют, а не рассчитывают, пока знание не охладило чувствительность или эгоистичное безразличие не ожесточило сердце.

РЫЦАРИ-ТЕМПЛАРЫ.

ГЛАВА I.

Паломничество в Иерусалим - Происхождение тамплиеров - Их размещение в Храме - Хью де Пайенс избран магистром Храма - Его представление Папе Римскому - Сбор Совета в Труа - Создание правила для управления тамплиерами - Самые любопытные части правила - Визит Хью де Пайенса в Англию - Основание ордена в этой стране - Земли и деньги, пожалованные тамплиерам - Святой Бернард показывает их доблесть и благочестие.

"И все же среди ее возвышающихся вееров лежат руины,
Святой пилигрим оплатил вечерню с ропотом;
Он взошел на скалы и бродил по ним.
В сумерках оливковой рощи;
Он склонялся под священным мраком,
И поцеловать гробницу Мессии".

Естественное желание посетить эти святы места, освященные присутствием и ставшие памятными благодаря страданиям Сына Божьего, влекло в первые века христианства толпы благочестивых верующих и паломников в Иерусалим. Среди самых прославленных и восторженных из многочисленных странников в Святой город была императрица Елена, мать Константина, которая с теплыми чувствами недавнего обращения лично посещала каждое место и каждый объект в Палестине, связанный памятью о Том, Кто умер за человека рода на благословенном кресте. Со святым рвением и живым энтузиазмом она пыталась закрепить неоспоримой традицией место каждого памятного события в евангельском повествовании; и христианство обязано ей реальным или мнимым открытием (примерно через двести девяносто восемь лет после смерти Христа) Гроба Господня. Над этим священным памятником императрица и ее сын Константин приказали воздвигнуть великолепную церковь Воскресения, или, как ее теперь называют, церковь Гроба Господня; и они украсили

все те места в Святой Земле, которые наиболее настойчиво напоминают нам о земном существовании и смерти Иисуса Христа, великолепными церквями и религиозными домами.

Пример этой благочестивой принцессы и предполагаемые открытия ею святых реликвий привели к значительному увеличению паломничества в Иерусалим. Завоевание Палестины арабскими (637 г. н. э.) скорее стимулировало, чем подавляло их; оно добавило заслуг, увеличив опасность и трудность этого предприятия, а энтузиазм, побуждавший к долгому и опасному путешествию, был усилен естественным чувством горя и негодования по поводу потери святых мест и их захвата неверными завоевателями. Год за годом, век за веком сотни и тысячи людей обоих полов, всех сословий и возрастов, монархи и крестьяне, знатные и нищие, стекались к святыням и алтарям Палестины. Они с благочестивой любовью посещали Вифлеем, где Спаситель впервые увидел свет; купались в водах реки Иордан, где Он крестился; плакали и молились на горе Голгофа, где Он был распят.

При завоевании Иерусалима арабами безопасность христианского населения была обеспечена торжественной гарантией, данной под рукой и печатью халифа Омара патриарху Софронию. Четверть всего города, с церковью Воскресения, Гробом Господним и большим латинским монастырем, была оставлена в руках христиан, а паломникам было разрешено, при уплате незначительной дани, свободно посещать различные объекты их почитания. Когда скипетр перешел от рода Аббасидов к Фатимитам, а халифы Египта получили во владение Палестину, сохранилось то же мягкое и терпимое правление. В одиннадцатом веке рвение паломничества достигло своего апогея, а караваны паломников стали настолько многочисленными, что их стали называть *армиями Господа*. Старики и молодые, женщины и дети толпами стекались в Иерусалим, а в 1064 году Гроб Господень посетила восторженная группа из семи тысяч паломников. Однако на следующий год Иерусалим был захвачен дикими туркоманами, три тысячи жителей были истреблены, а власть над святым городом и территорией была передана эмиру Ортоку, вождю дикого пастушеского племени.

Под железным игом этих свирепых северных чужеземцев христиане подвергались страшным притеснениям; их выгоняли из церквей, богослужение высмеивалось и прерывалось, а патриарха святого города за волосы тащили по священной мостовой церкви Воскресения и бросали в темницу, чтобы вымогать выкуп у сочувствующих его пастве. Паломников, которые через бесчисленные опасности достигали ворот Святого города, грабили, заключали в тюрьмы, а часто и убивали; за вход в святую усыпальницу требовали кусок золота, и многие, не имея возможности заплатить налог, были изгнаны мечами туркоманов с самого порога объекта всех их надежд, места их долгого паломничества, и были вынуждены в печали и муках проделать свой изнурительный путь в далекие дома. Известие об этих жестокостях пробудило религиозное рыцарство христианства; "был затронут нерв утонченного чувства, и ощущение пронеслось до самого сердца Европы". Тогда возник дикий энтузиазм крестовых походов, и люди всех сословий, даже монахи и священники, воодушевленные увещеваниями папы и проповедями Петра Отшельника, бросились к оружию и с энтузиазмом взялись за "благочестивое и славное дело" спасения святой гробницы Христа от поганых языческих мерзостей.

Когда в Европу пришло известие о взятии Иерусалима крестоносцами (1099 г. н. э.), рвение паломничества разгорелось с еще большей силой: оно набирало интенсивность с момента подавления его дикими туркоманами, и беспорядочные толпы обоих полов, стариков и детей, девственников и девственниц, считая дорогу открытой и путешествие осуществимым, один за другим устремились в Святой город. Неверные действительно были изгнаны из Иерусалима, но не из Палестины. Высокие горы, примыкающие к морскому побережью, кишели воинственными бандами беглых мусульман, которые держались в различных

неприступных замках и крепостях, откуда выходили на большие дороги, прерывали сообщение между Иерусалимом и морскими портами и мстили за потерю своих жилищ и имущества беспорядочным грабежом всех путешественников. Кроме того, бедуинские всадники, совершая стремительные набеги из-за Иордана, часто вели беспорядочные и нерегулярные войны на равнинах; поэтому паломники, независимо от того, приближались ли они к Святому городу по суше или по морю, подвергались почти ежедневной вражде, грабежу и смерти.

Чтобы облегчить опасности и страдания, которым они подвергались, защитить честь святых дев и матрон и уберечь седины почтенных пальмеров, девять благородных рыцарей, которые сильно отличились при осаде и взятии Иерусалима, образовали святое братство по оружию и заключили торжественный договор о взаимной помощи в расчистке дорог и защите паломников, проходящих через горные проходы и дефиле к Святому городу. Согретые религиозным и военным пылом того времени и воодушевленные святостью дела, которому они посвятили свои мечи, они назвали себя *Бедными воинами Иисуса Христа*. Они отреклись от мира и его удовольствий и в святой церкви Воскресения Христова, в присутствии патриарха Иерусалимского, дали обеты вечного целомудрия, послушания и бедности, по примеру монахов. Соединив в себе два самых популярных качества эпохи, преданность и доблесть, и проявив их в самом популярном из всех предприятий, они быстро приобрели известность.

Сначала, как нам рассказывают, у них не было ни церкви, ни определенного места жительства, но в 1118 году нашего Господа (через девятнадцать лет после завоевания Иерусалима крестоносцами) они оказали христианам такую хорошую и приемлемую услугу, что Балдуин Второй, король Иерусалима, предоставил им место для проживания в священной ограде Храма на горе Мориа, среди этих священных и великолепных сооружений, частично возведенных христианским императором Юстинианом, а частично - халифом Омаром, которые в то время выставлялись монахами и священниками Иерусалима, чье неумное рвение заставляло их упражняться в легковерии паломников и умножать реликвии и все предметы, которые могли быть священными в их глазах, как Храм Соломона, откуда бедные соратники Иисуса Христа стали впредь известны под именем "Рыцарства Храма Соломона".

Мусульмане всегда с особым почтением относились к месту, где стоял великий иудейский храм на горе Мориа. Магомет в первый год издания Корана предписывал своим последователям во время молитвы поворачиваться к нему лицом, и набожные мусульмане постоянно совершали паломничество к этому священному месту. После завоевания Иерусалима арабами халиф Омар первым делом взялся за восстановление "Храма Господня". В сопровождении главных вождей своей армии командующий правоверными взял на себя благочестивую обязанность расчистить землю своими руками и начертить фундамент великолепной мечети, которая сегодня венчает своим темным и вздымающимся куполом возвышенную вершину горы Мориа.

Этот великий молитвенный дом, самый святой мусульманский храм в мире после храма в Мекке, воздвигнут на том месте, где "Соломон начал строить дом Господень в Иерусалиме на горе Мориа, где Господь явился Давиду, отцу его, на месте, которое Давид приготовил на гумне Орнана, иевусеянина". Он сохранился до наших дней в идеальном состоянии и является одним из лучших образцов сарацинской архитектуры. В него ведут четыре просторных дверных проема, каждый из которых обращен к одной из кардинальных точек: *Баб-эль-Джаннат*, или ворота сада, на севере; *Баб-эль-Кебла*, или ворота молитвы, на юге; *Баб-ибн-эль-Дауд*, или ворота сына Давида, на востоке; и *Баб-эль-Гарби*, на западе.

Арабские географы называют его *Бейт Аллах*, дом Божий, а также *Бейт Альмокаддас*, или *Бейт Альмакдес*, святой дом. От него Иерусалим получил свое арабское название: *Эль-Кодс* - святой, *Эль-Шериф* - благородный, *Эль-Мобарек* - благословенный.

Полумесяц был сорван крестоносцами с вершины этого великого мусульманского храма и заменен огромным золотым крестом, а само сооружение было освящено для богослужений христианской религии, но сохранило свое простое название "Храм Господень". Вильгельм, архиепископ Тирский и канцлер Иерусалимского королевства, дает интересный отчет о здании в том виде, в каком оно существовало в его время, во времена латинского владычества. Он говорит о великолепной мозаичной работе на стенах; об арабских иероглифах, указывающих имя основателя и стоимость проекта; о знаменитой скале под центром купола, которую мусульмане до сих пор показывают как место, на котором стоял ангел-разрушитель, "с занесенным мечом в руке, простертой над Иерусалимом".^[1] По его словам, эта скала оставалась открытой и непокрытой в течение пятнадцати лет после завоевания святого города крестоносцами, но после этого была обнесена красивым алтарем из белого мрамора, на котором священники ежедневно совершали мессу.

К югу от этого священного мусульманского храма, на самом краю вершины горы Мориа, упираясь в современные стены города Иерусалима, стоит почтенная христианская церковь Богородицы, возведенная императором Юстинианом, чей колоссальный фундамент, сохранившийся до наших дней, полностью оправдывает удивительное описание здания, данное Прокопием. Этот писатель сообщает нам, что для того, чтобы получить ровную поверхность для возведения здания, необходимо было на восточной и южной сторонах холма поднять стену из каменной кладки из долины внизу и построить огромный фундамент, частично состоящий из цельного камня, а частично из арок и столбов. Камни были такой величины, что каждый блок требовалось перевозить в грузовике, запряженном сорока самыми сильными волами императора; чтобы обеспечить проезд этих грузовиков, необходимо было расширить дороги, ведущие в Иерусалим. Ливанские леса дали лучшие кедровые бревна для крыши, а карьер разноцветного мрамора в соседних горах украсил здание великолепными мраморными колоннами.^[2] Интерьер этого интересного сооружения, которое до сих пор, по прошествии более чем тринадцати веков, находится в Иерусалиме в прекрасной сохранности, украшен шестью рядами колонн, из которых выходят арки, поддерживающие кедровые балки и бревна крыши, а в конце здания находится круглая башня, увенчанная куполом. Огромные камни, каменные стены и подземная колоннада, поднятая для поддержки юго-восточного угла платформы, на которой возведена церковь, поистине удивительны, и их все еще можно увидеть, проникнув через небольшую дверь и спустившись по нескольким ступеням в юго-восточном углу корпуса. Рядом со священным зданием император возвел больницы, или дома-убежища, для путешественников, больных и нищенствующих всех народов, фундаменты которых, сложенные из красивой римской кладки, до сих пор видны по обе стороны от южного конца здания.

После завоевания Иерусалима мусульманами эта почтенная церковь была превращена в мечеть и названа *Д'Джаме аль-Акса*; вместе с великим мусульманским храмом Господа, возведенным халифом Омаром, она была заключена в обширную стену, которая проходит по краю вершины горы Мориа и охраняет от оскверняющих шагов неверующих всю эту священную землю, на которой когда-то стоял великолепный храм мудрейшего из царей. Когда Святой город был взят крестоносцами, *Д'Джаме-аль-Акса* с различными зданиями, построенными вокруг него, перешла в собственность иерусалимских королей; Вильгельм Тирский называет ее "дворцом" или "королевским домом к югу от Храма Господня, который в народе называют Храмом Соломона". Именно это здание или храм на горе Мориа было

выделено бедным соратникам Иисуса Христа, поскольку у них не было *церкви* и определенного места жительства, и от него они получили свое название рыцарей-тамплиеров.[3] Каноники Храма Господня уступили им большой двор, простирающийся между этим зданием и Храмом Соломона; король, патриарх и прелаты Иерусалима, а также бароны Латинского королевства выделили им различные дары и доходы для их содержания и поддержки, и теперь, когда орден обосновался в постоянном месте жительства, рыцари вскоре стали придерживаться более широких взглядов и искать более обширный театр для осуществления своей святой профессии.

Первой их целью, как уже говорилось, была защита бедных паломников на их пути от морского побережья до Иерусалима и обратно; Но поскольку враждебные племена мусульман, повсеместно окружавшие Латинское королевство, постепенно оправлялись от ужаса, в который их повергла успешная и истребительная война первых крестоносцев, и становились агрессивными и угрожающими, было решено, что святые воины Храма должны, помимо защиты паломников, сделать защиту христианского королевства Иерусалим, восточной церкви и всех святых мест частью своей особой профессии. Двумя наиболее выдающимися членами братства были Хью де Пайенс и Джеффри де Сент-Альдемар, или Сент-Омер, два доблестных воина креста, которые с большим успехом и славой сражались при осаде Иерусалима. Хью де Пайенс был избран рыцарями на пост настоятеля нового религиозного и военного общества под названием "Магистр Храма", и поэтому его принято называть основателем ордена.

Балдуин, король Иерусалима, предвидя, что увеличение силы и численности этих святых воинов принесет латинскому королевству большие выгоды, отправил двух рыцарей-тамплиеров к св. Бернарду, святому аббату Клерво, с письмом, в котором сообщалось, что тамплиеры, которых Господь соизволил воздвигнуть и которых он чудесным образом сохранил для защиты Палестины, желают получить от Святого престола подтверждение своего учреждения и правило для их особого руководства, и умоляют его "получить от папы одобрение их ордена и побудить его святейшество послать помощь и субсидии против врагов веры".[4] Вскоре после этого Хью де Пайенс сам отправился в Рим в сопровождении Джеффри де Сент-Альдемара и еще четырех братьев ордена, которые были приняты с большим почетом и отличием папой Гонорием. В Труа (1128 г. н. э.) собрался большой церковный совет, на который были приглашены Хью де Пайенс и его братья, и там были описаны правила, которым подчинялись тамплиеры, и святой аббат Клервоский взялся за их пересмотр и исправление, а также за составление кодекса уставов, пригодных и надлежащих для управления великим религиозным и военным братством Храма.

Regula Pauperum Commilitonum Christi et Templi Salomonis.

"Правило бедных воинов Иисуса Христа и Храма Соломона", составленное святым Бернардом и одобренное святыми отцами Собора в Труа для управления и регулирования монашеского и военного общества Храма, носит в основном религиозный характер, строгий и мрачный. Он разделен на семьдесят две главы и предваряется кратким прологом, обращенным "ко всем, кто не желает следовать своей собственной воле и хочет с чистотой духа сражаться за самого высокого и истинного короля", увещевая их облечься в броню послушания и объединиться с благочестием и смирением для защиты святой католической церкви; и проявлять чистое усердие и неуклонное упорство в исполнении своей священной профессии, чтобы разделить счастливую судьбу, уготованную святым воинам, отдавшим свои жизни за Христа.

Правило предписывает суровые благочестивые упражнения, самоисцеление, пост и молитву, постоянное посещение утрени, вечерни и всех церковных служб, чтобы, "будучи освежены и насыщены небесной пищей, наставлены и утверждены небесными заповедями, после совершения Божественных тайн", никто не боялся *борьбы*, но был готов к *венцу*. Следующие выдержки из этого правила могут быть прочитаны с интересом.

"VIII. В одной общей зале, или трапезной, мы желаем, чтобы вы принимали мясо вместе, где, если ваши желания не могут быть известны знаками, вы можете тихо и приватно попросить то, что вы хотите. Если же в какое-либо время требуемое вами не будет найдено, вы должны искать его со всей кротостью, с покорностью и благоговением перед советом, памятуя слова апостола: *ешь хлеб твой в молчании*, и подражая псалмопевцу, который говорит: *я поставил стражу на устах моих*, то есть я общался с самим собой, чтобы не обидеть, то есть с языком моим, то есть я охранял уста мои, чтобы не говорить дурного".

"XI. Двое и двое вообще должны есть вместе, чтобы один мог смотреть на другого.....

"XVII. После того как братья разойдутся из зала спать, никому не должно быть позволено говорить публично, кроме как по настоящей необходимости. Но что бы ни было сказано, рыцарь должен говорить своим оруженосцам сдержанным тоном. Возможно, однако, что в промежутке между молитвой и сном, по настоящей необходимости, поскольку днем не было возможности, вам придется поговорить о каком-либо военном деле или о состоянии вашего дома с частью братии, или с магистром, или с тем, кому доверено управление домом: так мы приказываем поступать в соответствии с тем, что написано: *Многословием не избежишь греха*; и в другом месте: *Жизнь и смерть в руках языка*. Поэтому в этой беседе мы категорически запрещаем сквернословие и праздные слова, переходящие в смех, а ложась спать, если кто из вас произнес глупость, мы повелеваем ему со всем смирением и чистой набожностью повторить молитву "Отче наш".

"XX. ... Всем исповедующим рыцарям, как зимой, так и летом, мы дарим, если их можно достать, белые одежды, чтобы те, кто оставил позади себя темную жизнь, знали, что они должны прославлять себя перед своим Создателем чистой и белой жизнью. Ибо что такое белизна, как не совершенное целомудрие, а целомудрие - это безопасность души и здоровье тела. И если каждый рыцарь не будет целомудренным, он не придет в вечный покой и не увидит Бога, как свидетельствует апостол Павел: *Следуйте за миром со всеми людьми и целомудрием, без которого никто не увидит Бога*.....

"XXI. ... Пусть все эсквайры и свиты будут одеты в *черные* одежды, но если таковых не найдется, пусть они имеют то, что можно достать в той провинции, где они живут, чтобы они были одного цвета, и такого, который имеет более низкий характер, то есть коричневый.

"XXII. Никому не дозволяется носить белые мундиры или иметь белые мантии, за исключением вышеупомянутых рыцарей Христа.

"XXXVII. Мы не желаем, чтобы на ваших уздечках, нагрудных знаках или шпорах было золото или серебро, являющееся признаком личного богатства, и не позволяем никому из братьев покупать их. Если же подобная утварь будет благотворительно дарована вам, то золото и серебро должны быть такого цвета, чтобы их блеск и красота не придавали носителю вида высокомерия по сравнению с его собратьями.

"XLI. Никому из братьев не дозволяется получать письма от родителей или от кого бы то ни было, а также отправлять письма без разрешения магистра или прокурора. После того как брат получит разрешение, они должны быть прочитаны в присутствии магистра, если это будет ему угодно. Если же что-либо будет направлено ему от родителей, пусть он не смеет принимать это, пока не сообщит об этом магистру. Но в это предписание не включены магистр и прокуроры домов.

"XLII. Мы запрещаем и решительно осуждаем все рассказы любого брата о глупостях и нарушениях, в которых он был виновен в мире или в военных делах, как со своим братом, так и с любым другим человеком. Не дозволяется ему говорить со своим братом ни о нарушениях других людей, ни о наслаждениях плоти с несчастными женщинами; а если случайно услышит, как другой говорит о таких вещах, пусть заставит его замолчать или быстрыми ногами послушания удалится от него, как только сможет, и не будет внимать ухом сердца распространителю пустых рассказов.

"XLIII. Если брату будет сделан какой-либо подарок, пусть отнесет его мастеру или казначею. Если же его друг или родитель согласится сделать подарок только при условии, что он сам им воспользуется, он не должен получать его, пока не получит разрешения от Мастера. И кто получил подарок, пусть не огорчается, если он будет передан другому. Да, пусть он твердо знает, что если он гневается на это, то он гневается на Бога.

"XLVI. Мы все считаем, что никто из вас не должен отваживаться на спорт, чтобы ловить одну птицу другой: ибо не согласно с религией, чтобы вы увлекались мирскими удовольствиями, но лучше охотно слушать наставления Господа, постоянно преклонять колени для молитвы и ежедневно исповедовать свои грехи перед Богом со вздохами и слезами. Пусть никто из братьев, по вышеуказанной особой причине, не осмелится пойти с человеком, преследующим подобные развлечения с ястребом или с какой-либо другой птицей".

"XLVII. Поскольку в религии принято вести себя прилично и смиренно, без смеха, и говорить скупно, но разумно, а не громким тоном, мы особо повелеваем и предписываем каждому исповедующему брату не осмеливаться стрелять в лесу ни из длинноствольного лука, ни из арбалета; И по той же причине, чтобы он не осмеливался сопровождать другого, который будет делать то же самое, кроме как для защиты от вероломного неверного; он не должен осмеливаться кричать или разговаривать с собакой, или подстегивать свою лошадь, желая добыть дичь".

"LI. По Божественному Провидению, как мы верим, этот новый вид религии был введен вами в святых местах, то есть соединение ВОЙНЫ с РЕЛИГИЕЙ, так что религия, будучи вооруженной, прокладывает себе путь мечом и поражает врага без греха. Поэтому мы справедливо постановляем, что, поскольку вы называетесь рыцарями Храма, за ваши известные заслуги и особый дар благочестия вы должны иметь земли и людей, владеть мужьями и справедливо управлять ими, и обычные услуги должны оказываться вам особым образом.

"LV. Мы разрешаем вам иметь женатых братьев таким образом, если таковые пожелают участвовать в благах вашего братства; пусть и муж, и жена передают с момента и после своей смерти свои доли имущества и все, что они приобретут в последующей жизни, в единство общей главы; а в остальное время пусть ведут честную жизнь и трудятся, чтобы делать добро братьям; но им не разрешается появляться в белом одеянии и белой мантии. Если муж умрет первым, он должен оставить свою часть наследства братьям, а жена пусть получает свое

содержание из остатка, и пусть уходит с ним; ибо мы считаем крайне неуместным, чтобы такие женщины оставались в одном и том же доме с братьями, которые обещали целомудрие Богу.

"LVI. Кроме того, крайне опасно соединять сестер с вами в вашем святом исповедании, ибо древний враг увлек многих с верного пути в рай через общество женщин; поэтому, дорогие братья, чтобы среди вас всегда расцветал цветок праведности, пусть этот обычай отныне будет полностью отменен.

"LXIV. Братья, путешествующие по разным провинциям, должны соблюдать правило, насколько это в их силах, в еде и питье, и пусть они придерживаются его в других делах и живут безукоризненно, чтобы получить доброе имя за дверями. Пусть они не запятнают свою религиозную цель ни словом, ни делом; пусть подают всем, с кем они могут быть связаны, пример мудрости и упорства во всех добрых делах. Пусть тот, с кем они поселятся, будет человеком с наилучшей репутацией, и, если возможно, пусть в доме хозяина в эту ночь не будет света, чтобы темный враг (от которого хранит нас Бог) не нашел возможности.

"LXVIII. Необходимо следить за тем, чтобы ни один брат, сильный или слабый, крепкий или немощный, желающий возвыситься, возгордиться степени или защитить свою вину, не остался не наказанным. Если он проявит склонность к исправлению, пусть будет применена более строгая система исправления; если же благочестивым наставлением и серьезным вразумлением он не исправится, но будет все более и более возвышать себя гордостью, то пусть он будет изгнан из святого стада в послушание апостолу: *"Удалите зло от себя"*. Необходимо, чтобы из общества верных братьев удалялись гибнущие овцы. Наставник же, который *должен держать в руке посох и жезл*, то есть посох, чтобы поддерживать немощи слабых, и жезл, чтобы с ревностью праведности поражать пороки провинившихся, пусть учится, по совету патриарха и с духовной осмотрительностью, действовать так, чтобы, как говорит блаженный Максим, грешника не ободрить легкой снисходительностью и не ожесточить в его беззаконии неумеренной строгостью. И наконец. Мы считаем опасным для всей религии слишком часто смотреть на женские лица; поэтому ни один брат не должен осмеливаться целовать ни вдову, ни девственницу, ни мать, ни сестру, ни тетку, ни любую другую женщину. Пусть рыцарство Христово избегает *женских поцелуев*, через которые мужчины очень часто попадали в опасность, чтобы каждый, имея чистую совесть и безопасную жизнь, мог вечно ходить перед лицом Божиим".

После утверждения папской буллой правил и устава ордена Хью де Пайенс отправился во Францию, а оттуда прибыл в Англию, и о его прибытии в Саксонскую хронику рассказывается следующее. "В этом же году (1128 г. н. э.) Хью из Храма прибыл из Иерусалима к королю в Нормандии, и король принял его с большим почетом и дал ему много сокровищ из золота и серебра, после чего отправил его в Англию, и там его хорошо приняли все добрые люди, и все дали ему сокровища, и в Шотландии тоже, и в целом они отправили большую сумму из золота и серебра в Иерусалим, и там с ним и за ним пошло такое большое число, какого не бывало со времен папы Урбана".^[5] В то же время Хью де Пайенсу и его братьям были выданы земельные и денежные пожалования, некоторые из которых вскоре были подтверждены королем Стефаном при его восшествии на престол (1135 г. н. э.). Среди них - пожалование поместья Бистелешэм, выданное тамплиерам графом Робертом де Феррара, и пожалование церкви Лангефорд в Бедфордшире, выданное Симону де Вахуллу, его жене Сибилле и их сыну Вальтеру.

Перед своим отъездом Хью де Пайенс поставил во главе ордена в этой стране рыцаря-тамплиера, который назывался приором Храма и являлся прокуратором и наместником

магистра. В его обязанности входило управление владениями, пожалованными братству, и передача доходов в Иерусалим. Ему также были переданы полномочия по приему членов в орден под контролем и руководством магистра, и он должен был предоставлять средства передвижения для вновь принятых братьев на дальний Восток, чтобы они могли исполнять обязанности своей профессии. По мере увеличения числа домов Храма в Англии стали назначаться суприоры, а настоятель ордена в этой стране стал называться Великим приором, а затем Магистром Храма.

Тамплиеры вызвали удивительный энтузиазм во всем христианстве; принцы и вельможи, государи и их подданные наперебой осыпали их дарами и льготами, и едва ли было составлено важное завещание, в котором не было бы статьи в их пользу. Многие выдающиеся личности на смертном одре давали обеты, чтобы быть похороненными в одежде ордена; а владетельные князья, оставляя управление своими королевствами, зачисляли себя в святое братство и завещали магистру и братьям Храма даже свои владения. Святой Бернар, по просьбе Хью де Пайенса, взялся за свое мощное перо в их защиту. В знаменитой речи "В похвалу новому рыцарству" святой аббат в красноречивых и восторженных выражениях излагает духовные преимущества и благословения, которыми пользуются военные монахи Храма по сравнению со всеми остальными воинами. Он рисует любопытную картину относительного положения и обстоятельств *светских* солдат и солдат Христовых и показывает, как отличаются в глазах Бога кровопролитие и резня, совершаемые одними, от тех, что совершают другие. Обращаясь к светским солдатам, он говорит: "Вы покрываете своих лошадей шелковыми уборами, и я не знаю, сколько тонкой ткани свисает с ваших плащей. Вы раскрашиваете свои копья, щиты и седла; ваши уздечки и шпоры со всех сторон украшены золотом, серебром и драгоценными камнями, и со всей этой пышностью, с постыдной яростью и безрассудным бесчувствием вы мчитесь на смерть. Военные ли это знаки, или скорее женские украшения? Может ли случиться так, что остроконечный меч врага будет уважать золото, пощадит драгоценные камни, не сможет пробить шелковую одежду? Наконец, как вы сами не раз убеждались, для успеха воина необходимы три вещи: он должен быть смелым, активным и осмотрительным, быстрым в беге, стремительным в ударе; вы же, к отвращению глаз, укладываете волосы на женский манер, собираете вокруг своих ног длинные и струящиеся одеяния, укутываете свои нежные и тонкие руки в широкие и объемные рукава. Среди вас, поистине, ничто не провоцирует войну и не пробуждает распри, кроме неразумного порыва гнева, или безумной жажды славы, или жадного желания завладеть чужими землями и имуществом. В таких случаях небезопасно ни убивать, ни быть убитым.

"А теперь мы вкратце покажем образ жизни рыцарей Христа, такой, какой он есть в поле и в монастыре, благодаря чему станет ясно, до какой степени солдаты Бога и солдаты МИРА отличаются друг от друга..... Воины Христовы живут вместе в согласии, но экономно, без жен и детей; и чтобы ничто не было недостатком в евангельском совершенстве, они живут вместе, без отдельного имущества, в одном доме, под одним правилом, заботясь о сохранении единства духа в узах мира. Можно сказать, что у всего этого множества одно сердце и одна душа, поскольку каждый не следует своей воле или желанию, но старается исполнять волю Учителя. Они никогда не бездельничают и не шатаются по окрестностям, но когда они не в поле, чтобы не есть свой хлеб в праздности, они подгоняют и ремонтируют свои доспехи и одежду или занимаются такими делами, каких требует воля Владыки или какие им необходимы. Среди них нет различий между людьми; уважение оказывается лучшим и добродетельным, а не самым знатным. Они участвуют в чести друг друга, несут тяготы друг друга, чтобы исполнить закон Христа. Дерзкое выражение, бесполезная затея, неумеренный смех, малейший шорох или шепот, если их обнаружат, не проходят без

сурового упрека. Они ненавидят карты и кости, сторонятся полевых игр и не испытывают никакого удовольствия от смехотворной ловли птиц (hawking), которой любят предаваться мужчины. Шутов, прорицателей, рассказчиков, сквернословов, песни, зрелища и игры они презируют и отвергают как суету и безумные глупости. Они стригут свои волосы, зная, что, по словам апостола, не подобает человеку иметь длинные волосы. Они никогда не причесываются, редко моются, но появляются скорее с грубыми запущенными волосами, покрытыми пылью, с кожей, подрумяненной солнцем, и в своих почтовых плащах. Кроме того, при приближении битвы они укрепляют себя верой внутри и сталью снаружи, а не золотом, чтобы вооруженные, а не украшенные, они могли навести ужас на врага, а не пробудить в нем жажду грабежа. Они стараются обладать сильными и быстрыми конями, но не украшенными орнаментами или атрибутами, думают о битве и победе, а не о пышности и показухе, и стараются внушать страх, а не восхищение.....

"В Иерусалиме есть храм, в котором они обитают вместе, не равный, правда, как здание, тому древнему и самому знаменитому храму Соломона, но не уступающий ему в славе. Ибо действительно, все великолепие того состояло в тленных вещах, в золоте и серебре, в резном камне и в разнообразии дерева; но вся красота этого покоится в украшении приятной беседы, в благочестивой преданности его обитателей и в их прекрасно организованном образе жизни. Тот храм восхищался различными внешними красотами, этот почитается за различные добродетели и священные действия, как и подобает святости дома Божьего, который восхищается не столько полированным мрамором, сколько упорядоченным поведением, и считает чистые помыслы важнее золоченых стен. Лицо этого храма также украшено оружием, а не драгоценными камнями, а стена, вместо древних золотых чаш, покрыта вокруг висячими щитами. Вместо древних канделябров, кадилъниц и умывальников дом со всех сторон обставлен уздечками, седлами и копьями, что ясно показывает, что воины горят тем же рвением к дому Божьему, которое прежде одушевляло их великого вождя, Когда, сильно разгневанный, он вошел в Храм и этой священной рукой, вооруженной не сталью, а бичом, который он сделал из маленьких ремешков, изгнал торговцев, вылил деньги менял и опрокинул столы тех, кто продавал голубей; Он с величайшим негодованием осудил загрязнение молитвенного дома, превратив его в место торговли."

Затем святой Бернард поздравляет Иерусалим с приходом воинов Христовых: "Радуйся, Иерусалим, - говорит он словами пророка Исаяи, - и знай, что наступило время посещения твоего. Встань, отряхнись от пыли и т. д. и т. п. Радуйся, святой город, освященный скинией Всевышнего! Радуйся, город великого Царя, в котором постоянно совершается столько чудесных и отрадных явлений. Радуйся, госпожа народов, княгиня провинций, владение патриархов, мать пророков и апостолов, инициаторница веры, слава христианского народа, которому Бог с самого начала позволил всегда посещать тебя в скорбях, чтобы таким образом ты могла послужить причиной добродетели и спасения для храбрых людей. Славься, земля обетованная, которая, прежде текущая молоком и медом только для твоих обладателей, теперь протягивает пищу жизни и средство спасения всему миру. Превосходная и счастливая земля, говорю я, которая, получив небесное зерно из глубины отцовского сердца, в этом плодотворнейшем лоне твоём, произвела столь богатый урожай мучеников из небесного семени, и чья плодородная почва не менее многообразно породила плоды в тридцатую, шестидесятую и стократную долю в оставшемся роде всех верных по всему миру. Насытившись и напивавшись великим запасом Твоей приятности, видевшие Тебя распространяют вокруг себя во всех местах воспоминание о Твоей обильной сладости, рассказывают о великолепии славы Твоей до края земли тем, кто не видел Тебя, и повествуют о чудесных делах, совершаемых в Тебе.

"О тебе, город Божий, славно сказано!"

ГЛАВА II.

Хью де Пайенс возвращается в Палестину - его смерть - Роберт де Краон становится магистром - второй крестовый поход - тамплиеры принимают Красный Крест - земли, поместья и церкви, пожалованные им в Англии - Бернард де Тремелей становится магистром - его убивают неверные - Бертран де Бланкефор становится магистром - его берут в плен, Папа дарует тамплиерам огромные привилегии - рыцари, священники и служащие братья ордена - их религиозный и военный энтузиазм - их боевое знамя под названием *Бозеант* - подъем конкурирующего религиозно-военного ордена Госпиталя Св. Иоанна - Противостояние между Саладином и тамплиерами - Тюремное заключение и смерть Великого магистра - Новый магистр и патриарх отправляются в Англию за помощью - Освящение церкви Храма в Лондоне.

"Мы слышали *"текбир"*, так арабы называют
Их крик наступления, когда с громким призывом
Они взывают к *небесам*, как бы повелевая завоеванием".

Хью де Пайенс, заложивший в Европе основы великого монашеского и военного института Храма, которому вскоре суждено было распространить свои ветви в самые отдаленные уголки христианства, вернулся в Палестину во главе доблестного отряда новоизбранных тамплиеров, собранного в основном из Англии и Франции. По прибытии в Иерусалим они были с большим почетом приняты королем, духовенством и баронами Латинского королевства. Однако Хью де Пайенс умер вскоре после своего возвращения, и его сменил (1136 г. н. э.) лорд Роберт, прозванный Бургундским (зять Ансельма, архиепископа Кентерберийского), который после смерти своей жены принял обеты и обычай тамплиеров.[6] В этот период яростный религиозный и военный энтузиазм мусульман вновь пробудили воинственный Зингис и его сын Нуреддин, два самых известных вождя эпохи. Один из них носил имя *Эмод-эд-дин*, "столп религии", а другой *Нур-эд-дин*, "свет религии", в просторечии - Нуреддин. Тамплиеры были разбиты превосходящим числом. Латинское королевство Иерусалим было потрясено до основания, и восточное духовенство в трепете и тревоге отправило Папе срочные письма с просьбой о помощи.

В этот период (1146 г. н. э.) лорда Роберта, магистра Храма, сменил Эверард де Баррес, приор Франции, который созвал общий собор ордена в Париже, на котором присутствовали папа Евгений Третий, Людовик Седьмой, король Франции, и многие прелаты, принцы и дворяне со всех концов христианства. Там был организован второй крестовый поход, а тамплиеры с санкции папы приняли кроваво-красный крест, символ мученичества, в качестве отличительного знака ордена, который было предписано носить на их мундирах и мантиях на левой стороне груди над сердцем, откуда впоследствии они стали известны под именами *Красных монахов* и *Рыцарей Красного Креста*. На этом знаменитом собрании тамплиерам были сделаны различные пожертвования, чтобы они могли более эффективно защищать Святую землю. Бернард Балиол, из любви к Богу и ради блага своей души, подарил им свое поместье Уэдли в Хартфордшире, которое впоследствии стало частью

прецептории Темпл-Диннесли. Это пожалование было сделано на капитуле, состоявшемся на Пасху в Париже, в присутствии Папы, короля Франции, нескольких архиепископов и ста тридцати рыцарей-тамплиеров, облаченных в белые мантии.[7]

Брат Эверард де Баррес, новоизбранный магистр Храма, собрав всех братьев из западных провинций, присоединился ко второму крестовому походу в Палестину. Во время похода через Малую Азию тыл христианской армии защищали тамплиеры, которые во всех случаях проявляли себя с лучшей стороны. Одо из Дойля, или Диаголума, капеллан короля Людовика и его постоянный сопровождающий в этой экспедиции, сообщает нам, что король любил смотреть на бережливость и простоту тамплиеров и подражать им; он восхвалял их единство и бескорыстие, восхищался прежде всего вниманием, которое они уделяли своей амуниции, и их заботой о сохранении снаряжения и боеприпасов, и предложил их в качестве образца для остальной армии.[8]

Конрад, император Германии, предшествовал королю Людовику во главе мощной армии, которая была разбита на куски неверными на севере Азии; он бежал в Константинополь, сел на торговые суда и прибыл с несколькими сопровождающими в Иерусалим, где его приняли тамплиеры и поселили в Храме в Святом городе. Вскоре после этого прибыл король Людовик в сопровождении нового магистра Храма Эверарда де Барреса, и тамплиеры впервые развернули на поле боя знамя с красным крестом. Это был белый штандарт из шерстяной ткани, в центре которого находился кроваво-красный крест, дарованный папой Евгением. Два монарха, Людовик и Конрад, вышли на поле боя при поддержке тамплиеров и осадили великолепный город Дамаск, "королеву Сирии", который защищали великий Нуреддин, "Свет религии", и его брат *Сейф-Эддин*, "Меч веры".

The services rendered by the Templars are thus gratefully recorded in the following letter sent by Louis, the French king, to his minister and viceroy, the famous Suger, abbot of St. Дени: "Я не представляю, как мы могли бы продержаться в этих краях хотя бы малый промежуток времени, если бы не их (тамплиеров) поддержка и помощь, которые никогда не подводили меня с первого дня, когда я ступил на эти земли, и до момента отправки этого письма - помощь, умело оказанная и щедро продолженная. Поэтому я искренне умоляю вас, чтобы, как до сих пор эти братья Храма были благословлены любовью Божьей, так и теперь они могли радоваться и поддерживаться нашей любовью и благосклонностью. Я должен сообщить вам, что они одолжили мне значительную сумму денег, которую необходимо быстро вернуть им, чтобы их дом не пострадал, а я мог сохранить свое слово....".[9]

Среди английских дворян, записавшихся во второй крестовый поход, были два знаменитых воина - Роджер де Моубрей и Уильям де Уорренн. Роджер де Моубрей был одним из самых могущественных и воинственных баронов Англии, одним из победоносных вождей в знаменитой битве при штандарте: он отправился с королем Людовиком в Палестину, сражался под знаменами Храма против неверных и, восхищенный благочестием и доблестью святых воинов ордена, по возвращении в Англию подарил им множество ценных поместий и владений. Среди них были поместья Килеби и Витли, различные земли на острове Акшолм, город Балшалл в графстве Уорик и различные места в Йоркшире; и столь щедрыми были его пожертвования, что тамплиеры предоставили ему и его наследникам различные особые привилегии. Примерно в тот же период Стефан, король Англии, даровал и подтвердил "Богу и Пресвятой Деве Марии, а также братьям рыцарства Храма Соломона в Иерусалиме все поместье Крессинг с припиской к церкви того же поместья, а также поместья Эгл и Витэм". Королева Матильда также пожаловала им поместье Ковел или Коули в Оксфордшире, две мельницы в том же графстве, общее пастбище в лесу Шотовер и церковь Стреттон в Ратленде. Ральф де Гастингс и Уильям де Гастингс в то же царствование (1152 г. н.

э.) подарили тамплиерам земли в Херсте и Уикшеме в Йоркшире, впоследствии образовавшие прецепторию Темпл-Херст. Уильям Эшби предоставил им поместье, на котором впоследствии были возведены дом и церковь Темпл-Брюер; и орден продолжал быстро увеличивать свою силу и богатство в Англии и во всех частях Европы благодаря благотворительным пожертвованиям благочестивых христиан.^[10]

После жалкого провала второго крестового похода брат Эверард де Баррес, магистр Храма, вернулся в Париж вместе со своим другом и покровителем Людовиком, французским королем; и тамплиеры, лишившись своего вождя, остались одни и без помощи, чтобы противостоять победоносной карьере фанатичных мусулман. Об их бедственном положении рассказывает меланхоличное письмо казначея ордена, написанное магистру Эверарду де Барресу во время его пребывания при дворе короля Франции и сообщаящее ему о расправе над принцем Антиохийским и всей его знатью. "Мы призываем вас, - говорит он, - привести с собой из-за моря всех наших рыцарей и служивых братьев, способных носить оружие. Увы, при всем вашем усердии вы можете не найти ни одного из нас в живых. Поэтому проявите всю возможную расторопность; не забывайте о нуждах нашего дома: они таковы, что ни один язык не в силах их выразить. Также крайне важно объявить Папе, королю Франции и всем принцам и прелатам Европы о приближающемся запустении Святой земли, чтобы они помогли нам лично или прислали субсидии".

Магистр Храма, однако, вместо того чтобы отправиться в Палестину, отрекся от власти и удалился в монастырь Клерво, где посвятил остаток своих дней строжайшему покаянию и моционам. Его сменил (1151 г. н. э.) Бернар де Тремеле, дворянин из знатного рода в Бургундии, во Франции, доблестный и опытный воин.^[11]

Вскоре после его прихода к власти неверные перешли Иордан и приблизились к Иерусалиму. Их знамена развевались на вершине Елеонской горы, а воинственные звуки их барабанов и труб были слышны в священных стенах святого города. Они расположились лагерем на горе напротив Храма, и имели возможность издали наблюдать *Бейт-Аллах*, или Храм Господень, их святой дом молитвы; но во время ночной атаки они были разбиты со страшной резней и преследовались до самого Иордана, пять тысяч из их числа были оставлены мертвыми на равнине.

20 апреля 1153 года тамплиеры потеряли своего великого покровителя святого Бернарда, который умер на шестьдесят третьем году своей жизни. На смертном одре он написал три письма от имени ордена. Первое было адресовано патриарху Антиохийскому, увещевая его защищать и поощрять тамплиеров, что, по заверениям святого аббата, окажется наиболее приемлемым для Бога и людей. Второе было написано Мелесинде, королеве Иерусалимской, восхваляя ее величество за благосклонность, проявленную ею к братьям ордена; а третье, адресованное брату Андре де Монбарду, рыцарю-тамплиеру, передает ласковые приветствия святого Бернарда магистру и братьям, чьими молитвами он рекомендует себя.

В том же году магистр Храма погиб во главе своих рыцарей при попытке взять штурмом важный город Аскалон. Пройдя через пролом в стенах, он проник в центр города, где был окружен и побежден. Мертвые тела магистра и его злосчастных рыцарей были с триумфом выставлены со стен, и, по свидетельству очевидца, ни один тамплиер не спасся.

Де Тремеле сменил (1154 г. н. э.) брат Бертран де Бланкефор, рыцарь из знатного гиеннского рода, которого Вильгельм Тирский называл благочестивым и богобоязненным человеком. Во

вторник, 19 июня 1156 года, тамплиеры попали в засаду во время похода с Балдуином, королем Иерусалима, недалеко от Тивериады, триста братьев были убиты на поле боя, а восемьдесят семь попали в руки врага, среди которых был сам Бертран де Бланкефор и брат Одо, маршал королевства. Вскоре после этого небольшой отряд взял в плен большой отряд сарацин, а во время ночного нападения на лагерь Нуреддина они заставили знаменитого вождя бежать без оружия и полуголым с поля боя. В этом последнем деле с честью упоминаются имена Роберта Мэнсела, англичанина, и Жильбера де Лейси, прецептора храма в Триполи.[12]

Пламенное рвение и воинственный энтузиазм тамплиеров были уравнены, если не превзойдены, суровым фанатизмом и религиозным пылом последователей Магомета. "Нуреддин сражался, - пишет его восточный биограф, - как самый жалкий из своих солдат, говоря: "Увы! Вот уже долгое время я ищу мученичества, но не могу его получить". Имаум Котеб-ед-дин, услышав однажды от него эти слова, воскликнул: "Во имя Бога, не подвергай свою жизнь опасности, не подвергай таким образом опасности ислам и мусульман. Ты - их опора и поддержка, и если (да сохранит нас от этого Бог) тебя убьют, мы все пропадем". "Ах! Котеб-ед-дин, - сказал он, - что ты сказал, кто может спасти *ислам* и нашу страну, кроме великого Бога, которому нет равных?" "Что, - сказал он в другой раз, - разве мы не заботимся о безопасности наших домов от грабителей и разбойников, и разве мы не защищаем РЕЛИГИЮ?"[13] Как и тамплиеры, Нуреддин постоянно сражался духовным и плотским оружием. Он противостоял миру и его соблазнам постом и молитвой, ежедневным исполнением моральных и религиозных обязанностей и добродетелей, привитых в Коране. Он сражался мечом с врагами ислама и все свои силы, до последнего часа своей жизни, отдавал энтузиазму и фанатизму в борьбе за возвращение Иерусалима.[14] В его лагере были строго запрещены все светские и легкомысленные разговоры; усердно соблюдались религиозные обряды, а перерывы между действиями посвящались молитвам, размышлениям и изучению Корана. "Меч, - говорит пророк Магомет в этой замечательной книге, - ключ от рая и ада; капля крови, пролитая за дело Божье, ночь, проведенная в оружии, приносит больше пользы, чем два месяца поста и молитвы. Кто бы ни пал в бою, ему прощаются грехи. В судный день его раны будут блестеть, как вермильон, и благоухать, как мускус, а потерю конечностей восполнят крылья ангелов и херувимов".

Среди многочисленных примеров фанатичного пыла мусульманских воинов можно привести следующие, взятые из истории Абу Абдоллы Альвакиди, кади Багдада. "Кажется, - сказал доблестный сарацинский юноша в пылу сражения, - кажется, я вижу, как на меня смотрят черноглазые девушки, одна из которых, появившись она в этом мире, все люди умерли бы от любви к ней; и я вижу в руке одной из них платок из зеленого шелка и шапочку из драгоценных камней, и она манит меня и зовет: "Иди скорее сюда, ибо я люблю тебя". С этими словами, обвинив христианское воинство, он творил бесчинства, куда бы ни пошел, пока наконец не был сражен копьем. "Не это, - сказал другой умирающий арабский воин, в последний раз обнимая свою сестру и мать, - не увядающие удовольствия этого мира побудили меня посвятить свою жизнь делу РЕЛИГИИ, я ищу благосклонности Бога и его Апостола, и я слышал от одного из спутников пророка, что духи мучеников поселятся в посевах зеленых птиц, которые вкушают плоды и пьют воды рая. Прощайте: мы еще встретимся среди рощ и фонтанов, которые Бог приготовил для своих избранных".[15]

Магистр Храма, брат Бертран де Бланкефор, был освобожден из плена по приказу Мануила Комнина, императора Константинополя. После освобождения он написал несколько писем Людовику VII, королю Франции, в которых описал состояние и перспективы Святой Земли:

растущую силу и дерзость неверных, а также разруху и запустение, вызванные страшным землетрясением, которое снесло множество замков, разрушило стены и оборонительные сооружения нескольких городов и поглотило жилища жителей. "Гонители церкви, - говорит он, - поспешили воспользоваться нашими несчастьями; они собрались со всех концов земли и выступили как один человек против святилища Божьего".

Именно во время его правления Джеффри, рыцарь-тамплиер, и Хью из Кесарии были отправлены с посольством в Египет и имели свою знаменитую беседу с халифом. Их ввели во дворец фатимидов через ряд мрачных переходов и сверкающих портиков, среди пения птиц и журчания фонтанов; сцена была дополнена демонстрацией дорогой мебели и редких животных, а длинный ряд раскрывающихся дверей охраняли черные солдаты и домашние евнухи. Святилище палаты присутствия было завешено занавесом, и визирь, который вел послов, отложил свой скимитар и трижды преклонил колена; затем занавес был снят, и они увидели командующего верными.^[16]

Брат Бертран де Бланкефор в своих письмах королю Франции рассказывает о военных операциях, предпринятых орденом Храма в Египте, и о взятии многолюдного и важного города Белбейс, древнего Пелузиума.^[17] Во время отсутствия магистра с большей частью братства в этой экспедиции султан Нуреддин вторгся в Палестину; он разгромил со страшной резней служивых братьев и туркополов, или легких коней ордена, которые остались защищать страну, а шестьдесят рыцарей, командовавших ими, были оставлены мертвыми на равнине. Амальрик, король Иерусалима, преемник Балдуина Третьего, в письме "к своему дорогому другу и отцу" Людовику Седьмому, королю Франции, просит его о добрых услугах от имени всех благочестивых христиан Святой земли; "Но прежде всего, - говорит он, - мы убедительно просим Ваше Величество постоянно оказывать максимальное расположение и уважение Братьям Храма, которые постоянно отдают свои жизни за Бога и веру, и через которых мы делаем то небольшое, что в наших силах, ибо на них, после Бога, возлагается вся надежда всех тех в восточных областях, кто ступает по правильному пути".^[18] Магистра, брата Бертрана де Бланкефора, сменил (1167 г. н. э.) Филипп Наплузский, первый магистр Храма, родившийся в Палестине. Он был лордом крепостей Крак и Монреаль в Аравии Петра и принял обеты и обычай ордена Храма после смерти своей жены.^[19]

Теперь мы должны сделать паузу, чтобы взглянуть на становление еще одного великого военно-религиозного института, который отныне играет ведущую роль в обороне Латинского королевства. В XI веке, когда паломничество в Иерусалим значительно возросло, несколько итальянских купцов из Амальфи, которые вели выгодную торговлю с Палестиной, приобрели у халифа *Монстасербиллах* участок земли в христианском квартале Святого города, недалеко от церкви Воскресения, где были построены две больницы, одна из которых предназначалась для приема паломников-мужчин, а другая - для женщин. Несколько благочестивых и благотворительных христиан, в основном из Европы, посвятили себя в этих больницах постоянному уходу за больными и обездоленными. Были возведены две часовни, одна из которых, пристроенная к женскому учреждению, была посвящена святой Марии Магдалине, а другая - святому Иоанну Елемосинарию, канонизированному патриарху Александрии, отличавшемуся необычайной благотворительностью. Благочестивые и добросердечные люди, которые здесь ухаживали за больными паломниками, одевали нагих и кормили голодных, были названы "Госпитальерами святого Иоанна". После завоевания Иерусалима крестоносцами эти благотворители, естественно, пользовались величайшим уважением и почтением своих братьев с запада; многие воины креста, пораженные их благочестием и рвением, пожелали участвовать в их добрых делах, а госпитальеры,

воодушевленные религиозным энтузиазмом того времени, решили отречься от мира и посвятить остаток своей жизни благочестивым обязанностям и постоянному уходу за больными. Они приняли обычные монашеские обеты послушания, целомудрия и бедности, а в качестве отличительной привычки - *черную* мантию с *белым* крестом на груди. Владыки и князья, участвовавшие в крестовом походе, даровали им различные земли и владения как в Палестине, так и в Европе, и орден госпитальеров Святого Иоанна быстро превратился в великое и могущественное учреждение.

Во главе общества в этот период стоял Жерар, уроженец Прованса, с титулом "Хранитель бедных". Его сменил (1118 г. н. э.) Раймон Дюпюи, рыцарь из Дофине, который разработал ряд правил для руководства и управления своими братьями. В этих правилах нет и следа того военного духа, который впоследствии одушевил орден Госпиталя Святого Иоанна. Первое достоверное упоминание о намерении госпитальеров заниматься военными делами содержится в булле папы Иннокентия Второго, датированной 1130 годом. Булла адресована архиепископам, епископам и духовенству вселенской церкви и сообщает, что в то время госпитальеры содержали за свой счет корпус всадников и пеших воинов для защиты паломников, отправляющихся в и возвращающихся из святых мест; Папа замечает, что средств госпитальеров недостаточно, чтобы они могли эффективно выполнять благочестивую и святую задачу, и увещевает архиепископов, епископов и духовенство оказывать помощь в нуждах ордена из своего богатого имущества. Следовательно, в этот период госпитальеры решили дополнить задачу *защиты заботой* и помощью паломникам.

После вступления (1168 г. н. э.) Жильбера д'Ассалита в должность опекуна Госпиталя - человека, описанного де Верто как "смелый и предприимчивый, с экстравагантным гением", - в госпитальеров вселился военный дух, который быстро возобладал над их благочестивым и благотворительным усердием в заботе о бедных и больных. Жильбер д'Ассалит был другом и доверенным лицом Амальрика, короля Иерусалима, и вместе с ним планировал нечестивое вторжение в Египет вопреки договорам. Магистр Храма, с которым посоветовались по поводу этой экспедиции, категорически отказался иметь к ней какое-либо отношение и не позволил ни одному брату из ордена Храма сопровождать короля с оружием в руках: "Ибо тамплиерам казалось тяжким делом, - говорит Вильгельм Тирский, - вести войну без причины, вопреки договорам, против чести и совести с дружественным народом, сохраняющим с нами веру и полагающимся на нашу собственную веру". Поэтому Жильбер д'Ассалит решил добиться для короля помощи от своих братьев, в которой ему отказывали тамплиеры; а чтобы склонить госпитальеров вооружиться в целом как великое военное общество, подражая тамплиерам, и присоединиться к экспедиции в Египет, Жильбер д'Ассалит был уполномочен пообещать им от имени короля владение богатым и важным городом Белбейс, древним Пелузием, под вечным суверенитетом.

По словам де Верто, старшие госпитальеры были крайне не согласны с военными проектами своего вождя: "Они настаивали, - говорит он, - что являются религиозным орденом и что церковь не давала им в руки оружие для завоеваний"; но более молодые и пылкие братья, горящие желанием сменить монотонную жизнь монастыря на предприимчивость и активность лагеря, восприняли предложения своего начальника с энтузиазмом, и большинство членов капитула приняли решение в пользу планов и проектов своего гвардейца. Они разрешили ему занимать деньги у флорентийских и генуэзских купцов, принимать наемных солдат на жалованье ордена и организовывать госпитальеров как большое военное общество.

Именно в первый год правления Филиппа Неаполитанского (1168 г. н. э.) король Иерусалима и госпитальеры отправились в свою памятную и злополучную экспедицию. Египтяне были

захвачены врасплох; город Белбейс был взят штурмом, а незащищенные жители подверглись варварской резне. Жестокость и несправедливость христиан, однако, быстро понесли заслуженное наказание. Иерусалимский король был изгнан обратно в Палестину, Бельбейс был с треском оставлен, а госпитальеры в печали и разочаровании бежали в Иерусалим. Там они выплеснули свое негодование и досаду на несчастного Жильбера д'Ассалита, своего начальника, который втянул орден в долги на 100 000 золотых; они заставили его сложить свои полномочия, и несчастный хранитель госпиталя бежал из Палестины в Англию и утонул в Ла-Манше. Однако с этого времени характер ордена Госпиталя Святого Иоанна полностью изменился: отныне госпитальеры предстают как великое военное объединение; их начальник называет себя магистром и лично ведет братьев на поле боя. Уход за бедными и больными по-прежнему оставался одной из обязанностей братства, но, должно быть, он слабо выполнялся среди лязга оружия и возбуждения войны.[20]

Великий магистр Храма, Филипп Наплузский, сложил свои полномочия после трехлетнего правления, и его сменил (1170 г. н. э.) брат Одо де Сент-Аманд, гордый и пламенный воин, непоколебимой храбрости и решимости; по словам Вильгельма, архиепископа Тирского, перед его глазами не было страха ни перед Богом, ни перед человеком.[21] Именно во время его Великого магистрата (1172 г. н. э.) рыцарь-тамплиер Вальтер дю Месниль убил посланника или служителя убийц. Это была отвратительная религиозная секта, обосновавшаяся в горах над Триполи и якобы происходившая от исмаилитов из Персии. Они посвящали свои души и тела в слепом повиновении вождю, которого авторы крестовых походов называют "стариком горы", и использовали его в самой обширной системе убийств и покушений, известной в мировой истории. И христианские, и мусульманские писатели с ужасом перечисляют множество прославленных жертв, павших под их кинжалами. Для осуществления своих смертоносных замыслов они принимали любую форму и маскировку и, как правило, не имели при себе никакого оружия, кроме маленького пистолета, спрятанного в складках их платья, называемого на персидском языке *хассисин*, откуда эти несчастные стали называться *убийцами*, а их глава - принцем убийц; само слово, во всем его одиозном значении, перешло в большинство европейских языков.[22]

Раймонд, сын графа Триполи, был убит этими фанатиками, стоя на коленях у подножия алтаря в церкви Пресвятой Девы в Карчусе или Тортосе; тамплиеры бросились к оружию, чтобы отомстить за его смерть; они проникли в крепости и укрепления "горного вождя" и наконец вынудили его купить мир выплатой ежегодной дани в две тысячи крон в казну ордена. На девятом году правления Амальрика *Синан бен Сулейман*, имаун убийц, отправил в Иерусалим доверенного советника, предлагая от имени себя и своего народа принять христианскую религию, если тамплиеры освободят их от уплаты дани. Предложение было принято благосклонно; посланника с почетом принимали несколько дней, а при отъезде король предоставил ему проводника и эскорт, чтобы безопасно проводить его до границы. Исмаилит достиг границ Латинского королевства и был уже почти в виду замков своих братьев, когда был убит рыцарем тамплиеров Вальтером дю Меснилем, который напал на эскорт с телом вооруженных последователей. Король Иерусалима собрал баронов королевства в Сидоне, чтобы решить, как лучше всего получить удовлетворение за нанесенную обиду; было решено, что двое из них должны отправиться к Одо де Сент-Аманду, чтобы потребовать выдачи преступника. Надменный магистр Храма велел им сообщить его величеству королю, что члены ордена не подчиняются ни его юрисдикции, ни юрисдикции его офицеров; что тамплиеры не признают никакого земного начальника, кроме папы; и что только святому понтифику принадлежит рассмотрение преступления. Однако он заявил, что преступление должно понести должное наказание: он приказал арестовать

преступника, заковать его в кандалы и немедленно отправить в Рим, но до вынесения решения по его делу он запрещает всем лицам любого ранга вмешиваться в его дела.[23]

Теперь тамплиерам суждено было встретиться с более грозным противником, чем все, с кем они до сих пор сталкивались на поле боя, с тем, кто снова должен был заставить *полумесяц* восторжествовать над крестом и водрузить штандарт пророка на стенах святого города. Когда фатимидский халиф получил сведения о вторжении короля Амальрика в Египет, (ante p. 36) он послал волосы своих женщин, один из величайших знаков беды, известных на Востоке, благочестивому Нуреддину, который немедленно отправил ему на помощь войска, возглавляемые Шееркохом и его племянником, *Юсеф-бен-Акуб-бен-Шади*, знаменитым Саладином. Шееркох умер сразу после прибытия, а Юсеф принял командование и был назначен визирем халифа. Молодость его прошла в удовольствиях и разврате, лени и праздности, но как только он овладел силой меча и получил командование армией, он отрекся от мирских удовольствий и принял облик святого. Его одеждой была грубая шерстяная одежда, единственным напитком - вода, и он тщательно воздерживался от всего, что не одобрялось мусульманской религией. Пять раз в день он совершал публичную молитву в окружении своих друзей и последователей, а его поведение стало серьезным, серьезным и задумчивым. Ночи он часто проводил в бдениях и размышлениях, усердно постился и изучал Коран, а восхищенные братья дали ему имя *Салах-эд-Дин*, "Целомудрие религии", в просторечии называемое Саладином.

Вызвав религиозный энтузиазм мусульман, он принялся мстить христианам за их вероломное вторжение в Египет. Он собрал сорокатысячную конную и пешую армию, пересек пустыню и осадил укрепленный город Газа, который принадлежал рыцарям-тамплиерам и считался ключом Палестины к Египту. Роскошные сады, пальмовые и оливковые рощи этого города пустыни были уничтожены дикой конницей пустыни, а бесчисленные шатры арабского войска были разбиты на соседних песчаных холмах. Воинственные монахи храма, в свою очередь, постились и молились, призывая на помощь Бога битв; они отчаянно оборонялись, а во время неожиданной вылазки в лагерь врага проявили такие доблести, что Саладин, отчаявшись взять город, отказался от осады и отступил в Египет.[24]

После смерти Нуреддина, султана Дамаска (1175 г. н. э.), Саладин возвысил себя до суверенитета Египта и Сирии. Он снова собрал огромную армию, пересек пустыню и водрузил штандарт Магомета на священной территории Палестины. Его войска состояли из двадцати шести тысяч легкой пехоты, восьми тысяч всадников, множества лучников и копьеносцев на дромадерах, восемнадцати тысяч простых солдат и телохранителя из тысячи мамлюкских эмиров, одетых в желтые плащи, надетые поверх почтовых рубашек. В великой битве под Аскалоном (1 ноября 1177 года) Одо де Сент-Аманд, магистр Храма, во главе восьмидесяти своих рыцарей прорвался сквозь гвардию мамлюков, убил их командира и проник в императорский шатер, откуда Саладин с большим трудом, почти голый, бежал на дромедере. В следующем году тамплиеры, чтобы защитить и прикрыть дорогу, ведущую из Дамаска в Иерусалим, начали возводить сильную крепость на северной границе Латинского королевства, недалеко от брода Иакова на реке Иордан, в том месте, где сейчас стоит *Джис'р Бени Якоб*, "мост сыновей Иакова". Саладин выступил во главе своих войск, чтобы воспрепятствовать ходу работ, а король Иерусалима и все рыцарство Латинского королевства собрались на равнине, чтобы защитить тамплиеров и их рабочих. В ходе общего сражения вся армия Креста была разбита с огромной резней. Тамплиеры и госпитальеры вместе с графом Триполи твердо стояли на вершине небольшого холма и долгое время представляли победоносному врагу смелый и непоколебимый фронт. Наконец граф Триполи

пробил себе путь через неверных и бежал в Тир; магистр Госпиталя, увидев большинство своих братьев убитыми, переплыл Иордан и бежал, покрытый ранами, в замок Бофор; а тамплиеры, сражаясь с привычным рвением и фанатизмом вокруг знамени с красным крестом, которое до последнего развевалось над полем крови, были все убиты или взяты в плен, а магистр Одо де Сент-Аманд попал живым в руки врага. Затем Саладин осадил недавно возведенную крепость, защищенную толстыми стенами, с флангов которой возвышались большие башни, оснащенные военными механизмами, и после галантного сопротивления гарнизона она была подожжена, а затем взята штурмом. "Тамплиеры, - говорит Абульфарадж, - бросились кто в огонь, где и сгорели, кто в Иордан, кто спрыгнул со стен на камни и разбился вдребезги: так был убит враг". Крепость превратилась в груды развалин, а разгневанный султан, как говорят, приказал распилить на две части всех взятых тамплиеров, кроме самых выдающихся рыцарей, которых оставили для выкупа и отправили в цепях в Алеппо. Саладин предложил Одо де Сент-Аманду свободу в обмен на свободу его племянника, который был пленником в руках тамплиеров; но магистр Храма надменно ответил, что никогда своим примером не побудит никого из своих рыцарей к подлости, чтобы сдаться, что тамплиер должен либо победить, либо умереть, и что ему нечего отдать за выкуп, кроме своего пояса и ножа. Гордый дух Одо де Сент-Аманд плохо переносил заточение; он томился и умер в подземельях Дамаска, и его сменил (1180 г.) брат Арнольд де Торрож, занимавший несколько главных постов ордена в Европе.

Дела латинских христиан в этот период находились в плачевном положении. Саладин расположился лагерем возле Тивериады и распространил свои опустошения почти на все районы Палестины. Его легкая кавалерия пронеслась по долине Иордана до Иерусалима на расстоянии одного дня марша, и вся страна до Паниаса с одной стороны и Бейсана, Д'Енена и Себасте с другой была уничтожена огнем и мечом. Дома тамплиеров были разграблены и сожжены; различные замки, принадлежавшие ордену, были взяты штурмом; но немедленное уничтожение латинской державы было задержано некоторыми частичными успехами, достигнутыми христианскими воинами, и искусным полководческим искусством их предводителей. Саладин был вынужден отступить в Дамаск, после того как он сжег Наплус и обезлюдил всю страну вокруг Тивериады. Было предложено перемирие (1184 г. н. э.), и поскольку внимание султана было отвлечено интригами туркоманских вождей на севере Сирии, а сам он снова был вовлечен в военные действия в Месопотамии, он согласился на приостановку войны на четыре года в обмен на выплату христианами большой суммы денег.^[25]

Этим перемирием немедленно воспользовались, чтобы обеспечить безопасность Латинского королевства. В Иерусалиме был созван большой совет, на котором было решено, что Ираклий, патриарх Святого города и магистры храма и госпиталя, должны немедленно отправиться в Европу, чтобы получить помощь от западных князей. Больше всего на помощь рассчитывал Генрих Второй, король Англии, внук Фулька, покойного короля Иерусалима, и двоюродный брат Балдуина, царствовавшего в то время германского государя. Генрих получил отпущение грехов за убийство святого Томаса а-Бекета при условии, что он лично отправится во главе мощной армии на помощь Палестине и за свой счет будет содержать двести тамплиеров для защиты святой территории. Патриарх и два магистра высадились в Италии и, снабдив себя письмами папы, угрожавшими английскому монарху карами небесными, если он немедленно не исполнит предписанное ему покаяние, отправились в Англию. В Вероне магистр Храма заболел и умер, но его спутники продолжили свой путь и в начале 1185 года благополучно высадились в Англии. Они были приняты королем в Рединге и, бросившись к ногам английского монарха, с большим плачем и рыданиями приветствовали его от имени короля, принцев и народа Иерусалимского королевства. Они

объяснили цель своего визита и вручили ему письма папы, с ключами от святого гроба, башни Давида и города Иерусалима, а также королевское знамя Латинского королевства. Их красноречивое и патетическое повествование о свирепых набегах Саладина и о бедственном положении Палестины вызвало слезы у короля Генриха и всех его придворных. Английский государь дал патриарху и его спутникам ободряющие заверения и пообещал вынести все дело на рассмотрение парламента, который должен был собраться в первое воскресенье Великого поста.[26]

Патриарх тем временем отправился в Лондон и был принят рыцарями-тамплиерами в Храме этого города, главном доме ордена в Британии, где в феврале он освятил только что возведенную прекрасную церковь Храма, посвященную Пресвятой Деве Марии.[27]

ГЛАВА III.

Храм в Лондоне - обширные владения тамплиеров в Англии - территориальное деление ордена - различные прецептории в этой стране - привилегии, дарованные тамплиерам королями Англии - магистры Храма в Лондоне - их власть и значение.

Ли фьер, ли местре дю Темпл
Qu'estoient rempli et ample
D'Or et d'argent et de richesse,
Et qui menoient tel noblesse,
Ou sont-il? que sont devenu?
Que tant ont de plait maintenu,
Que nul a elz ne s'ozoit prendre
Tozjors achetoient sans vendre
Nul riche a elz n'estoit de prise;

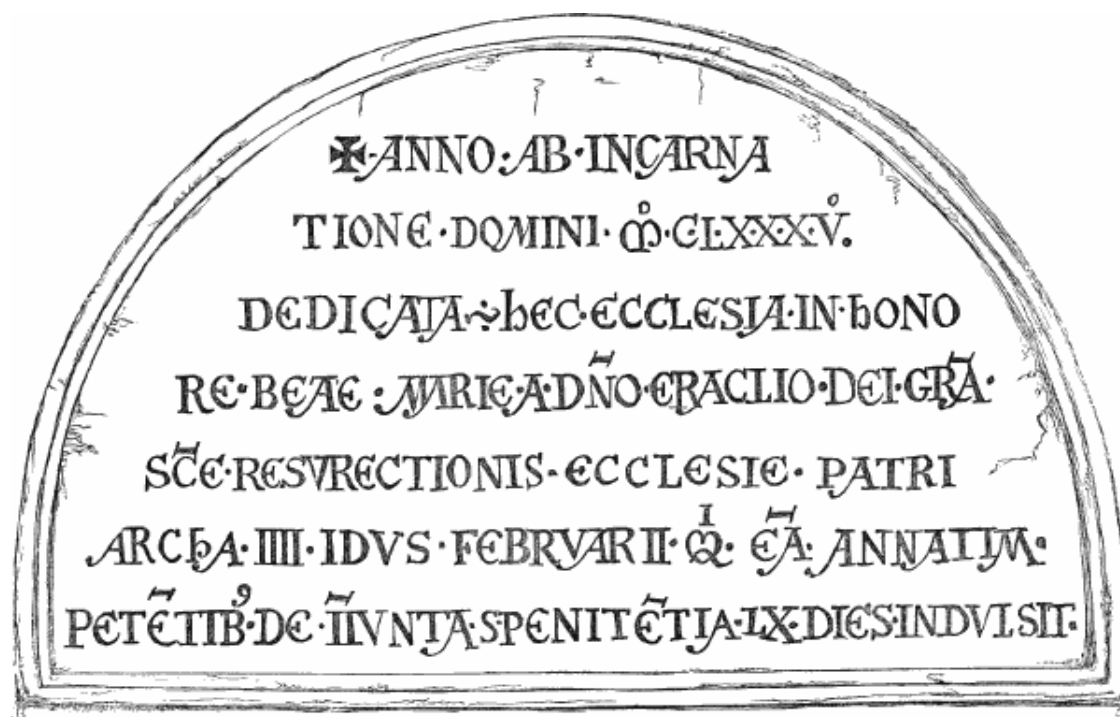
Tant va pot a eue qu'il brise.

Chron. à la suite du Roman de Favel.

Рыцари-тамплиеры впервые основали главный дом своего ордена в Англии, без Холборн-Барса, на южной стороне улицы, где раньше стоял Саутгемптон-Хаус, к которому впоследствии были возведены Саутгемптон-Билдингс: и утверждается, что около полутора веков назад часть древней часовни, пристроенной к этому заведению, круглой формы, и построенной из канского камня, была обнаружена при сносе нескольких старых домов возле Саутгемптон-Билдингс в Чансери-Лейн.^[28] Этот первый дом Храма, основанный самим Хью де Пейенсом перед его отъездом из Англии, по возвращении в Палестину, был приспособлен к нуждам и потребностям ордена в его младенческом состоянии, когда рыцари, вместо того чтобы задерживаться в прецепториях Европы, сразу же отправлялись в Палестину, и когда все средства общества строго и верно направлялись в Иерусалим, чтобы быть потраченными на защиту веры; Но когда орден значительно увеличился в численности, силе и богатстве и несколько отошел от своей первоначальной чистоты и простоты, мы видим, что настоятель и рыцари, проживающие в Лондоне, начали искать за границей более обширное и удобное место для проживания. Они приобрели большой участок земли, простирающийся от Уайт Фрайерс на запад до Эссекс Хаус без Темпл Бара, и начали возведение монастыря, по масштабам величия соизмеримого с достоинством и важностью главного дома великого военно-религиозного общества Храма в Британии. Он был назван *Новым* храмом, чтобы отличить его от первоначального заведения в Холборне, которое отныне стало называться *Старым* храмом. Новый Храм был приспособлен для проживания многочисленных военных монахов и послушников, служащих братьев, прислужников и прислужниц. В нем находились резиденции настоятеля и рыцарей, кельи и апартаменты капелланов и служилой братии, зал совета, где проводились соборы, и трапезная или столовая, соединенная рядом красивых клуатров с великолепной церковью, освященной патриархом. Вдоль реки простиралась просторная площадка для отдыха братии, которой не разрешалось выходить в город без разрешения магистра. Здесь также проводились военные учения и тренировки лошадей.

В год освящения храмовой церкви Джеффри, настоятель ордена в Англии, провел расследование земель тамплиеров в этой стране и имен их дарителей,^[29] из которого следует, что крупные территориальные подразделения ордена тогда назывались бейливиками, основными из которых были Лондон, Уорвик, Куэле, Меритун, Гутинг, Вестун, Линкольншир, Линдези, Уидин и Эборасисир (Йоркшир). Поражает количество поместий, ферм, церквей, адвокатов, земельных владений, деревень, хуторов, ветряных и водяных мельниц, арендных платежей, прав на общий и свободный варрен, а также сумма всех видов собственности, которой тамплиеры владели в Англии на момент проведения этой инквизиции. В больших поместьях, принадлежавших ордену, были возведены дома приоров, где жили прокураторы или управляющие, которым поручалось управлять поместьями и фермами в их окрестностях, а также собирать ренту. Эти приорские дома стали обычными монашескими заведениями, в которых жили в основном больные и престарелые тамплиеры, удалившиеся в них, чтобы провести остаток своих дней после долгой службы против неверных в Палестине. Они являлись кельями главного дома в Лондоне. При них также существовало несколько меньших администраций, созданных для управления фермами, состоявших из рыцаря-тамплиера, к которому были прикреплены несколько служащих братьев ордена, и священника, выполнявшего функции альмонера. Поручения или мандаты,

направляемые магистром Храма офицерам, возглавлявшим эти учреждения, назывались наставлениями, от их начала: "*Præcipimus tibi*", мы предписываем или направляем вас, и т. д. и т. п. Рыцари, к которым они были обращены, назывались *Præceptores Templi*, или прецепторами Храма, а районы, которыми они управляли, - *Præceptoria*, или прецепториями.

Древняя надпись на храмовой церкви, которая находилась над дверью, ведущей в клуатр.

10 февраля,

В

ГОД ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ ГОСПОДА НАШЕГО, 1185,

ЭТА ЦЕРКОВЬ БЫЛА ОСВЯЩЕНА В ЧЕСТЬ БЛАГОСЛОВЕННОЙ МАРИИ

ВЛАДЫКОЙ ГЕРАКЛИЕМ,

ПО

МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ ПАТРИАРХОМ ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ,

КОТОРЫЙ

ПРЕДОСТАВИЛ ИНДУЛЬГЕНЦИЮ НА ШЕСТЬДЕСЯТ ДНЕЙ

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЕЖЕГОДНО ПОСЕЩАЕТ ЕЕ.

Перевод надписи на храмовой церкви, как она располагалась над дверным проемом, ведущим в монастырь.

Теперь следует сделать общий обзор владений и организации ордена как в Европе, так и в Азии, "чьи обстоятельства, - говорит Уильям, архиепископ Тирский, пишущий из Иерусалима о периоде освящения в Лондоне Храмовой церкви, - находятся в столь процветающем состоянии, что на сегодняшний день в их монастыре (Храм на горе Мориа) более трехсот рыцарей, облаченных в белые одежды, помимо служащих братьев, число которых бесчисленно. Их владения как за морем, так и в этих краях, как говорят, столь обширны, что в настоящее время в христианском мире не найдется провинции, которая не участвовала бы в поддержке вышеупомянутых братьев, чье богатство, как говорят, равно богатству суверенных принцев".[\[30\]](#)

Восточными провинциями ордена были: 1. Палестина, правящая провинция. 2. Княжество Антиохия. 3. Княжество Триполи. В Палестине тамплиеры владели, помимо Иерусалимского храма, главного дома ордена и резиденции магистра, укрепленным городом Газа, ключом Иерусалимского королевства со стороны соседнего Египта, который был пожалован им в вечное владение иерусалимским королем Балдуином; также замком Сафет, на территории древнего колена Неффалима; Замок пилигримов в окрестностях горы Кармель; замок Ассур близ Яффы и дом Храма в Яффе; крепость Фаба, или Ла Феу, древний Апхек, недалеко от Тира, на территории древнего колена Ашера; городище Док между Вефилем и Иерихоном; замки Ла Кейв, Марле, Ситерн Руж, Кастель Блан, Трапезаш, Соммеллерия Храма, в окрестностях Акки, ныне Св. Иоанна д'Акр; Каструм Планорум и место под названием Геринум Парвум.[31] Кроме того, тамплиеры приобрели замок Бофор и город Сидон; в их руки попала большая часть города Сен-Жан-д'Акр, где они возвели знаменитый Храм, и почти все морское побережье Палестины было в конце концов поделено между ними и госпитальерами Святого Иоанна. Главные дома Храма в провинции Антиохия находились в самой Антиохии, в Алеппо и Хараме; а в княжестве Триполи - в Триполи, Тортосе, древнем Антарадусе; Кастель-Блан в тех же окрестностях; Лаодикее и Бейруте.

В западной провинции Апулия и Сицилия тамплиеры имели множество домов, в частности, в Палермо, Сиракузах, Лентини, Бутере и Трапани. Дом Храма в этом последнем месте был передан в пользование некоторым монахам ордена святого Августина. В одной из церквей города до сих пор можно увидеть знаменитую статую Девы Марии, которую брат Гереге и еще три рыцаря-тамплиера привезли с Востока, намереваясь поместить ее в храмовую церковь на холме Авентин в Риме, но были вынуждены оставить на острове Сицилия. Статуя выполнена из прекраснейшего белого мрамора и представляет собой Деву с младенцем Иисусом, лежащим на ее левой руке; она имеет примерно естественную высоту, а судя по надписи на подножии фигуры, она была выполнена уроженцем острова Кипр в 733 году нашей эры. Тамплиеры владели ценными поместьями на Сицилии, вокруг основания горы Этна, и большими участками земли между Пьяццей и Калатаджироне, в пригороде которого находился дом-храм, церковь которого, посвященная Деве Марии, сохранилась до сих пор. Они также владели многими церквями на острове, ветряными мельницами, правами на рыбную ловлю, пастбища, рубку леса и многими важными привилегиями и иммунитетами. Главный дом находился в Мессине, где проживал Великий приор.[32]

В Верхней и Центральной Италии также находились многочисленные прецептории ордена Храма, все под непосредственным руководством великого приора или прецептора из Рима. Крупные учреждения были в Лукке, Милане и Перудже, в последнем из которых до сих пор можно увидеть герб Храма на башне святого креста. В Плаценции находился великолепный и обширный монастырь под названием Санта-Мария-дель-Темпио, украшенный очень высокой башней. В Болонье также был большой дом-храм, а на часах в городе есть следующая надпись: "*Magister Tosseolus de Miolâ me fecit ... Fr. Petrus de Bon, Procur. Militiæ Templi in curiâ Romanâ, MCCCLIII*". В церкви Святой Марии в том же месте, которая ранее принадлежала рыцарям-тамплиерам, находится интересный мраморный памятник Питеру де Ротису, священнику этого ордена.

В провинции Португалия военная мощь и ресурсы ордена были задействованы в почти постоянной войне с маврами, и Европа получила существенную выгоду от энтузиазма воинственных монахов в этом квартале против неверных. В каждой битве, которая велась на юге Европы после 1130 года против врагов креста, рыцари-тамплиеры принимали активное и выдающееся участие. Они пользовались огромной популярностью у всех князей и государей великого испанского полуострова и были наделены городами, деревнями, лордствами и

великолепными владениями. Великий приор или прецептор Португалии проживал в замке Томар. Он расположен на реке Нарбоан в Эстремадуре, и его до сих пор можно увидеть возвышающимся в мрачной величии на холме над городом. В настоящее время замок принадлежит ордену Христа, а в прошлом был одним из самых грандиозных и богатых заведений Португалии. В нем есть великолепная библиотека и красивый монастырь, архитектура которого вызывает восхищение. Домами или прецепториями Храма в провинции Кастилия и Леон были Куэнка и Гуадалфагиара, Тине и Авилес в епархии Овьедо и Понтеведра в Галисии. Говорят, что только в Кастилии орден владел двадцатью четырьмя бейливиками.

В Арагоне тамплиеры владели замками Думбель, Кабанос, Азуда, Гранена, Шалоньер, Ремолинс, Корбинс, Ло Мас де Барбаран, Монкон и Монтгаузи, с их территориями и зависимыми территориями. Они были сеньорами городов Борджиа и Тортоса; им принадлежала десятая часть доходов королевства, налоги городов Уэска и Сарагосса, а также дома, владения, привилегии и иммунитеты во всех частях.[33] Кроме того, они владели землями и поместьями на Балеарских островах, которые находились под управлением приора или прецептора острова Майорка, подчинявшегося Великому прецептору Арагона.

В Германии и Венгрии наиболее известны дома и прецептории в Гомбурге, Ассенхайме, Ротгене в Рейнгау, Монгберге в Бранденбургском марше, Ньюце на Рейне, Тиссия Альтмунстер близ Ратисбона в Баварии, Бамберге, Миддлбурге, Холле и Брунсвике. Тамплиеры владели вотчинами Рорих, Паузин и Вильденхой в *Померании*, учреждением в Бахе в *Венгрии*, несколькими владениями в *Богемии* и *Моравии*, а также землями, десятинами и большими доходами, подаренными благочестивыми немецкими крестоносцами.[34] В Греции тамплиеры также владели землями и учреждениями. Их главный дом находился в Константинополе, в квартале под названием *Φόνοια*, где у них была оратория, посвященная святым мученикам Марину и Пенталеону.[35] Во Франции главные прецептории находились в Безансоне, Доле, Салине, в Романье, в Виль-Дье, в Арбуа во *Франш-Конте*. Дорлесхайм, близ Мольсхайма, где до сих пор сохранилась часовня под названием Темплехофф, Фоверни, где часовня, посвященная Деве Марии, до сих пор сохраняет название Храма, Дез-Фей, расположенный в приходе Виллет, близ замка Верней, и Руан, где было два дома Храма; один из них занимал место нынешнего дома консула, а другой стоял на улице, которая сейчас называется *Рю дез Эрмит*. Прецептории и дома Храма во Франции были настолько многочисленны, что повторять их названия было бы утомительным и бесконечным занятием. Между Жоинвилем и Сен-Дизье до сих пор можно увидеть остатки Темпл-Руэ, старого замка, окруженного рвом; а в епархии Мо находятся руины большого поместья Шуази-ле-Темпл. Здесь можно увидеть множество интересных гробниц, а также трапезную рыцарей, которая была превращена в овчарню. Главным домом ордена во Франции, а также в Голландии и Нидерландах был Храм в Париже, обширное и великолепное сооружение, окруженное стеной и рвом. Он занимал все то большое пространство, которое сейчас покрыто улицами и зданиями и находится между улицами дю Тампл, Сен-Круа и окрестностями де ла Веррери, вплоть до стен и фоссе порта дю Тампл. Она была украшена большой башней, с флангов которой возвышались четыре башни поменьше, возведенные рыцарем-тамплиером братом Гербертом, алмоном короля Франции, и была одним из самых сильных сооружений в королевстве.[36] Многие из современных парижских улиц, которые сегодня проходят через место расположения этого интересного сооружения, сохранили в своих названиях некую память о древнем Храме. Например, *La rue du Temple*, *La rue des fossés du Temple*, *Boulevard du Temple*, *Faubourg du Temple*, *rue de Faubourg du Temple*, *Vieille rue du Temple* и т. д., и т. п.

Ј. Брандард, лит. У.Х. Кьюбли, дельт. М. & Н. Ханхарт, имп^т.

БАШНЯ ПРЕЦЕПТОРИИ ХРАМА БРУЭР, ЛИНКОЛЬНШИР.

Все дома Храма в Голландии и Нидерландах находились под непосредственной юрисдикцией Мастера Храма в Париже. Прецептории в этих королевствах были очень многочисленны, а имущество, зависящее от них, представляло огромную ценность.

В Англии в прежние времена существовали прецептории Эслэйкби, Темпл Бруэр, Эгл, Малтби, Мере, Уилкетон и Витэм в *Линкольншире*. Норт-Фериби, Темпл-Херст, Темпл-Ньюсом, Паффлет, Флаксфлет и Рибстейн в *Йоркшире*. Темпл-Камб, в *Сомерсетшире*. Юэлл, Строуд и Свингфилд, близ Дувра, в *Кенте*. Хейдескоу, в *Норфолке*. Балсолл и Уорик, в *Уорикшире*. Темпл-Ротли, в *Лестершире*. Уилбург ветчина Магна, Дейни и Доксворт, в *Кембриджшире*. Халстон, в *Шропшире*. Храм Диннесли, в *Хартфордшире*. Темпл-Крессинг и Саттон, в *Эссексе*. Сэддлскомб и Чэплэй, в *Сассексе*. Шепли, в *Суррее*. Темпл Коули, Сэндфорд, Бистлешем и Чейлси, в *Оксфордшире*. Темпл-Рокли, в *Уилтшире*. Упледен и Гарви, в *Херефордшире*. Саут-Бейдисли, в *Хэмпшире*. Гетингес, в *Вустершире*. Гизелингем и Данвич в *Саффолке*.

Кроме того, как уже упоминалось, было создано несколько небольших администраций для управления фермами и землями, сбора ренты и десятины. Среди них были Лиддел и Куили в епархии Чичестера; Экен в епархии Линкольна; Адингдон, Уэсдалл, Аупледина, Котона и т. д. Различные прецепторы Храма в Англии имели под своим управлением земли и имущество в каждом графстве королевства.^[37]

В *Лестершире* тамплиеры владели городом и селением Ротли; поместьями Ролле, Баббегрейв, Гэддесби, Стоунсби и Мелтон; лесом Ротли близ Лестера; деревнями Бомонт, Баресби, Далби, Северный и Южный Мардефельд, Саксби, Стоунсби и Уолдон, а также землями более чем в *восемидесяти* других местах! Им также принадлежали церкви Ротли, Бэббегрейв и Ролле; часовни Гэддесби, Гримстона, Вартнаби, Коудвелла и Уайкема.^[38]

В *Хартфордшире* они владели городом и лесом Броксборн, поместьем Челсин Тамплиеров (*Chelsin Templariorum*), поместьями Лаугенок, Броксборн, Летчворт и Темпл-Диннесли; землями в Стэнхо, Престоне, Чарлтоне, Уолдене, Хиче, Челлесе, Левекампе и Бенигхо; церковь в Броксборне, две водяные мельницы и замок на реке Леа; также владения в Хичене, Пиртоне, Икилфорде, Оффели Магна, Оффели Парва, Уолден Реджис, Фурнивейле, Иполице, Вандсмилле, Уоттоне, Терлтоне, Уэстоне, Грейвеле, Вилине, Лекчуорте, Болдоке, Датворе, Рассендене, Кодпете, Самершейле, Бантинфорде и т. д., и т. д., а также церковь Уэстона.^[39] В графстве Эссекс им принадлежали поместья Темпл-Крессинг, Темпл-Ройдон, Темпл-Саттон, Одуэлл, Чингелфорд, Лидли, Кварсинг, Бервик и Витэм; церковь Ройдона, дома, земли и фермы в Ройдоне, Ривенхолле и в приходах Притлуолл, Грейт и Литл-Саттон; старый особняк и часовня в Саттоне и поместье Финчинфельд в сотне Хинкфорд.^[40] В

Линкольншире тамплиеры владели поместьями Ла Бруэр, Ростон, Киркеби, Брансуэлл, Карлетон, Акел, с соком Линдерби, Аслакеби и церквями Бруэр, Ашеби, Акел, Аслакеби, Донингтон, Эле, Суиндерби, Скарле и др. В графстве насчитывалось около тридцати церквей, которые вносили ежегодные платежи в орден Храма, и около сорока ветряных мельниц. Орден также получал ренту с земель в Брейсбриге, Бранстоуне, Скапвиче, Тимберленде, Велебурне, Дирингтоне и сотне других мест; а с некоторых земель в графстве ежегодно взимались денежные суммы на поддержание вечно горящих огней на алтарях церкви Темпл. Уильям Лорд из Эшби передал тамплиерам вечное владение церковью Эшби в Линкольншире, а они в ответ согласились найти ему священника, который бы вечно пел дважды в неделю в его часовне Святой Маргариты.

В *Йоркшире* тамплиеры владели поместьями Темпл-Верреби, Флаксфлет, Эттон, Саут-Кейв и т. д.; церквями Уитчерч-Келунтун и т. д.; многочисленными ветряными мельницами, землями и рентами в Нехусе, Скелтуре, Пеннеле и более чем в шестидесяти других местах. В *Уорикшире* они владели поместьями Барстон, Ширбурн, Балшейл, Вулфхей, Черлкот, Хербедур, Стодлей, Фечхампстед, Кобингтон, Тышо и Уорик; земли в Челверскотоне, Хердвике, Мортоне, Уорике, Хетерберне, Честертоне, Авене, Дерсете, Стодли, Наптоне и

более чем тридцати других местах, несколько доноров которых указаны в "Истории Уорикшира" Дагдейла (стр. 694), а также церкви Сиребурна, Кардингтона и т. д., и более тринадцати ветряных мельниц. В 12 году Хен. II. Уильям Эрл из Уорика построил для них новую церковь в Уорике.^[41] В *Кенте* они владели поместьями Лиллестон, Хечвейтон, Сонфорд, Саттон, Дартфорд, Хэлгел, Юэлл, Коклескомб, Строуд, Свинкфилд Меннс, Вест-Гринвич и поместьем Лидден, которое сейчас принадлежит архиепископу Кентерберийскому; приделами церквей Вест-Гринвич и Кингсвод *juxta Waltham*; обширными участками земли на болоте Ромни, фермами и ассизными рентами во всех частях графства. В *Сассексе* им принадлежали поместья Седдлкомб и Шипли; земли и владения в Комптоне и других местах; приходы церквей Шипли, Водманкот и Лушвайк.

В *Суррее* им принадлежала усадьба Темпл-Эльфанд или Элфанд, а также поместье в Мерроу в сотне Уокинга. В *Глостершире* - поместья Лоуэр-Доудсвелл, Пегсворт, Амфорд, Нишандж и пять других, принадлежавших им полностью или частично, церковь Даун-Амми и земли в Фрэмптоне, Темпл-Гутинге и Литтл-Риссингтоне. В *Вустершире* - поместье тамплиеров Лоуэрн и земли во Флейвеле, Темпл-Броутоне и Хэнбери. В *Нортгемптоншире* - поместья Эшби, Торп, Уотервилл и т.д. и т.п.; им принадлежала церковь поместья Хардвик в сотне Орлингтон, и мы находим, что "Роберт Сонфорд, магистр солдат Храма в Англии" подарил ее в 1238 году. ^[42] В *Ноттингемшире* тамплиеры владели церковью Марнхэм, землями и рентой в Греттоне и Норт-Карлетоне; в *Уэстморленде* - поместьем Темпл-Соуэрби; на острове Уайт - поместьем Уггетон и землями в Керне. Но было бы утомительно продолжать сухое перечисление древних имен и мест; достаточно уже сказанного, чтобы дать представление об огромном богатстве ордена в этой стране, где, как известно, он владел сотнями поместий, адвоусонами или правом представления церквей, а также тысячами акров пахотной земли, пастбищ и лесов, помимо деревень, ферм, мельниц и десятин, прав на общее пользование, на рыбную ловлю, на рубку дров в лесах и т. д., и т. п. Также существовало несколько прецепторий в Шотландии и Ирландии, которые зависели от лондонского Храма.

Годовой доход ордена в Европе по приблизительным оценкам составлял шесть миллионов стерлингов! Согласно Мэтью Парису, тамплиеры владели *девятью тысячами* поместий или лордств в христианстве, а также большим доходом и огромными богатствами, возникавшими благодаря постоянным благотворительным завещаниям и пожертвованиям денежных сумм от благочестивых людей.^[43] Тамплиеры, подражая другим монашеским учреждениям, получали от благочестивых и благотворительных людей все доступные им пожалования и часто оставляли десятину и глебу в своих руках, назначая священника ордена для совершения богослужений и таинств. Поместья тамплиеров приносили им ренту либо деньгами, либо кукурузой, либо скотом, а также обычными продуктами земли. По обычаю некоторых из этих поместий, арендаторы должны были ежегодно косить три дня урожай, один из которых за счет дома, и пахать три дня, один из которых за счет дома; жать один день, в это время они должны были получить барана из дома, восемь пенсов, двадцать четыре хлеба и сыр из лучших в доме, а также ведро питья. Арендаторы не должны были продавать своих жеребят, если они были жеребят на земле, принадлежащей тамплиерам, без согласия братства, и не должны были жениться на их дочерях без их разрешения. Кроме того, существовали различные предписания, касающиеся петухов, кур и молодых цыплят.

Король Генрих Второй, ради блага своей души и благополучия своего королевства, пожаловал тамплиерам место на реке Флит, недалеко от замка Байнард, со всем течением этой реки в Лондоне, для возведения мельницы; также поместье возле Флит-стрит; церковь св. Климента, "*quæ dicitur Dacorum extra civitatem Londoniæ*;" и церкви Элль, Свиндерби и

Скарл в Линкольншире, Кингсводе *juxta Waltham* в Кенте, поместье Стродер в сотне Скамел, деревня Келе в Стаффордшире, скит Фликемстеде и все его земли в Ланге Кьюрвей, дом в Бросале и рынок в Уизаме; земли в Бергхотте, мельницу у моста замка Пембрук, деревню Финчинфельд, поместье Ротли с приданными ему землями, а также церковью и несколькими часовнями, поместье Блалколвесли, парк Халсхолл и три *жирных бакса* в год либо из Эссекса, либо из Виндзорского леса. Кроме того, он даровал им ежегодную ярмарку в Темпл-Брюере и добавил множество богатых пожалований в Ирландии.[44]

Тамплиеры, в дополнение к своему удивительному богатству, пользовались огромными привилегиями и иммунитетами в пределах этого королевства. Они были освобождены от всех амерсиаментов в казначействе и получили привилегию не быть вынужденными выступать в суде, кроме как перед королем или его верховным судьей. По специальному пожалованию английских королей они пользовались свободным ворнингом во всех своих земельных владениях, а также правом устраивать суды, чтобы судить своих злодеев и вассалов, а также воров и злоумышленников; они были освобождены от всех обычных феодальных тяжб и служб, от работ по строительству парков, замков, мостов, возведению королевских домов и всех других работ, а также от пустой повинности и повинностей лесничих, и от пошлин на всех рынках и ярмарках, у всех мостов и на всех дорогах по всему королевству. Кроме того, они владели имуществом преступников и беглецов, а также всех бездомных в пределах их владений.[45] В дополнение к особым привилегиям, предоставленным им королями Англии, тамплиеры пользовались, под властью различных папских булл, различными иммунитетами и преимуществами, которые вызывали большое возмущение духовенства. Они были освобождены, как уже говорилось, от обязанности платить десятину и могли, с согласия епископа, получать ее. Ни один брат Храма не мог быть отлучен от церкви ни епископом, ни священником, ни одна из церквей ордена не могла быть подвергнута интердикту, кроме как на основании специального мандата святого престола. Когда какой-либо брат Храма, назначенный для сбора благотворительных средств на помощь Святой Земле, прибывал в город, замок или деревню, на которые был наложен интердикт, церкви при его появлении должны были открываться (один раз в течение года) и совершалось богослужение в честь Храма и в знак почтения к его святым воинам. Вокруг их жилищ была установлена привилегия святилища; в различных папских буллах торжественно предписывается, чтобы никто не налагал насильственных рук ни на людей, ни на имущество тех, кто бежит в поисках убежища в храмовые дома.[46]

Сэр Эдвард Коук во второй части "Института законов Англии" отмечает, что "тамплиеры так распространились по всему христианству и так сильно увеличили свои владения, доходы и богатства, особенно в Англии, что вы с удивлением прочтете об этом в достоверных историях, и при всем этом получили такие большие и значительные привилегии, свободы и иммунитеты для себя, своих арендаторов, фермеров и т. д., каких не было ни у одного другого ордена". Далее он отмечает, что рыцари-тамплиеры были *cruce signati*, и поскольку крест был знаком их профессии, а их арендаторы пользовались большими привилегиями, они воздвигали кресты на своих домах, чтобы живущие в них люди могли быть известны как арендаторы ордена и тем самым освобождались от многих обязанностей и услуг, которым подвергались другие арендаторы; "и многие арендаторы других лордов, понимая состояние и величие рыцарей упомянутого ордена, а также видя большие привилегии, которыми пользовались их арендаторы, устанавливали кресты на своих домах, как это делали их собственные арендаторы, к ущербу своих лордов."

Эти злоупотребления привели к принятию Вестминстерского статута, второго, гл. 33, в котором говорится, что многие арендаторы устанавливали кресты или заставляли их

устанавливать на своих землях в ущерб своим лордам, чтобы арендаторы могли защищаться от главного лорда с помощью привилегий тамплиеров, и постановляется, что такие земли должны быть конфискованы в пользу главных лордов или короля. Сэр Эдвард Коук отмечает, что тамплиеры были освобождены от десятых и пятнадцатых пошлин, которые должны были выплачиваться королю; что они были освобождены от повинностей; что они не могли быть судимы по церковным делам перед ординарием, *sed coram conservatoribus suorum privilegiorum*; и что в давние времена они утверждали, что преступник может попасть в их дома, имея их кресты для своей безопасности, так же как и в любую церковь. А по поводу этих хранителей или блюстителей их привилегий он замечает, что тамплиеры и госпитальеры "держали церковный суд перед канонистом, которого они называли *conservator privilegiorum suorum*, этот судья действительно имел больше власти, чем было удобно, и ежедневно, в отношении высоты этих двух орденов, и по их примеру и указанию, вторгался в дела, определяемые общим правом, и держал за них слово, ибо *cui plus licet quam par est, plus vult quam licet*; и это было одним большим несчастьем. Другая беда заключалась в том, что этот судья также по их просьбе в делах, подсудных ему, делал общие ссылки, как *pro salute animæ*, и тому подобное, не выражая вопроса, на основании которого была сделана ссылка, что также противоречило закону и вело к тяжкому беспокойству субъекта".[47] Чтобы исправить это зло, был принят еще один акт парламента, запрещающий тамплиерам приводить кого-либо в суд к хранителям их привилегий по любому вопросу, знание которого принадлежит королевскому суду, и повелевающий таким хранителям их привилегий впредь не выносить никаких приговоров по просьбе тамплиеров, прежде чем не будет указано, по какому вопросу должен быть вынесен приговор.[48]

Л. Брандард, лит. М. и Н. Ханхарт, Импр.

ЧАСОВНЯ ПРЕЦЕПТОРИИ ХРАМА СВИНГФИЛД, ДОВЕР.

Великий магистр Храма занимал в Европе положение суверенного принца и имел преимущество перед всеми послами и пэрами в общих церковных советах. Он избирался на свой высокий пост капитулом Иерусалимского королевства, в который входили все рыцари Востока и Запада, способные присутствовать на соборе. Западными странами или

провинциями ордена управляли провинциальные магистры, иначе великие приоры или великие прецепторы, которые первоначально назначались главным магистром в Иерусалиме и теоретически были простыми попечителями или простыми администраторами доходов братства, подотчетными генеральному казначею в Иерусалиме и смещаемыми по желанию главного магистра. Настоятель Храма в Лондоне всегда именуется "магистром Храма", проводит свои главы и имеет должностных лиц, соответствующих главному магистру в Палестине. Последний, следовательно, стал называться *Magnus Magister*, или Великий магистр. Титулы, присвоенные начальникам различных народов или провинций, на которые делился орден Храма, многочисленны и вызывают некоторое недоумение. На Востоке эти должностные лица были известны только, в первую очередь, под титулом приор, как приор Англии, приор Франции, приор Португалии и т.д., а затем прецептор Англии, прецептор Франции и т.д.; но в Европе их называли Великими приорами и Великими прецепторами, чтобы отличить их от субприоров и субпрецепторов, а также магистров Храма. Таким образом, настоятель и прецептор Англии и Великий приор, Великий прецептор и магистр храма в Англии были одним и тем же лицом. В Новом храме на в Лондоне, в подражание учрежденному в главном доме в Палестине, помимо магистра, прецептора храма, настоятеля Лондона, казначея и хранителя церкви, при котором находились три капеллана, называемые чтецами.

У магистра в Лондоне были общие и особые, или обычные и чрезвычайные, главы. Первые состояли из великих прецепторов Шотландии и Ирландии, а также всех провинциальных приоров и прецепторов трех королевств, которые созывались раз в год, чтобы обсудить состояние Святой земли, передать помощь, дать отчет о своем управлении и разработать новые правила и положения для управления мирскими делами.[49] Очередные главы проводились в различных прецепториях, которые Мастер Храма посещал последовательно. На этих собраниях в орден принимали новых членов, покупали, продавали и обменивали земли, а магистр представлял вакантные бенефиции. Многие гранты и другие акты этих глав с приложенной к ним печатью ордена Храма можно встретить в государственных и частных коллекциях рукописей в этой стране. Одна из самых интересных и лучше всего сохранившихся - Харлейская грамота (83, с. 39) в Британском музее, которая представляет собой пожалование земли братом Уильямом де ла Мором МАРТИРОМ, последним магистром Храма в Англии, лорду Мило де Стэплтону. В ней говорится, что она была составлена им с общего согласия и совета его главы, состоявшегося в прецептории Диннесли в праздник святого апостола Варнавы, и завершается словами: "В подтверждение этого мы приложили к настоящему договору печать нашей главы". Факсимиле этой печати приведено в главе настоящей главы. На ее обороте изображена мужская голова, украшенная длинной бородой и увенчанная маленькой шапочкой, а вокруг нее - буквы TESTIS SVM AGNI. Такую же печать можно встретить на различных других договорах, заключенных магистром и капитулом храма .[50] Более ранние печати окружены словами *Sigillum Militis Templi*, "Печать рыцаря Храма", как в случае с актом обмена земель в Нормантоне в приходе Ботисфорд в Лестершире, заключенным между братом Амадеем де Морестелло, магистром рыцарства Храма в Англии, и его главой, с одной стороны, и рыцарем лордом Генри де Колевилем, с другой стороны. На печати, приложенной к этому акту, добавлено слово *Militis*, но в остальном она схожа с вышеописанной.[51]

Магистр Храма в Англии заседал в парламенте как первый барон королевства, но это следует понимать только в отношении приоров. В парламент, состоявшийся в двадцать девятом году правления короля Генриха Третьего, были созваны шестьдесят пять аббатов, тридцать пять приоров и магистр Храма.[52] Клятва, которую давали великие приоры, великие прецепторы или провинциальные магистры в Европе, приступая к исполнению обязанностей своего

высокого административного поста, была составлена в следующих выражениях: "Я А. Б., рыцарь ордена Храма, только что назначенный магистром рыцарей, находящихся в..., обещаю Иисусу Христу, Спасителю моему, и его наместнику, суверенному понтифику и его преемникам, вечное послушание и верность. Клянусь, что буду защищать не только устами, но и силой оружия и всеми своими силами таинства веры; семь таинств, четырнадцать артикулов веры, вероучение апостолов и святого Афанасия; книги Ветхого и Нового Завета с комментариями святых отцов, как они приняты церковью; единство Бога, множественность лиц Святой Троицы и учение о том, что Мария, дочь Иоакима и Анны, из колена Иудина и рода Давидова, всегда оставалась девственницей до родов, во время родов и после родов. Обещаю также быть покорным и послушным генерал-магистру ордена в соответствии с уставом, предписанным нашим отцом святым Бернардом; что в случае необходимости я всегда буду переходить моря, чтобы идти и сражаться; что я всегда буду оказывать помощь неверным королям и князьям; что в присутствии трех врагов я не буду бежать, а справлюсь с ними, если они неверные; что я не буду продавать имущество ордена, не дам согласия на его продажу или отчуждение; что я всегда буду хранить целомудрие; что я буду верен королю; что я никогда не сдам врагу города и места, принадлежащие ордену; и что я никогда не откажу религиозным людям в помощи, которую я могу им оказать; что я буду помогать и защищать их словом, оружием и всеми видами добрых услуг; и в искренности и по собственной воле я клянусь, что буду соблюдать все эти вещи."[\[53\]](#)

Среди самых ранних магистров, великих приоров или великих прецепторов Англии, чьи имена вошли в историю, - Ричард де Гастингс, который возглавил орден в этой стране после восшествия на престол короля Генриха Второго (1154 г. н. э.) и был привлечен этим монархом к участию в различных важных переговорах. Он был другом и доверенным лицом Томаса Бекета и тщетно пытался прекратить споры между этим надменным прелатом и королем.[\[54\]](#) Ричарда де Гастингса сменил Ричард Маллебенч, который подтвердил договор о мире и согласии, заключенный между его предшественником и аббатом Киркестеда; следующим магистром Храма был Джеффри сын Стефана, который принял патриарха Ираклия в качестве гостя в новом Храме по случаю освящения храмовой церкви. Он называет себя "*министром* солдат Храма в Англии".[\[55\]](#)

Вследствие высокой оценки, которой пользовались тамплиеры, и привилегии святилища, которым они пользовались, лондонский храм стал "хранилищем сокровищ". Богатства короля, дворян, епископов и богатых лондонских бюргеров обычно хранились в нем под охраной и защитой монахов. Деньги, собранные в церквях и часовнях для помощи Святой Земле, также перечислялись казначею Храма для отправки по назначению: в разные времена казначей был уполномочен получать налоги, наложенные на движимое имущество церковников, а также большие суммы денег, вымогаемые алчными папами у английского духовенства, и ренты, пожалованные королем дворянам королевства.[\[56\]](#) Деньги и драгоценности Губерта де Бурга, графа Кента, главного судьи, а одно время и правителя короля и королевства Англии, хранились в Храме, и когда этот дворянин был опозорен и заключен в Тауэр, король попытался завладеть сокровищами. Мэтью Пэрис приводит следующий любопытный рассказ об этом деле: "Королю было высказано предположение, - говорит он, - что у Губерта есть немалое количество сокровищ, хранящихся в Новом храме под опекой тамплиеров. Соответственно, король, призвав к себе магистра Храма, кратко спросил его, так ли это. Тот, не осмеливаясь отрицать правду, признался, что у него есть деньги упомянутого Губерта, которые он доверительно передал на хранение себе и своим братьям, но о количестве и сумме их он ничего не знает. Тогда король попытался угрозами

добиться от братьев выдачи ему вышеупомянутых денег, утверждая, что они были обманым путем вычтены из его казны. Но они ответили царю, что деньги, доверенные им на хранение, они не отдадут никому без разрешения того, кто поручил их хранить в храме. И царь, поскольку вышеупомянутые деньги были переданы под их защиту, не решился взять их силой. Поэтому он послал казначея своего двора с судебными исполнителями казначейства к Губерту, который уже был заключен в оковы в лондонском Тауэре, чтобы они потребовали от него уступки всей суммы королю. Но когда эти посланцы объяснили Губерту цель их прихода, он немедленно ответил, что подчинит себя и все принадлежащее ему благоволению своего государя. Поэтому он обратился к братьям рыцарства Храма с просьбой, чтобы они от его имени вручили все его ключи его господину королю, дабы тот мог делать все, что ему угодно, с вещами, хранящимися в Храме. Так и было сделано, король приказал поместить все эти деньги, тщательно пересчитанные, в свою казну, а сумму всех найденных вещей записать и предъявить ему. И действительно, царские дьяки и действующий вместе с ними казначей нашли в Храме золотые и серебряные вазы неоценимой цены, деньги и множество драгоценных камней, перечисление которых, по правде говоря, поразило бы слушателей".[57]

Короли Англии часто останавливались в Храме, как и надменные легаты римских понтификов, которые от имени папы делали взносы в английские епископства. Мэтью Парис живо рассказывает о поборах нунция Мартина, который много лет жил в Храме и прибыл туда, вооруженный папой такими полномочиями, какими до него не обладал ни один легат. "Он, - говорит он, - проживая в Лондоне в Новом храме, совершал неслыханные поборы денег и ценностей. Он настойчиво внушал аббатам и приорам, что они должны присылать ему богатые подарки, желанных телят, роскошные сервизы для стола и богатые одежды; что и было сделано, тот же Мартин прислал назад известие, что присланных вещей недостаточно, и велел дарителям их прислать ему лучшие вещи под страхом отстранения и отлучения".[58]

Соборы духовенства и большие церковные соборы часто проводились в Храме, и там же епископы и аббаты принимали законы для управления церковью и монастырями в Англии.[59]

ГЛАВА IV.

Патриарх Ираклий ссорится с королем Англии - возвращается в Палестину без помощи - разочарование и мрачные предчувствия тамплиеров - они готовятся противостоять Саладину - поражение и резня - доблестные подвиги маршала Храма - роковая битва при Тивериаде - пленение Великого магистра и истинного креста - пленным тамплиерам предлагают Коран или смерть - они выбирают последнее, Падение Иерусалима - мусульмане овладевают Храмом - очищают его розовой водой, читают молитвы и слушают проповедь - тамплиеры удаляются в Антиохию - их письма королю Англии и магистру Храма в Лондоне - их подвиги при осаде Акры.

"Враги Господа врываются в его святой город, даже в ту славную гробницу, где девственный цветок Марии был завернут в виссон и специи, и где вновь возшел первый и величайший цветок на земле" - С. *Бернарди*, epist. cccxxii.

Великого магистра Арнольда де Торрожа, умершего во время путешествия в Англию, как уже говорилось, сменил брат Жерар де Ридерфор.[60]

10 апреля, через месяц после освящения патриархом Ираклием храмовой церкви, Великий совет или парламент Англии, состоящий из епископов, графов и баронов, собрался в доме госпитальеров в Клеркенвелле в Лондоне. На нем присутствовали Вильгельм, король Шотландии, и Дэвид, его брат, а также многие графы и бароны этой далекой страны. Августейшее собрание было ознакомлено от имени короля с целью торжественного посольства, только что отправленного к нему из Иерусалима, и с желанием королевского кающегося исполнить свой обет и совершить покаяние; но в то же время баронам напомнили о преклонном возрасте их государя, о плохом состоянии его здоровья и о необходимости его присутствия в Англии. Они, соответственно, представили королю Генриху, что торжественная клятва, данная им при коронации, была обязательством, предшествующим епитимье, наложенной на него папой; что по этой клятве он обязан оставаться дома и управлять своими владениями, и что, по их мнению, для души короля было бы полезнее защищать свою страну от варварских французов, чем покидать ее ради защиты далекого Иерусалимского королевства.[61]

Фабиан в своей хронике приводит следующий причудливый рассказ об ответе короля патриарху, взятый из Хроник. Джоан Бромтон: "Ластели ответил королю и сказал, что он не может отдать свою землю в залог, а также отдать ее на растерзание и разбой Френчмена. Но он отдаст большую часть своей земли тем, кто возьмет на себя эту вину. В ответ на это патриарх засомневался и сказал: "Мы выбираем человека, а не деньги; каждый кристен-регион посылает нам деньги, но ни одна земля не посылает нам князя. Поэтому мы просим принца, который не требует денег, а не деньги, которые не требуют принца". Но кинж привел для него такие оправдания, что патриарх ушел от него подавленным и неутешенным, отчего кинж, будучи обеспокоенным, намереваясь как-то утешить его приятными словами, последовал за ним к смотровой площадке. Но чем больше кинж думал насытить его своими прекрасными словами, тем больше патриарх был недоволен, да так, что в конце концов сказал ему: "До сих пор ты был прославлен, но вот после этого ты будешь оставлен тем, кого ты в свое время оставил". Выслушай от него то, что он тебе сказал, и то, что ты успел сказать ему за это: как ты был лжив по отношению к кингу Фраунса, а после убил святого Фому Кантерберийского, и в последний раз ты оставил защиту веры Кристеса". Киндж был поражен этими словами и сказал патриарху: "Хотя все люди моей земли были одним телом и говорили одними устами, они не могли бы сказать мне таких слов". "Неудивительно, - сказал патриарх, - ведь они любят тебя, а не себя; то есть они любят твои блага временные и жаждут потерять их, но не любят твою душу". И когда он так сказал, он предложил свою голову кингу, говоря: "Поступай со мной так же, как ты поступаешь с тем благословенным Томасом из Кантербери, ибо я хотел быть убитым из них, а потом из сарасинцев, ибо ты хуже любого сарасина". Но кинг продолжал платить и сказал: "Я не могу покинуть свою землю, потому что мои собственные сыновья будут нападать на меня, когда я буду отсутствовать". "Неудивительно, - сказал патриарх, - ибо от деилов они приходят, и к деилам они уйдут", - и в великом гневе отбыл из кинга".[62]

Однако, по словам Роджера де Ховедена, 17 мая патриарх сопровождал короля Генриха в Нормандию, где состоялась конференция между государями Франции и Англии по поводу предлагаемой помощи Святой Земле. Оба монарха были либеральны в обещаниях и честных речах; но поскольку ничто, кроме присутствия короля Англии или одного из его сыновей в Палестине, не могло удовлетворить патриарха, этот надменный церковник потерпел неудачу в своих переговорах и вернулся в Святую землю в отвращении и разочаровании. По

прибытии его в Иерусалим с известием о неудачном исходе дела среди латинских христиан воцарилось величайшее смятение, и было принято считать, что истинный крест, отвоеванный у персов императором Ираклием, вот-вот будет утрачен при понтификате и по вине патриарха того же имени. Современный палестинский писатель рассказывает, что патриарх был очень красивым человеком, и, благодаря его красоте, мать иерусалимского короля влюбилась в него и сделала его архиепископом Кесарии. Затем он рассказывает, как его сделали патриархом и как его заподозрили в отравлении архиепископа Тирского. После возвращения из Рима он влюбился в жену галантерейщика, жившего в Наплусе, в двенадцати милях от Иерусалима. Он часто навещал ее, и вскоре после начала знакомства муж умер. Тогда патриарх привез госпожу в Иерусалим, одел ее в богатые одежды, купил ей дом и снабдил нарядной свитой.[63]

Балдуин Четвертый, царствовавший в Латинском королевстве во время отъезда патриарха Ираклия и Великого магистра Храма в Европу, был поражен страшной проказой, из-за которой ему было запрещено жениться, и, следовательно, он лишился всякой надежды иметь наследника своего тела, который унаследовал бы корону. Понимая опасность и неудобство наследования по женской линии, он выбрал в мужа своей старшей сестры Сибиллы Вильгельма V. маркиза Монферратского, прозванного "Длинным мечом". Вскоре после свадьбы маркиз Монферратский умер, оставив Сибилле младенца-сына по имени Болдуин. Вторым мужем Сибиллы стал Ги де Лузиньян, дворянин с красивой внешностью, происходивший из древнего рода Пуату во Франции. Поначалу ее выбор был одобрен королем, который благосклонно принял своего нового шурина, осыпал его почестями и сделал регентом королевства. Впоследствии, благодаря интригам графа Триполи, король был вынужден лишить Ги де Лузиньяна регентства и отменить претензии Сибиллы на трон в пользу ее сына, юного Болдуина, которому тогда было около пяти лет. Он отдал приказ о коронации юного принца и передал свои полномочия графу Триполи, который был назначен регентом королевства на время несовершеннолетия государя, в то время как все крепости и замки страны были переданы под надежную охрану тамплиеров и госпитальеров. Юного Болдуина с огромной помпой перенесли в великую церковь Гроба Господня, где патриарх в присутствии великих магистров Храма и Госпиталя помазал его и короновал. По древнему обычаю его, надев корону, отвели в Храм Господень, чтобы совершить определенные жертвоприношения, после чего он отправился в Храм Соломона, где проживали тамплиеры, и был приглашен на обед вместе со своими баронами Великим магистром Храма и военными монахами. Вскоре после коронации (1186 г. н. э.) бывший король Балдуин IV умер в Иерусалиме и был похоронен в церкви Воскресения, рядом с Годфридом де Буйоном и другими христианскими королями. За его смертью через семь месяцев последовала смерть младенца Балдуина V, и Сибилла стала несомненной наследницей престола. Однако граф Триполи отказался уступить регентство, обвинив Сибиллу в ужасном и невероятном преступлении - отравлении собственного ребенка. Но Жерар де Ридерфор, Великий магистр Храма, пригласил ее приехать в Иерусалим и отдал распоряжения о коронации. Он отправил от имени королевы письма графу Триполи и мятежным баронам, собравшимся со своими сторонниками с оружием в руках в Наплусе (древний Сихем), требуя, чтобы они явились в назначенное время для принесения почестей и присяги на верность, но бароны прислали ответ, что намерены оставаться на месте; и они отправили двух цистерцианских аббатов к Великому магистру Храма и патриарху Ираклию, увещевая их из любви к Богу и его святым апостолам воздержаться от коронации Изабеллы как графини Яффской, пока она остается женой Ги де Лузиньяна. Они заявили, что тот уже показал свою полную неспособность к командованию как в поле, так и в кабинете министров; что Иерусалимское королевство нуждается в способном генерале для своего государя; и они настаивали на том, чтобы

Сибилла была немедленно разведена с Ги де Лузиньяном, а выбрала себе мужа, более подходящего для защиты страны и управления государством.

Как только это послание было получено, Великий магистр Храма приказал тамплиерам овладеть всеми воротами Иерусалима и отдал строгий приказ, чтобы ни один человек не мог войти или выйти из Святого города без специального разрешения от него самого. Затем Сибилла и Ги де Лузиньян были доставлены под охраной тамплиеров в великую церковь Воскресения, где патриарх Ираклий и все его духовенство были готовы принять их. Короны Латинского королевства хранились в большом сундуке в сокровищнице, запертом на два замка. Ключ от одного из них хранился у Великого магистра храма, а другой - у Великого магистра госпиталя. По прибытии в церковь ключ Великого магистра Храма был предъявлен, но ключа Великого магистра Госпиталя не оказалось, как не оказалось и самого прославленного вождя. Наконец Жерар де Ридерфор и Гераклий лично отправились в госпиталь, после долгих поисков нашли Великого магистра и немедленно потребовали ключ от имени королевы.

Могущественный настоятель госпитальеров поначалу отказывался его предъявить, но, получив множество аргументов и уговоров, наконец достал ключ и бросил его на землю, после чего патриарх подобрал его и, пройдя в сокровищницу, быстро достал две короны, одну из которых положил на главный алтарь церкви Воскресения, а другую - рядом с креслом, на котором восседала графиня Яффская. Затем Ираклий совершил торжественную церемонию коронации и, водрузив корону на голову царицы, напомнил ей, что она - женщина слабая и немощная, но плохо приспособленная к труду и раздорам, в которые постоянно вовлечено осажденное Палестинское царство, и поэтому он увещевал ее выбрать кого-нибудь, кто будет управлять царством вместе с ней; Тогда ее величество, взяв корону, которая была положена рядом с ней, и призвав своего мужа, Ги де Лузиньяна, обратилась к нему с такими словами: "Тех, кого Бог соединил, пусть никто не разлучает. Сир, примите эту корону, ибо я не знаю никого более достойного ее, чем вы". И тут же Ги де Лузиньян был коронован королем Иерусалима и получил благословение патриарха.

Велико было негодование графа Триполи и баронов, когда они получили известие об этих событиях. Они подняли штандарт восстания и провозгласили принцессу Изабеллу, младшую сестру Сибиллы, которая была выдана замуж в раннем возрасте восьми лет за Хамфри де Торона, королеву Иерусалима. Как только Хамфри де Торон узнал о действиях графа Триполи и баронов, он вместе с принцессой поспешил в Иерусалим, и оба, бросившись к ногам короля и королевы, почтительно выразили им свою преданность. Это верное и решительное поведение вселило ужас и страх в сердца заговорщиков, большинство из которых теперь направились в Иерусалим, чтобы принести дань уважения; а граф Триполи, покинутый своими сторонниками, удалился в сильную цитадель Тиберия, феодалом которой он являлся, и остался там, гордо бросая вызов королевской власти.^[64]

Сначала король хотел воспользоваться помощью тамплиеров против своего мятежного вассала и призвал их осадить Тивериаду, но они отказались, так как это противоречило их клятве и духу их учреждения, чтобы они вели агрессивную войну против любого христианского князя. Тогда король отдал приказ сосредоточить армию в Назарете; граф Триполи приготовился защищать Тивериаду, и представляется несомненным, что он послал к Саладину за помощью и заключил с этим монархом оборонительный и независимый союз. Цитадель Тивериады была очень сильным местом, военная мощь графа была весьма значительной, и друзья короля, предвидя, что неверные не преминут воспользоваться гражданской войной, убедительно просили его величество предложить условия примирения своему могущественному вассалу. В итоге было

решено, что Великие магистры Храма и Госпиталя вместе с архиепископом Тира, лордом Балианом д'Ибелином и лордом Реджинальдом Сидонским отправятся в Тиверию и попытаются вернуть графа к верности. Эти выдающиеся личности отправились из Иерусалима, первую ночь провели в Наплусе, феодалом которого был Балиан д'Ибелин, а на следующий день отправились в путь к Назарету. Когда они приблизились к этому месту, Великий магистр Храма остановился на ночлег в соседней крепости рыцарей-тамплиеров, называемой "замком Ла-Фе", и ужинал с братьями в трапезной монастыря, когда ему сообщили, что сильный корпус мусульманской конницы под командованием Малека аль-Афдала, одного из сыновей Саладина, на рассвете перешел Иордан и движется по территории графа Триполи.

Хроника Святой земли, написанная Радольфом, аббатом монастыря Когглшейл в Эссексе, представляет собой наиболее важный и достоверный из существующих ныне рассказов о завоевании Иерусалима Саладином, поскольку автор, по его словам, был очевидцем всех тех замечательных событий, о которых он рассказывает. Радольф был английским монахом цистерцианского ордена, человеком весьма образованным и эрудированным. Он отправился в паломничество в Палестину и находился там во время начала войны, которая непосредственно предшествовала потере Святого города. Он присутствовал при осаде Иерусалима и был ранен стрелой, "которая, - говорит достойный аббат, - пронзила нос рассказчика этих обстоятельств; древко было извлечено, но часть железного стержня осталась до сих пор". Его хроника была опубликована в 1729 году отцами Мартином и Дюраном в их ценном собрании древних хроник и манускриптов. Она начинается в 1187 году и заканчивается в 1191 году.

Как только Великий магистр Храма услышал, что неверные перешли Иордан и опустошают христианские земли, он послал гонцов в замок тамплиеров под названием "Монастырь Како", расположенный в четырех милях от Ла-Фе, приказав всем рыцарям, которых можно было выделить из гарнизона этого места, подняться и быстро прибыть к нему. Когда посланцы прибыли, рыцари уже легли отдыхать, но они поднялись с постелей и в полночь расположились со своими конями вокруг стен замка Ла-Фе. На следующее утро, как только рассвело, Великий магистр во главе девяноста своих рыцарей поскакал в Назарет, и там к нему присоединились Великий магистр госпитальеров и сорок рыцарей из гарнизона Назарета. Тамплиеров и госпитальеров сопровождали четверста их пеших воинов, а всего под командованием двух Великих магистров собралось около шестисот человек. С этим небольшим, но доблестным отрядом они отправились на поиски неверных и прошли около семи миль от Назарета в направлении Иордана, когда внезапно наткнулись на сильную колонну мусульманской конницы численностью в несколько тысяч человек, которые поили своих лошадей у ручья Кишон. Не дожидаясь подсчета числа врагов, тамплиеры подняли боевой клич, развернули кроваво-красное знамя и бросились в гущу изумленных и перепуганных мусулман, неся вокруг себя, говоря словами аббата Когглшейла, "смерть и проклятие". Неверные, захваченные врасплох, сначала пришли в замешательство, были сбиты с толку и перебиты; но когда малочисленность противостоящих им сил стала очевидной, они сомкнулись вокруг тамплиеров, завалили их дротиками и ракетами и быстро проредили их ряды ужасающей резней. Один из очевидцев рассказывает, что монахов-храмовников можно было видеть омытыми кровью и потом, дрожащими от усталости, с убитыми лошадьми, сломанными мечами и копьями, сближающимися с воинами-мусульманами и падающими вместе с ними головой в пыль. Одни вырывали из своих тел дротики, которыми были уязвлены, и с судорожными усилиями бросали их обратно в противника; другие, потеряв в схватке все свое оружие, цеплялись за шеи своих противников, стаскивали их с лошадей и пытались задушить под ногами сражающихся". Жаклин де Мейли, маршал Храма, продемонстрировал чудеса храбрости. Он был посажен на белого коня, одет в белое одеяние своего ордена, с кроваво-красным крестом, символом мученичества, на груди; благодаря своей галантной осанке и поведению он стал объектом восхищения даже для

мусульман. Радольф сравнивает ярость и гнев этого воинственного монаха, когда он смотрел вокруг на своих убитых братьев, с гневом львицы, потерявшей своих детенышей; а его положение и поведение посреди толпы неверных он уподобляет положению дикого кабана, окруженного собаками, которых он разрывает своими клыками. Каждый удар этого яростного человека, говорит достойный аббат, "отправлял неверного в ад"; но при всей своей доблести Жаклин де Мейли был убит.

В этой кровавой битве погибли Великий магистр Госпиталья и все тамплиеры, за исключением Великого магистра Жерара де Ридерфорда и двух его рыцарей, которые прорвались сквозь плотные ряды мусульман и бежали в Назарет. Мусульмане отрезали головы убитых тамплиеров от их тел и, прикрепив их шнурами к остриям своих копий, двинулись в сторону Тивериады. Эта катастрофическая схватка произошла в пятницу, 1 мая, в праздник святых Иакова и Филиппа. "В это прекрасное время года, - пишет аббат Когглшейл, - когда жители Назарета искали в полях розы и фиалки, они находили лишь печальные следы резни и безжизненные тела своих убитых собратьев. Со скорбью и великим плачем они понесли их в усыпальницу Пресвятой Девы Марии в Назарете, восклицая: "Дочери Галилеи, наденьте траурные одежды ваши, и дочери Сиона, оплакивайте несчастья, угрожающие царям Иуды"".

В то время как происходила эта кровавая битва, лорд Балиан д'Ибелин отправился с другой партией тамплиеров из Наплуса, чтобы присоединиться к Великому магистру в Назарете, и об их походе к этому месту рассказывается следующий интересный рассказ. "Пройдя две мили, они подошли к городу Себасте. Было прекрасное утро, и они решили не идти дальше, пока не услышат мессу. Тогда они направились к дому епископа, разбудили его и сообщили, что день клонится к вечеру. Епископ приказал старому капеллану облачиться в одежды и отслужить мессу, после чего они поспешили вперед. Затем они подошли к замку Ла-Фе (крепость тамплиеров) и обнаружили там, за пределами замка, разбитые палатки монастыря Како, и некому было объяснить, что это значит. В замок был послан варлет, чтобы узнать, но он не нашел внутри никого, кроме двух больных людей, которые не могли говорить. Тогда они двинулись в сторону Назарета и, пройдя небольшое расстояние от замка Ла-Фе, встретили брата Храма верхом на лошади, который поскакал к ним с бешеной скоростью, выкрикивая: "Плохие новости, плохие новости!" и сообщил им, что магистру госпиталья отрубили голову, что из всех братьев Храма спаслись только трое, магистр Храма и двое других, а рыцари, которых король поставил гарнизоном в Назарете, все были схвачены и убиты." "Если бы Балиан д'Ибелин, - говорит летописец, - отправился со своими рыцарями прямо в Назарет, а не остановился послушать мессу в Себасте, он бы успел спасти своих братьев от расправы". Так и случилось, он прибыл как раз вовремя, чтобы услышать заупокойную службу, прочитанную над их мертвыми телами Вильгельмом, архиепископом Тира.^[65]

Великий магистр Храма, находившийся в Назарете и сильно страдавший от ран, поспешил собрать там небольшой отряд, чтобы открыть сообщение с Тиверией, что и было сделано, владыка Балиан д'Ибелин и архиепископ Тирский направились туда для беседы с графом Триполи. Великий магистр сопровождал их до холма над цитаделью, но, не желая отдавать себя во власть графа, направился в Назарет. И мусульманские, и христианские писатели сходятся в том, что граф Триполи в этот период вступил в союз с Саладином; тем не менее, то ли пораженный раскаянием за свое прошлое поведение, то ли движимый великодушными предложениями короля, он согласился оказать почтение и примириться со своим государем и с этой целью немедленно отправился из Тивериады в Иерусалим. Беседа и примирение между королем и графом состоялись у колодца Иосифа, близ Наплуса, в присутствии тамплиеров и госпитальеров, а также епископов и баронов. Граф опустил на одно колено и выразил почтение, после чего король поднял его и поцеловал, а затем они оба вместе вернулись в Наплус, чтобы принять меры для защиты страны.

Саладин, в свою очередь, собирал большую армию и быстро разрабатывал свои планы по отвоеванию Святого города - давно желанного предприятия мусульман. В то время как раздоры и разногласия постепенно подтачивали силы христианской империи, Саладин старательно расширял и укреплял свою власть. Он подчинил себе различных независимых вождей на севере Сирии; он завоевал города Мекку и Медину, а также всю Аравию Феликса; и его огромная империя теперь простиралась от Триполи в Африке до Тигра и от Индийского океана до гор Армении. Арабские писатели с восторгом повествуют о его благочестивых призывах к истинным верующим вооружиться для защиты ислама и с огромным энтузиазмом описывают его славные приготовления к священной войне. Бохадин, сын Сджеддади, его друг и секретарь, великий биограф, прежде чем решиться на возвышенную задачу описания его знаменитых и священных деяний, произносит торжественное исповедание веры и возносит хвалу единому истинному Богу. "Хвала Аллаху, - говорит он, - который благословил нас *исламом*, привел нас к пониманию истинной веры, красиво собранной воедино, и сдружил нас, а также, благодаря заступничеству нашего пророка, наделил нас всеми благами. Я свидетельствую, что нет Бога, кроме единого великого Бога, у которого *нет партнера*, (свидетельство, которое избавит наши души от дымящегося огня ада), что Мухаммед - его *слуга и апостол*, который открыл нам врата верного пути к спасению. Выполнив эти торжественные обязанности, я начну писать о победоносном защитнике веры, укротителе последователей креста, возвысителе справедливости и равенства, спасителе мира и религии, Саладине Абульмодаффере Иосифе, сыне Иова, сыне Шади, султани мусульман, ай, и самого ислама; избавитель святого дома Божьего (Храма) от рук идолопоклонников, слуга двух святых городов, чью могилу Господь да увлажнит росой своей благосклонности, даровав ему сладость плодов веры." [66]

Толпы мусульман со всех концов Азии теснились вокруг штандарта Саладина, а халиф Багдада и все имауны ежедневно возносили молитвы за успех его оружия. Защитив возвращение каравана из Мекки, Саладин отправился в Аштару, вероятно, Аштарот Карнаин из Писания, принадлежащий к колену Манассии, недалеко от Дамаска. Там его встретили его сын *Аль-Малек аль-Афдал*, "превосходнейший принц", и *Мох-хаффероддин ибн Зиноддин* с армией под их командованием. Затем к нему присоединились войска *Аль-Мауселя* под командованием *Масуда аль-Зафарни*, *Маредина* и *Хамаха*, и он провел смотр своей армии сначала на холме под названием Тель-Тайсель, а затем в Аштаре, месте общего сбора. Завершая свои приготовления в этом месте, Саладин получил сведения о примирении графа Триполи с королем Иерусалима и решил немедленно осадить Тиверию. С этой целью в пятницу 17-го числа месяца Раби он с тремя отрядами двинулся на Аль-Сохейру, деревню, расположенную у северной оконечности Тивериадского озера, где и расположился на ночлег. На следующий день он обошел западный берег озера и в боевом порядке двинулся к Тивериаде. 21 раби он взял город штурмом, всех, кто сопротивлялся, предал мечу, а оставшихся в живых сделал рабами. Затем город был подожжен и превращен в пепел. Графиня Триполи вместе с гарнизоном удалилась в цитадель, а оттуда отправила гонцов к своему мужу и королю Иерусалима с настоятельными просьбами о немедленной помощи.

Король разбил свои палатки в Сепфорисе, и все рыцарство Латинского королевства спешило присоединиться к его штандарту и сделать последнее усилие для защиты пошатнувшегося Иерусалимского королевства. Тамплиеры и госпитальеры собрали сильные силы из своих различных замков и крепостей, [67] и пришли в лагерь со святым крестом, который был принесен из церкви Воскресения, чтобы поставить его впереди христианского строя. К ним присоединился граф Триполи с людьми из Триполи и Галилеи. Принц Реджинальд Маунт-Ройял появился во главе корпуса легкой кавалерии. Лорд Балиан Наплусский прибыл со всеми своими вооруженными помощниками, а Реджинальд, лорд Сидона, вошел в лагерь с людьми с морского побережья.

Великий магистр Храма привез с собой сокровища, присланные тамплиерам королем Англии для защиты Святой земли в качестве компенсации за убийство святого Фомы Бекета, и они оказались весьма кстати в условиях истощенного состояния латинской казны. Пока христианские войска собирались в Сепфорисе, Саладин послал вперед сильный корпус конницы, который опустошил всю страну вокруг ручья Кишон, от Тивериады до Вифорона и от гор Гильбоа и Иезреель до Назарета. Со всех возвышенностей не было видно ничего, кроме дымящихся развалин деревень, хуторов и разбросанных жилищ христианского населения. Вся страна, перед самым носом воинов креста, была объята пламенем и дымом, а христианский лагерь был заполнен беглецами, которые в ужасе бежали перед безжалостными мечами мусульман. К несчастью латинян, король был непостоянен и постоянно отдавал противоречивые приказы, а христианские вожди, потеряв всякое доверие к своему вождю и отчаявшись в том, что смогут успешно противостоять огромной силе Саладина, казалось, готовились скорее к отступлению к морскому побережью, чем к отчаянной борьбе с неверными за сохранение Иерусалима. Только этим можно объяснить длительную задержку христианской армии в Сепфорисе. Это место, древняя столица Галилеи, расположено между Назаретом и Акко, и армия в любой момент могла обеспечить себе легкое и безопасное отступление из него в порт последнего города. Таким образом, христиане оставались здесь, спокойно позволяя Саладину занять сильную позицию, откуда он мог высыпать огромные массы конницы на великую равнину Эсдраэлона и открыть для себя прямую дорогу к Святому городу либо через долину Иордана, либо через великую равнину вдоль основания гор Гильбоа.

Когда в лагерь христиан прибыли гонцы от графини Триполи с известием о том, что Саладин сжег и взял штурмом город Тивериаду, а графиня удалилась в цитадель, король созвал военный совет. Этот совет собрался в королевском шатре вечером 2 июля 1187 года, и на нем присутствовали Жерар де Ридерфор, великий магистр Храма, новоизбранный великий магистр Госпиталя, архиепископ Тирский, граф Триполи, Балиан д'Ибелин, владыка Наплуса, и почти все епископы и бароны Палестины. Граф Триполи, несмотря на то, что его столица пылала, его территории были разорены врагом, а его графиня тесно осаждена, советовал королю оставаться в бездействии там, где он находится; но Великий магистр Храма, услышав этот совет, поднялся посреди собрания и заклеил графа как предателя, призывая короля немедленно выступить в поход на помощь Тивериаде. Однако бароны встали на сторону графа Триполи, и было решено, что армия должна остаться в Сепфорисе. Совет распался, каждый удалился в свою палатку, а король отправился ужинать. Но Великий магистр Храма, взбудораженный тысячей противоречивых чувств, не мог успокоиться. В полночь он встал и потребовал присутствия царя. Он упрекнул его в том, что тот бездействует в Сепфорисе, в то время как враг разоряет и опустошает всю окрестную страну и доводит христианское население до состояния безнадежного рабства. "Это будет вечным позором для вас, сир, - сказал он, - если вы спокойно позволите неверным взять у вас на глазах важную христианскую цитадель, которую вы должны считать своим первейшим долгом защищать. Знайте, что тамплиеры скорее сорвут с плеч белую мантию и продадут все, чем останутся спокойными зрителями оскорбления и позора, нанесенного христианскому оружию".

Вдохновленный речами Великого магистра, король согласился выступить в поход на помощь Тиберию, и на утренней заре шатры тамплиеров были разбиты, а трубы ордена возвестили о переходе в наступление. Напрасно граф Триполи и бароны противились этому движению, король и тамплиеры были полны решимости, и вскоре воинство Креста в полном составе покрыло извилистую дорогу, ведущую в Тивериаду. Граф Триполи настоял на том, чтобы возглавить армию, поскольку христианские войска шли через его территорию, и тамплиеры, соответственно, шли в тылу. Патриарх Ираклий, чьей обязанностью было нести святой крест впереди христианского

войска, остался в Иерусалиме и передал свою священную обязанность епископам Акко и Лидды, что вызвало множество мрачных предчувствий среди суеверных воинов Христа.

Как только Саладин узнал о продвижении христианской армии, он превратил осаду Тивериадской крепости в блокаду, вызвал свои отряды конницы и поспешил занять все проходы и дефиле в горах, ведущие к Тивериаде. Марш неверного войска, насчитывавшего 80 000 конных и пеших, по холмистой местности арабский писатель, очевидец событий, сравнивает с горами в движении или с огромными волнами взволнованного моря. Саладин расположился лагерем на холмах за Тиверией, упираясь левым крылом в озеро, а кавалерию разместив в долинах. Когда латинские войска приблизились на расстояние трех миль к Тивериаде, они увидели мусульманскую армию и были немедленно атакованы легкой кавалерией арабов. Во второй половине того же дня разыгралось кровопролитное сражение. Христиане пытались, но тщетно, проникнуть в дефиле гор, а когда наступил вечер, они обнаружили, что им удалось лишь удержать свои позиции, не продвинувшись ни на шаг. Вместо того чтобы с боем пробиться к Тивериадскому озеру или отступить на какую-нибудь позицию, где можно было бы запастись водой, король, следуя совету графа Триполи, совершил роковую ошибку, приказав разбить палатки. "Когда сарацины увидели, что христиане разбили свои палатки, - пишет летописец, - они подошли и расположились лагерем так близко к ним, что воины обеих армий могли разговаривать друг с другом, и даже кошка не могла убежать из рядов христиан без ведома сарацин". Стояла знойная летняя ночь, армия креста была зажата среди сухих и бесплодных скал, и люди, и лошади после изнурительного и утомительного марша бросились на иссохшую землю, тщетно прося воды. За всю ночь ни одна капля этого драгоценного элемента не коснулась их губ, и солдаты встали измученными и не отдохнувшими для трудов, работы и ожесточенной войны следующего дня.

На рассвете тамплиеры выстроились в боевом порядке в хвосте христианской армии и приготовились открыть дорогу сквозь плотные ряды неверных к Тивериадскому озеру. Арабский писатель, наблюдавший за движением их плотных и компактных колонн на рассвете, говорит о них как о "страшных в оружии, все их тела покрыты тройной почтой". Он сравнивает шум, производимый их наступающими эскадронами, с *громким жужжанием пчел* и описывает их как одушевленных "пламенным желанием мести".[68] За спиной у Саладина было Тивериадское озеро, его пехота находилась в центре, а быстрая кавалерия пустыни располагалась на обоих флангах под командованием *Факи-эд-Дина* (учителя религии). Тамплиеры, как нам рассказывают, бросились на неверных мусульман, как львы, и ничто не могло противостоять их тяжелому и стремительному натиску. "Никогда, - говорит один арабский доктор права, - я не видел более смелых и сильных воинов; никого больше не должны бояться верующие в истинную веру". Саладин поджег сухую траву и карликовые кустарники, которые лежали между обеими армиями, и ветер понес дым и пламя прямо в лицо военным монахам и их лошадям. Огонь, шум, сверкающее оружие и все сопровождение этой ужасной сцены дали полный простор для описаний восточных писателей. Они сравнивают это со Страшным судом; пыль и дым заслонили лицо солнца, и день превратился в ночь. Иногда среди толпы сражающихся мелькали отблески света, похожие на стремительные молнии; тогда можно было увидеть плотные колонны вооруженных воинов, то неподвижные, как горы, то стремительно проносящиеся по ландшафту, как дождевые тучи над ликом неба. "Сыны рая и сыны огня, - говорят они, - решили свою страшную ссору; стрелы шуршали в воздухе, как крылья бесчисленных воробьев, искры летели от почтовых плащей и сверкающих сабель, а кровь, брызжащая из груди толпы, заливала землю, как небесные дожди"... "Меч возмездия истинных верующих был направлен против неверных; вера Единства была противопоставлена вере Троицы, и быстрое разорение, опустошение и уничтожение настигли несчастных сынов крещения!"

Тивериадское озеро находилось в двух милях от тамплиеров, и то и дело можно было видеть его голубые и спокойные воды, мирно покоящиеся в лучах яркого солнца или изящно извивающиеся на лоне далеких гор; но каждый дюйм дороги был ожесточенно оспариваем; опытные лучники мусульман выстроились вдоль всех возвышенностей, и жаждущая земля была залита кровью лучших и храбрейших христианских воинов. После почти нечеловеческих усилий тамплиеры и госпитальеры остановились и обратились к королю за помощью. В этот критический момент граф Триполи, который всегда настаивал на том, чтобы идти в авангарде, и чье поведение с первого до последнего момента было весьма подозрительным, прорвался с несколькими последователями через отряд мусульман, которые разомкнули свои ряды, чтобы пропустить его, и скрылся в безопасности в Тире. Бегство этого знатного вельможи вызвало внезапную панику, и войска, наступавшие на поддержку тамплиеров, одной беспорядочной массой понеслись на основной корпус. Военные монахи, которые редко поворачивались спиной к врагу, в одиночку и без посторонней помощи выдержали короткий, острый и кровавый бой, который закончился смертью или пленением каждого из них, за исключением Великого магистра госпитальеров, который укрылся с поля боя и благополучно добрался до Аскалона, но умер от ран на следующий день после прибытия.

Христианские воины теперь предалились отчаянию; пехота, состоявшая в основном из коренного населения Палестины, людей, взятых от плуга и секача, в беспорядке и смятении теснилась вокруг епископов и святого креста. Они так теснились друг к другу, что не могли действовать против врага и отказывались повиноваться своим предводителям. Брат Террик, великий прецептор храма, приставленный к особе короля, лорд Реджинальд Сидонский, Балиан д'Ибелин, лорд Наплузский, и многие мелкие бароны и рыцари, собрав своих приверженцев, бросились через скалы, вниз по склонам гор, пронзили вражеские эскадроны и, бросив пехоту на произвол судьбы, скрылись на морском побережье. Арабская конница бросилась следом и, окружив с ужасающими криками трепещущих и не сопротивляющихся пехотинцев, изрубила их в страшной резне.

Тщетно епископы Птолемаиса и Лидды, с трудом поддерживавшие Святой Крест посреди беспорядочной толпы, пытались влить в крестьянство, рожденное в низах, немного той смелой доблести и религиозного энтузиазма, которые так яростно пылали в груди мусульман. Беглецы-христиане теснились, как стадо овец, на которых напали собаки, и их горькие крики о пощаде то и дело оглашали воздух между громкими возгласами "Аллах акбар" - "Бог победил". Вожди мусульман вклинились в самое сердце толпы и проложили себе путь к Святому Кресту; епископ Птолемаиса был убит, епископ Лидды взят в плен, а сам Крест попал в руки неверных. В то же время король Иерусалима, Великий магистр Храма, маркиз Монферратский, лорд Реджинальд де Шатильон и многие другие дворяне и рыцари были взяты в плен и уведены в неволю. "Увы, увы, - говорит аббат Когглшейл, - мне бы следовало дожить до того времени, когда я увидел бы эти ужасные и страшные бедствия". Когда солнце село на покой, а темнота положила конец резне, толпа христианских беглецов, уцелевших после долгой и страшной бойни, попыталась взобраться на вершину горы Хиттин в тщетной надежде скрыться с поля крови под покровом неизвестности ночи. Но за каждым проходом и проспектом строго следили, и когда наступило утро, их обнаружили затаившимися на возвышенной вершине горы. Они были обезумевшими от жажды и измученными наблюдением, но отчаяние придало им сил; они с успехом использовали силу своей позиции, и при первом же натиске мусульмане были отбиты. Покатые склоны горы Хиттин были покрыты сухой травой и чертополохом, выжженными и убитыми жарким летним солнцем, и мусульмане снова прибегли к методу поджога иссушенной растительности. Жар июльского солнца, дополненный жаром бушующего пламени, вскоре оказал страшное воздействие на ослабленный организм бедных христианских воинов, которые совершенно умирали от жажды; некоторые отбросили оружие и бросились на землю; некоторые взывали о пощаде, а другие спокойно ожидали приближения смерти.

К этому времени аппетит мусульман к крови был утолен; в их груди зародилось чувство сострадания к несчастьям павших, и поскольку сопротивление прекратилось на всех участках поля, жизни беглецов на горе Хиттин были милосердно пощажены. Так закончилась памятная Тивериадская битва, начавшаяся во второй половине дня 3 июля и завершившаяся утром в субботу, 5-го. Число пленников, взятых мусульманами, было огромным; не удалось найти веревки, чтобы связать их, все веревки палаток были использованы для этой цели, но их не хватило, и арабские писатели рассказывают, что, увидев мертвых, можно было подумать, что пленных не было, а увидев пленных, что мертвых не было. "Я видел, - говорит секретарь и сподвижник Саладина, присутствовавший при этой страшной битве и не способный сдержать жалости к бедствиям побежденных, - я видел горы и равнины, холмы и долины, покрытые их мертвецами. Я видел их павшие и покинутые знамена, запятнанные пылью и кровью. Я видел их головы, разбитые и избитые, их конечности, разбросанные по земле, и почерневшие трупы, нагроможденные один на другой, как камни строителей. Мне вспомнились слова Корана: "Неверный скажет: "Что я такое, как *прах*?"... Я видел тридцать или сорок человек, связанных одной веревкой. Я видел в одном месте, охраняемом одним мусулманом, двести этих знаменитых воинов, одаренных удивительной силой, которые только что вышли среди сильных мира сего: их гордая осанка исчезла: они стояли обнаженные, с опущенными глазами, жалкие и несчастные..... Лживые неверные теперь были во власти истинно верующих. Их царь и их крест были захвачены, тот крест, перед которым они склоняют голову и преклоняют колено, который они несут наперевес и поклоняются ему глазами; они говорят, что это то самое дерево, к которому был прикреплен Бог, которого они обожают. Они украсили его золотом и блестящими камнями; они несли его перед своими армиями; все они склонялись перед ним с почтением. Защищать его было их первой обязанностью, и тот, кто оставит его, никогда не сможет обрести душевный покой. Взятие этого креста было для них более тяжким испытанием, чем пленение их короля. Ничто не сможет компенсировать им его потерю. Это был их Бог; они падали перед ним в прах и пели гимны, когда его поднимали ввысь!"

Как только на поле боя прекратились боевые действия, Саладин направился в шатер, куда, повинаясь его приказу, были препровождены король Иерусалима, Жерар де Ридерфор, Великий магистр Храма, и Реджинальд де Шатильон. Этот последний дворянин сильно отличился в различных дерзких экспедициях против караванов паломников, направлявшихся в Мекку, и стал из-за этого особенно неприятен благочестивому Саладину. Войдя в шатер, султан приказал преподнести павшему монарху Иерусалима и Великому магистру Храма чашу шербета - священный залог гостеприимства и безопасности у арабов; но когда Реджинальд де Шатильон хотел отпить из нее, Саладин помешал ему и, упрекнув христианского дворянина в вероломстве и нечестии, приказал немедленно признать пророка, которого он хулил, или быть готовым встретить смерть, которую он так часто заслуживал. Когда Реджинальд отказался, Саладин ударил его своим скимитаром, и он был немедленно отправлен стражей. Бохадин, друг и секретарь Саладина, очевидец этой сцены, рассказывает о ней следующее: "Тогда Саладин велел переводчику сказать царю: "Это ты, а не я, даешь пить этому человеку!". Затем султан сел у входа в шатер, перед ним привели принца Реджинальда, и, освежив его память, Саладин сказал ему: "Теперь я сам сыграю роль защитника Мухаммеда! Тогда он предложил ему магометанскую веру, но тот отказался; тогда король ударил его по плечу нарисованным скимитаром, что послужило намеком для присутствовавших, что с ним делать; так они отправили его душу в *ад*, а тело выбросили перед дверью палатки!"

На следующий день Саладин хладнокровно приступил к осуществлению грандиозной заключительной трагедии. Воинственные монахи Храма и Госпиталя, самые храбрые и ревностные защитники христианской веры, из всех воинов креста были самыми несносными для ревностных мусульман, и было решено, что смерть или обращение в магометанство уготовано

каждому пленнику из обоих орденов, за исключением Великого магистра Храма, за которого, как ожидалось, будет дан большой выкуп. Соответственно, в христианскую субботу, в час захода солнца, назначенный для молитвы, мусульмане выстроились в боевой порядок под руководством своих предводителей. Мамлюкские эмиры стояли в двух шеренгах, одетые в желтое, и под звуки священной трубы все пленные рыцари Храма и Госпиталя были выведены на возвышенность над Тиверией, на прекрасное Геннисаретское озеро, на горных берегах которого происходило множество чудес Спасителя. Там, когда последние лучи солнца угасали над вершинами гор, их призвали отречься от распятого Христа, выбрать Бога своим Господом, ислам - своей верой, Мекку - своим храмом, мусульман - своими братьями, а Магомета - своим пророком. Все они отказались, и были обезглавлены в присутствии Саладина благочестивыми фанатиками его армии, а также докторами и толкователями закона. Восточный историк, присутствовавший при этом, рассказывает, что Саладин сидел с улыбающимся лицом, наблюдая за казнью, и что некоторые из палачей отрубили головы с ловкостью, вызвавшей бурные аплодисменты. "О, - говорит Омад'эддин Мухаммед, - каким прекрасным украшением является кровь неверных, окропляющая последователей веры и истинной религии!"^[69] Если мусульмане проявляли достойное рвение в обезглавливании и уничтожении неверных тамплиеров, то эти последние проявляли не менее похвальное рвение к мученической смерти от мечей неверных мусульман. Рыцарь-тамплиер, брат Николай, как нам рассказывают, вместе со своими товарищами энергично боролся за то, чтобы пострадать первым, и с большим трудом добился своей цели. Христиане, в соответствии с суеверными представлениями тех времен, считали, что небеса засвидетельствовали свое одобрение видимым знаком, и что в течение трех ночей, когда тела тамплиеров оставались непогребенными на поле боя, небесные лучи света играли вокруг трупов этих святых мучеников.

Сразу же после этой роковой битвы цитадель Тиберия сдалась Саладину, а графине Триполи было позволено спокойно отправиться на поиски своего беглого мужа. Теперь в Латинском королевстве не было сил, способных оказать хоть какое-то сопротивление победоносной карьере неверных, и Саладин, чтобы как можно быстрее захватить и подчинить себе всю страну, разделил свою армию на несколько корпусов, которые должны были двигаться в разных направлениях и собраться, наконец, под стенами Иерусалима. Одна сильная колонна под командованием Малека эль-Афдаля отправилась атаковать Ла-Феу или Фабу, замок рыцарей-тамплиеров. Почти весь гарнизон погиб в битве при Тиберии, и после короткого боя неверные вошли в крепость по трупам последних ее защитников. Оттуда они пересекли великую равнину до Себасте и вошли в великолепную церковь, воздвигнутую императрицей Еленой над темницей, в которой был обезглавлен святой Иоанн Креститель, и над скромной могилой, где до сих пор покоятся останки святого Иоанна и его родителей Захарии и Елизаветы. Испуганные епископ и духовенство убрали с алтарей все золотые и серебряные сосуды, а также богатые копны и облачения священников, чтобы скрыть их от корыстолюбия мусульман, после чего последние раздели епископа до гола и избили прутьями, а всех его священнослужителей увели в плен. Затем дикая туркменская и бедуйнская конница пронеслась по прекрасной долине Суккот к Наплусу, древнему Сихему, который они нашли пустынным и безлюдным; жители бросили свои жилища и бежали в Иерусалим, а мусульмане водрузили свои знамена на серых стенах крепости и на возвышенной вершине горы Геризим. Затем они разбили свои палатки вокруг интересного колодца, у которого Спаситель беседовал с самарянкой, и пасли свою конницу в долине, где братья Иосифа кормили свои стада, когда продали его странствующим измаильтянам. Здесь они остановились, чтобы получить некоторые известия о действиях своих соратников по ту сторону Иордана, а затем отправились разорять и опустошать всю страну между Наплусом и Иерусалимом, "продолжая, - говорит аббат Когглшейл, - и ночью, и днем истреблять все живое, что встречалось им".

Колонна, которая должна была пройти через долину Иордана, вступила на великую равнину Эсдраэлона у горы Фавор, и, взяв направление от Наина и Эндора к Иезреелю, они перешли через

горы Гильбоа к Бейсану и спустились в долину Иордана до Иерихона. Затем они осадили уединенный замок тамплиеров, расположенный на той знаменитой горе, где, согласно преданию, наш Спаситель был искушен дьяволом, увидев в видении "все царства мира и славу их". В этом замке тамплиеры держали гарнизон для защиты паломников, которые приходили искупаться в Иордане и посетить святыне места в окрестностях Иерихона. С отвесной скалы, на которой он располагался, открывался обширный вид на русло Иордана до его впадения в Мертвое море, а также на восточную границу Латинского королевства и важные проходы, сообщавшиеся с Иерусалимом. Это место называлось *Маледоим*, или "Красная гора", из-за крови, которая была пролита на этом месте. Саладин предложил пятьдесят тирийских динаров за голову каждого рыцаря-тамплиера, которого ему приведут, и кровожадные неверные окружили обреченный замок в ожидании награды. Весь гарнизон был предан мечу, а от замка остались лишь бесформенные руины. Затем неверные двинулись в сторону Иерусалима и опустошили всю страну между Иерихоном и Святым городом. Они разбили свои палатки в Вифании, на месте, где стояли дома Симона прокаженного, Марии Магдалины и Марфы, и разрушили церковь, построенную над домом и могилой Лазаря. Затем дикая арабская конница пронеслась по Елеонской горе; они завладели церковью, построенной на вершине этого священного сооружения, и распространили свои опустошения до самых ворот Иерусалима.

Тем временем доблестный брат Саладина Сайфеддин, "меч веры", пересек пустыню из Египта, чтобы принять участие в грабеже и разорении христианских территорий. Он опустошил всю страну от Дарона и Герара до Иерусалима. Перед его свирепыми воинами виднелись длинные полосы скорбных пленников, связанных за запястья, а за ними - унылая пустыня, пропитанная христианской кровью. Сейфеддин осадил сильный город Мирабель и расставил свои военные машины, когда перепуганные жители прислали к нему депутацию с мольбой о помиловании. Он согласился пощадить их жизни в обмен на немедленную сдачу города и дал им эскорт из четырехсот мусульман, чтобы провести их в целости и сохранности в Иерусалим. Сопровождаемые женами и малышами, несчастные христиане бросили последний взгляд на свои некогда счастливые дома и продолжили свой утомительный путь в Святой город. По прибытии на возвышенность в двух милях от Иерусалима арабский эскорт покинул их, и сразу после этого отряд тамплиеров бросился через ущелье, напал на отступающих мусульман и предал большую их часть мечу.

Великий Саладин, напротив, сразу после битвы при Тиберии поспешил с основной частью своих сил к Акко, и перепуганные жители распахнули ворота при его приближении. Оттуда он пронесся по всему морскому побережью до Яффы, уничтожив все приморские города, за исключением Тира, который оказал ему упорное сопротивление. Дикие туркоманы с севера, хищные бедуины, фанатичные аравийцы и смуглые африканцы спешили через границы, чтобы разделить добычу и разграбление Латинского королевства. Радольф, наш достойный аббат из Коглшейла, один из тех, кто бежал перед безжалостными мечами неверных, дает ужасающую картину обстановки в стране. Он рассказывает, что вся земля была покрыта мертвыми телами, гниющими и разлагающимися под палящими лучами солнца. Ранним утром можно было увидеть богатую и величественную церковь с разбросанными вокруг нее светлыми и счастливыми жилищами, цветущий сад, серебристую оливковую рощу и богатый виноградник; но угасающие лучи вечернего солнца падали на дымящиеся массы бесформенных развалин и на унылую и одинокую пустыню. Святой аббат оплакивает падение Назарета и осквернение неверными великолепной церкви Пресвятой Богородицы в этом месте. Сидон, Кайфас, Сепфорис, Назарет, Кесерея, Яффа, Лидда и Рама последовательно попали в руки мусульман; жители были уведены в плен, а гарнизоны преданы мечу. Неверные опустошили все окрестности горы Кармель и Каифы, сожгли знаменитую церковь Элиаса на горе над портом Акко, служившую маяком для мореплавателей.

Управление орденом Храма, в связи с пленением великого магистра Жерара де Ридерфора, который находился в тюрьме вместе с Гаем, королем Иерусалима, в Дамаске, было возложено на брата Террика, великого прецептора Иерусалима, который направил письма всем братьям на западе, прося о помощи и содействии. Одно из этих писем было должным образом получено братом Джеффри, магистром Храма в Лондоне, следующего содержания: "Брат Террик, великий прецептор бедного дома Храма, и все бедные братья, и весь монастырь, ныне, увы, почти уничтоженный, всем прецепторам и братьям Храма, к которым придут эти письма, спасение через того, к кому обращены наши горячие чаяния, через того, кто заставляет солнце и луну чудесно царствовать.

"О многих и великих бедствиях, которыми гнев Божий, возбужденный нашими многообразными грехами, попустил нас постигнуть в настоящее время, мы от горя не можем поведать вам ни в письмах, ни нашей рыдающей речи. Вожди неверных, собрав огромное количество своих людей, яростно вторглись в наши христианские земли, и мы, собрав свои батальоны, поспешили в Тивериаду, чтобы задержать их поход. Враг, зажав нас среди бесплодных скал, яростно напал на нас; святой крест и сам король попали в руки неверных, все войско было изрублено на куски, двести тридцать наших рыцарей обезглавлены, не считая шестидесяти, убитых 1 мая. Лорд Реджинальд Сидонский, лорд Балловиус и мы сами с огромным трудом спаслись с этого несчастного поля. Язычники, опьяненные кровью наших христиан, направились со всей своей армией к городу Акко и взяли его штурмом. В настоящее время город Тир жестоко осажден, и ни ночью, ни днем неверные не прекращают своих яростных нападений. Их так много, что они, как муравьи, покрывают все лицо страны от Тира до Иерусалима и даже до Газы. Святой город Иерусалим, Аскалон, Тир и Бейрут все еще остаются за нами и за христианским делом, но гарнизоны и главные жители этих мест, погибшие в битве при Тиберии, не дают нам надежды удержать их без помощи с небес и немедленного содействия с вашей стороны".^[70] Саладин же посылал халифу триумфальные письма. "Бог и его ангелы, - пишет он, - милостиво помогли исламу. Неверные были отправлены на корм *огню* АДА! В наши руки попал крест, вокруг которого они порхали, как мотыльки вокруг светильника; под чьей тенью они собирались, на который смело уповали, как на стену; крест, центр и вождь их гордыни, их суеверий и их тирании"...

Саладин продолжил свои стремительные завоевания вдоль морского побережья к северу от Акры и взял штурмом несколько замков тамплиеров. После шестидневной осады сильная крепость Тебнин, расположенная на дороге в Бейрут, была взята штурмом, гарнизон мечом, а укрепления сровнены с землей. 22-го числа Саладину сдалась Джомада, важный город Бейрута, а вскоре после этого - замки Хобейль и Болерум. В старой хронике, опубликованной Мартином, есть следующий странный отрывок, касающийся последнего из названных замков. "К этому замку принадлежала дама, которую граф Триполи отказался отдать Жерару де Ридерфору, Великому магистру Храма, из-за чего между ними произошла великая ссора, приведшая к потере Святой земли". После взятия всех приморских городов между Акко и Триполи Саладин приказал своим отрядам сосредоточиться перед Иерусалимом, а сам поспешил на юг, чтобы завершить завоевание тех немногих мест, которые еще сопротивлялись оружию мусульман. Он расположился перед Аскалоном и, готовя свои военные машины для взятия стен, отправил гонцов к тамплиерам в Газу, объясняя им, что вся земля находится в его власти, что все дальнейшие попытки сопротивления бесполезны, и предлагая им свои жизни и безопасное отступление в Европу, если они отдадут ему важную крепость, находящуюся в их ведении. Но военные монахи послали победоносному султану ответный вызов и рекомендовали ему взять Аскалон, прежде чем он решится просить о сдаче Газы. Время года наступало - в Европе ходили смутные слухи о грандиозных приготовлениях к возвращению Палестины, и Саладину не терпелось осадить и взять Иерусалим до начала зимних дождей. Поэтому, когда его военные машины были установлены под стенами Аскалона, он еще раз, поскольку место было сильным, призвал жителей к сдаче, и

они согласились капитулировать, получив от Саладина торжественное обещание, что он немедленно освободит короля Иерусалима и Великого магистра Храма и будет уважать как людей, так и имущество жителей. Эти условия были приняты, и 4 сентября ворота Аскалона были открыты для неверных.^[71]

Жители этого интересного города, похоже, были очень привязаны к своему королю Ги де Лузиньяну и его королеве Сибилле. Они приняли их, когда те прибыли из Иерусалима, как беглецов от гнева Балдуина IV, и защищали их от власти этого монарха. Султан наложил на пленников такие условия, которые были необходимы для его собственной безопасности. Они должны были покинуть Палестину и никогда больше не возвращаться, а тем временем, пока не представится подходящий случай для отправки в Европу, поселиться в Наплусе под наблюдением мусульманского гарнизона. Сразу же после взятия Аскалона Саладин разбил свои палатки под стенами Газы, великой крепости рыцарей-тамплиеров. В предыдущем нападении на этот важный пункт монахи с большими потерями отбили его, и теперь он окружил его своими многочисленными батальонами, жаждущими мести. После непродолжительной осады город сдался; укрепления были разрушены, но о судьбе гарнизона ничего не известно.

Покорив всю страну, граничащую с морским побережьем, Саладин с великим триумфом двинулся к священному городу Иерусалиму. Первую ночь он провел в Берсаби, древней Беершебе, у колодца, вырытого Авраамом в земле филистимлян, на месте, где Авраам родил семь овец, заключил завет с Авимелехом, посадил рощу и призвал "имя Господа, Бога вечного". На следующий день Саладин отправился в Вифлеем, остановившись по дороге перед замком госпитальеров, которых он призвал сдаться, но тщетно. Оставив конный отряд для наблюдения, он вечером того же дня разбил палатки вокруг Вифлеема, а на следующее утро на рассвете мусульманские солдаты вошли в огромный монастырь и великолепную церковь, воздвигнутую императрицей Еленой и ее сыном Константином над священным местом, где родился Спаситель мира. Они с безграничным восхищением бродили среди непревзойденной коринфской колоннады, образованной четверным рядом из сорока древних колонн, которые поддерживают крышу, построенную из ливанского кедра. Они останавливались, чтобы полюбоваться прекрасными мозаиками, покрывающими высокие стены, богатой резной ширмой по обе стороны от главного алтаря и двадцатью пятью императорскими орлами. Саладин присутствовал лично, и, судя по всему, серьезных беспорядков не произошло. Все жители города бежали в Иерусалим с тем имуществом, которое смогли унести с собой, и во второй половине дня, разместив в городе гарнизон, султан начал поход к Святому городу.

В час заката, когда колокола иерусалимских церквей звонили к вечерне, огромное войско Саладина мрачным строем увенчало мрачные и пустынные выси, окружающие город Давида. Воздух оглашали громкие мусульманские крики *Эль Кодс, Эль Кодс* - "Святой город, святой город!", а зеленые и желтые знамена пророка и разноцветные эмблемы арабских племен рельефно выделялись на возвышенных гребнях холмов и ярко сверкали в последних трепетных лучах заходящего солнца. Арабские писатели с восторгом описывают чувства, которые испытали их соотечественники, увидев "давно потерянную сестру Мекки и Медины", вновь взглянув на вздымающиеся купола мечети Омара и на священную высоту, откуда, согласно их преданиям, "Магомет вознесся от земли к небу". Это была, должно быть, странная и ужасная сцена. Воинство мусульман заняло свои позиции вокруг Святого города в тот самый час, когда последователи христианской и магометанской религий должны были собраться, чтобы вознести свои молитвы единому Великому Богу, общему Отцу всех нас. С одной стороны, с башен христианских церквей доносился мягкий вечерний бриз, хриплое пение монахов и священников, громкие хвалебные гимны; с другой стороны, со всех холмов и возвышенностей вокруг Иерусалима доносился пронзительный крик муэдзинов, созывавших верующих на вечерние богослужения. В стенах

города, по крайней мере на одну ночь, к имени Христа обращались с истинным благочестием и горячей преданностью, а за городом громко провозглашали вечную истину и мусульманский вымысел: "Есть только один Бог, и *Магомет* - его апостол".

В ту же ночь, когда мусулмане закончили свои молитвы, и темнота еще не накрыла землю своим соболиным саваном, громкие трубы Саладина призвали христиан сдать "дом Божий" в руки правоверных; но христиане ответили, что, угодное Богу, Святой город *не* должен быть сдан. На следующее утро на рассвете перепуганные жители были разбужены грохотом рожков и барабанов, громким лязгом оружия и яростными криками неумолимого врага. Женщины и дети бросились в храмы и стали на колени перед алтарями, рыдая и воздевая руки к небу, а мужчины поспешили занять боевые позиции. Храм уже не мог предоставить сотни и тысячи храбрых воинов для защиты святыни христиан; лишь несколько жалких рыцарей с братьями-служителями оставались в его теперь уже безмолвных залах и пустынных дворах. Пятнадцать дней христиане успешно сопротивлялись всем усилиям врага; монахи и каноники, епископы и священники взяли в руки оружие, защищая Гроб Господень, и выстроились в воинственном строю на темно-серых стенах и башнях Иерусалима. Но мусульманские лучники вскоре стали столь многочисленны и столь искусны, что гарнизон не смел показываться на стенах. "Их стрелы падали, - рассказывает наш достойный соотечественник, аббат Когглшейл, один из храбрых защитников этого места, - густо, как град, на бойницы, так что никто не мог поднять палец над стенами, не будучи искалеченным. Раненых было так много, что все врачи города и госпиталя не могли извлечь оружие из их тел". Лицо рассказчика этих событий было изрезано стрелой, пронзившей ему нос; деревянное древко было извлечено, но кусок железного наконечника остался там и по сей день".[\[72\]](#)

Иерусалим был переполнен беглецами, которые были загнаны в Святой город из провинций. Дома не вмещали их, а улицы были заполнены женщинами и детьми, которые ночь за ночью спали на холодных мостовых. По истечении двух недель Саладин, видя, что его непрекращающиеся атаки постоянно срываются, отступил от стен и занялся строительством военных машин, разместив вокруг города десять тысяч конницы, чтобы перехватывать беглецов и препятствовать подвозу припасов. Когда строительство двигателей было завершено, он направил все свои усилия против северной стены города, которая простиралась между воротами Святого Стефана и Яффскими воротами. Десять тысяч солдат были прикреплены к военным машинам и день и ночь занимались тараном укреплений. Босые процессии женщин, монахов и священников шли к святой гробнице, чтобы умолять Сына Божьего спасти его гробницу и его наследие от нечестивого посягательства. Женщины в знак смирения и беды обрезали свои волосы и бросали их на ветер; а иерусалимские дамы заставляли своих дочерей совершать покаяние, стоя по шею в ваннах с холодной водой, поставленных на горе Голгофе. Но все это было бесполезно, "ибо Господь наш Иисус Христос, - пишет летописец, - не слушал ни одной их молитвы, потому что грязь, роскошь и прелюбодеяние, царившие в городе, не позволяли молитвам и мольбам возноситься к Богу".

Чтобы предотвратить попытки гарнизона сломить силу таранов, Саладин построил огромные мангонели и машины, которые бросали огромные камни и пылающие деревянные балки, покрытые смолой и нефтью, на валы и через стены в город. Кроме того, он нанял шахтеров для подрыва фундамента башен, и 16 октября угол северной стены, где она касается долины Гехиннон, был обрушен с огромным треском. Ужасающая новость облетела весь город и наполнила скорбью все сердца. Друзья обнимали друг друга, как в последний раз; матери прижимались к своим малышам, с душевной мукой предвкушая тот страшный миг, когда их оторвут от них навсегда; мужчины смотрели вокруг в мрачном молчании, потрясенные и ошеломленные. Молодые матери несли своих младенцев на руках на гору Голгофу и клали их

перед алтарями церкви Воскресения, как будто думали, что милая невинность этих беспомощных объектов успокоит гнев небес. Охваченный паникой гарнизон покинул укрепления, но неверные, к счастью, отложили штурм до следующего утра. Ночью были предприняты тщетные попытки организовать сильную стражу для наблюдения за проломом. "Я собственными ушами слышал, - рассказывает аббат Когглшейл, - как патриарх и главные люди города провозгласили между стеной и контркарпом, что если пятьдесят сильных и доблестных пеших воинов возьмут на себя обязательство охранять в течение одной ночи только угол, который был повержен, они должны получить пятьдесят золотых безантов; но не нашлось ни одного, кто взял бы на себя эту обязанность".

Утром к Саладину отправилась депутация с мольбой о милости, но прежде чем они достигли императорского шатра, начался штурм, и двенадцать знамен пророка триумфально развевались над проломом. Надменный султан отказался выслушать посланников и отпустил их, заявив, что отнимет Иерусалим у франков так же, как они отняли его у мусульман, то есть *с мечом в руке*. Но в перепелиный гарнизон наконец-то вселился дух сопротивления, немногие тамплиеры и госпитальеры, находившиеся в Иерусалиме, заняли брешь, и в отчаянной борьбе мусульмане были отбиты, а штандарты пророка сорваны со стен. Затем посланники вернулись к Саладину и объявили, что если он откажется от договора о сдаче Иерусалима, то христиане подожгут храм или мечеть Омара, уничтожат все сокровища, которыми они владели в городе, и расправятся с пленными мусульманами. Объявление этой отчаянной решимости, сопровождавшееся предложением весьма значительного выкупа, побудило Саладина выслушать условия, и с христианами был заключен следующий договор. Мусульмане должны были немедленно овладеть всеми воротами Иерусалима, а свобода и безопасность жителей должны были быть выкуплены следующим образом. Каждый мужчина должен был заплатить Саладину десять золотых безантов в качестве выкупа, каждая женщина - пять, а каждый ребенок до семи лет - один безант.

Когда эти условия, столь позорные для христианских переговорщиков, стали известны в Святом городе, ничто не могло превзойти горя и негодования бедных слоев населения, у которых не было денег, чтобы заплатить выкуп, и которые, таким образом, были отданы в вечное рабство своими более богатыми братьями-христианами. Однако всякое сопротивление с их стороны договору было тогда безнадежным; бедные были преданы богатыми; неверные уже овладели башней Давида, и их копья сверкали на улицах Святого города. К чести немногих тамплиеров и госпитальеров, находившихся тогда в Иерусалиме, следует отметить, что они потратили все имевшиеся у них деньги на выкуп своих бедных братьев-христиан, которых они сопровождали в безопасное место в Триполи. Число тех, кто, будучи не в состоянии заплатить выкуп, попал в безнадежное рабство, оценивается в четырнадцать тысяч человек, мужчин, женщин и детей. Их продавали на общих невольничьих рынках и развозили по всем мусульманским странам Азии. Женщины стали наложницами и служанками своих хозяев, а дети были воспитаны в магометанской вере.

Арабские писатели выражают свое удивление количеством христианских пленников и рассказывают об их горестях и несчастьях. Один из них рассказывает, что в своей родной деревне он видел прекрасную европейскую женщину, яркую, как утренняя звезда, у которой было двое прекрасных детей. Она редко разговаривала, но целыми днями пребывала в меланхолическом созерцании; в ее поведении, говорит он, было столько нежности и мягкости, что сердце щемило при виде ее. "Когда я был в Алеппо, - рассказывает историк Аззеддин Али Ибн-Аль-Ацыр, воевавший в армии Саладина и присутствовавший при битве при Тиберии, - у меня была рабыней одна из христианских женщин, взятых в Яффе. С ней был маленький ребенок, около года, и много горьких слез пролила она над этим нежным младенцем. Я старался утешить ее, но она воскликнула: "Увы, господин, я плачу не по этому ребенку; у меня был муж и две сестры, и я не

знаю, что с ними стало. У меня также было шесть братьев, и все они погибли". Это случай только одного человека. На другой день в Алеппо я видел рабыню-христианку, которая сопровождала своего хозяина в дом соседа. Хозяин постучал в дверь, и другая франкская женщина открыла ей; обе женщины сразу же издали громкий крик, бросились друг к другу в объятия, заплакали, сели на землю и заговорили. Это были две сестры, проданные в рабство разным хозяевам и попавшие, сами того не зная, в один и тот же город". [73]

Так пал святой город Иерусалим через восемьдесят восемь лет после его завоевания Годфридом де Буйоном и крестоносцами. Наш замечательный летописец Радольф, аббат Когглшейла, который был выкуплен из рабства уплатой десяти золотых безантов, бросает жалостливый взгляд на беды и несчастья несчастных пленников, но приписывает падение Иерусалима и все последовавшие за ним бедствия грехам и беззакониям жителей. "Они чтили Бога", - говорит он, - "устами своими, но сердца их были далеки от Него". Он говорит о красивых женщинах, которые толпились в Иерусалиме, об общей испорченности города и восклицает словами пророка: "Господь сказал язычникам: "Подойдите к стенам ее и разрушите, отнимите укрепления ее, ибо они не принадлежат Господу"". "

Сразу же после сдачи города (11 октября 1187 г.) мусульмане тысячами устремились в Храм (Templum Domini, ante [п. 12](#)). "Имауны, доктора и толкователи нечестивых заблуждений Магомета, - говорит аббат Когглшейл, - сначала вошли в Храм Господень, называемый неверными *Бейт Аллах* (дом Божий), на который, как на место молитвы и религии, они возлагают свою великую надежду на спасение. С ужасающими криками они провозглашали закон Магомета и кричали оскверненными устами: "Аллах акбар - *Аллах акбар*" (Бог побеждает). Они осквернили все места, находящиеся в храме, а именно: место представления, где Мать и славная Дева Мария предала Сына Божьего в руки праведного Симеона, и место исповеди, обращенное к паперти Соломона, где Господь судил женщину, взятую в прелюбодеянии. Они поставили стражу, чтобы ни один христианин не мог войти в семь предсердий храма; и как позор для христиан, с большим шумом, со смехом и издевательствами они сбросили золотой крест с вершины здания и протащили его на веревках по всему городу, среди ликующих криков неверных и слез и причитаний последователей Христа". Когда все христиане были удалены из храма, Саладин с огромной помпой отправился читать молитвы в *Бейт-Аллах*, святой дом Божий, или "Храм Господень", возведенный халифом Омаром. Его сопровождали пять верблюдов, нагруженных розовой водой, которую он доставил из Дамаска, и он вошел в священный двор под звуки военной музыки и с развевающимися на ветру знаменами. После этого *Бейт Аллах*, "Храм Господень", был вновь освящен для служения единому Богу и его пророку Магомету; стены и тротуары были омыты и очищены розовой водой; в святилище была воздвигнута кафедра, созданная трудом Нуреддина. [74]

Генриху Второму, королю Англии, был отправлен следующий отчет об этих операциях. "Возлюбленному лорду Генриху, милостью Божьей прославленному королю английскому, герцогу Нормандии и Гиени и графу Анжуйскому, брат Террик, бывший великий прецептор дома Храма в Иерусалиме, шлет приветствие, - спасение через Того, Кто спасает королей. Знайте, что Иерусалим с цитаделью Давида сдан Саладину. Сирийские христиане, однако, хранят святую гробницу до четвертого дня после Михаила, а сам Саладин разрешил десяти братьям госпиталя оставаться в доме госпиталя в течение года, чтобы заботиться о больном..... Иерусалим, увы, пал; Саладин заставил сбросить крест с вершины Храма Господня, и два дня его публично пинали и таскали в грязи по городу. Затем он заставил омыть Храм Господень внутри и снаружи, сверху и снизу, розовой водой, и закон Магомета был провозглашен по всем четырем кварталам Храма с прекрасным шумом....". [75]

Бохадин, секретарь Саладина, упоминает как замечательное и счастливое обстоятельство, что святой город был сдан султану самой благочестивой памяти и что Бог вернул верующим их святыню 27-го числа месяца Регеб, в ночь которого их славнейший пророк Магомет совершил свое чудесное ночное путешествие из Храма Господня через семь небес к престолу Божьему. Он также описывает священную общину мусульман, собравшуюся в храме, и торжественную молитву, возносимую Богу; крики, звуки аплодисментов и голоса, возносимые к небу, заставляющие священные здания звучать благодарностями и восхвалениями щедрому Господу Богу. Он славит низвержение золотого креста и ликует по поводу великолепного триумфа ислама. Саладин восстановил священную территорию Храма в том виде, в каком она была при первых мусульманских завоевателях Иерусалима (ante, [p. 12](#)). Древняя христианская церковь Богородицы (мечеть *Аль-Акса*, "Храм Соломона") была омыта розовой водой и вновь отдана под религиозные службы мусульман. На западной стороне этого почтенного сооружения тамплиеры, по словам арабских писателей, возвели огромное здание, в котором они жили, а также амбары для зерна и различные служебные помещения, которые закрывали и скрывали большую часть здания. Большинство из них были снесены султаном, чтобы освободить место для молитвы мусульман. Некоторые новые конструкции, установленные между колоннами в глубине здания, были убраны, а пол покрыт богатейшими коврами. "Бесчисленные лампы, - говорит Ибн Алатьрь, - были подвешены к потолку; стихи Корана были вновь начертаны на стенах; вновь раздался призыв к молитве; колокола умолкли; изгнанная вера вернулась в свое древнее святилище; благочестивые мусульмане вновь склонили колена в поклонении единому единственному Богу, и с кафедры вновь раздался голос имауна, напоминающий истинным верующим о воскресении и последнем суде".[\[76\]](#)

В пятницу после сдачи города армия Саладина и толпы истинно верующих, стекавшихся в Иерусалим со всех концов Востока, собрались в Храме Господнем, чтобы принять участие в религиозных службах мусульманского субботнего дня. Омад, секретарь Саладина, присутствовавший при этом, приводит следующий интересный рассказ об этой церемонии и о проповеди, которая была произнесена. "В пятницу утром на рассвете, - рассказывает он, - все спрашивали, кого султан назначил проповедовать. Храм был полон; прихожане были в нетерпении; все глаза были устремлены на кафедру; уши были напряжены; сердца бились быстро, а по лицам текли слезы. Со всех сторон слышались восторженные восклицания: "Какое славное зрелище! Какая община! Счастливы те, кто дождался воскресения ислама". В конце концов султан приказал судье (доктору права) *Мохиддину Абулмехали-Мохаммеду* исполнить священную функцию имауна. Я тут же протянул ему черное облачение, которое получил в подарок от халифа. Затем он взойшел на кафедру и произнес речь. Все затихли. Его выражения были изящны и легки, а речь красноречива и вызывает восхищение. Он показал добродетель и святость Иерусалима, рассказал об очищении Храма, упомянул о молчании колоколов и бегстве неверных священников. В молитве он назвал имена халифа и султана, а закончил свою речь той главой Корана, в которой Бог повелевает справедливость и добрые дела. Затем он сошел с кафедры и помолился в михрабе. Сразу же после этого перед собравшимися была прочитана проповедь".

Эту проповедь произнес *Мухаммед Бен Зеки*. "Слава Богу, - говорит проповедник, - который силой своего могущества воздвиг исламу на руинах многобожия; который управляет всем по своей воле; который ниспровергает умыслы неверных и заставляя Истину торжествовать! Я славлю Бога, Который помог Своим избранным, Который сделал их победителями и увенчал их славой, Который очистил Свой святой дом от скверны идолопоклонства..... Я свидетельствую, что нет Бога, кроме одного великого Бога, который стоит *один* и не имеет Партнера; единственный, верховный, вечный; который не рождает и не рождается, и не имеет равных. Я свидетельствую, что Магомет - Его слуга, Его посланник и Его пророк, который рассеял сомнения, посрамил многобожие и низложил ложь! О люди, возвестите вам о благословениях Бога, который вернул вам этот святой

город, после того как он был во власти неверных в течение ста лет. Этот святой дом Господень был построен, и его фундамент был заложен во славу Божию. Это святое место - обитель пророков, *кебла* (место молитвы), к которой вы обращаетесь в начале своих религиозных обязанностей, место рождения святых, место откровения. Она трижды святая, ибо ангелы Божьи распростерли над ней свои крылья. Это та благословенная земля, о которой Бог говорит в своей священной книге. В этом молитвенном доме Магомет молился вместе с ангелами, которые приближаются к Богу. Именно к этому месту обращены все пальцы после двух святых мест. Это завоевание, о люди, открыло вам врата рая; ангелы ликуют, и глаза пророков блестят от радости". Далее проповедник в высоком напряжении энтузиазма рассказывает о достоинствах священной войны. "Священная война, священная война!" - говорит он, - "это лучше, чем религиозное поклонение; это самое благородное из ваших занятий. Помогайте Богу, и он поможет вам; защищайте Господа, и он защитит вас; помните о нем, и он будет помнить о вас; делайте добро ему, и он сделает добро вам. Отсеките ветви беззакония; очистите землю от неверующих и уничтожьте народы, возбудившие гнев Бога и Его апостола, &c....".[77]

Омад сообщает нам, что мраморный алтарь и часовня, воздвигнутые над священной скалой в Храме Господнем, или Мечети Омара, были удалены Саладином, вместе со стойлами для священников, мраморными статуями и всеми мерзостями, которые были помещены в это почитаемое здание христианами. Мусульмане с ужасом обнаружили, что некоторые куски священного камня или скалы были отколоты франками и отправлены в Европу. Саладин немедленно обнес его железной решеткой. Он омыл его розовой водой, а Малек-Афдель покрыл его великолепными коврами. Саладин в своем знаменитом письме к халифу, рассказывая о завоевании Иерусалима, восклицает: "Бог наконец-то повернулся лицом к сторонникам истинной веры; он дал волю своему гневу против неверных и изгнал их из своего святилища..... Неверные возвели в святом городе церкви и великие дома тамплиеров и госпитальеров. В этих строениях - богатые мраморы и множество драгоценных вещей. Раб Твой восстановил мечеть Аль-Акса (храм рыцарей-тамплиеров, [стр. 12](#)) в ее древнем предназначении. Он назначил имаунов для совершения богослужения, и 14-го чаабана они произнесли *хотбех* (проповедь). Небеса разорвались от радости, и звезды танцуют от восторга. Слово Божье возвысилось, и гробницы пророков, которые осквернил неверный, были очищены".[78] Саладин восстановил укрепления Иерусалима, основал несколько школ и превратил большой дом госпитальеров в колледж. Затем он покинул Святой город, чтобы продолжить свои военные действия в поле.

Тамплиеры по-прежнему удерживали некоторые из самых сильных замков Палестины, а приморский город Тир продолжал противостоять всем нападениям мусульман. Этот важный морской порт был сохранен для христиан благодаря доблести и военным талантам молодого Конрада, маркиза Монферрата, который прорыл ров через перешеек, соединяющий Тир с основной землей, отремонтировал укрепления и установил катапульты и баллисты в лодках, чтобы командовать единственным подходом к городу. Саладин лично отправился в Тир, чтобы провести операции против этого важного места. С утра до ночи он был верхом, ему помогали его сыновья, брат и племянник, все они командовали в поле под присмотром султана и своим примером воодушевляли войска. Следующий рассказ о положении дел в Палестине содержится в письме брата Террика, великого прецептора Храма и генерального казначея ордена, Генриху Второму, королю Англии. "Братья госпиталя Бельвуар все еще храбро сопротивляются сарацинам; они захватили два конвоя и доблестно овладели военным снаряжением и провизией, которые сарацины везли из крепости Ла-Фе. Пока еще Караш, окрестности горы Рояль, сама гора Рояль, храм Сафет, госпиталь Караш, Маргат и Кастеллум Бланкум, а также территория Триполи и территория Антиохии сопротивляются Саладину..... С праздника Святого Мартина и до Обрезания Господня Саладин непрерывно осаждал Тир, ночью и днем, бросая в него огромные камни из тринадцати военных машин. В бдение святого Сильвестра господин Конрад, маркиз

Монферратский, распределил рыцарей и пеших воинов вдоль стены города и, вооружив семнадцать галер и десять малых судов, при содействии дома Госпиталя и братьев Храма, вступил в бой с галерами Саладина и, победив их, захватил одиннадцать, взял в плен великого адмирала Александрии и восемь других адмиралов, множество неверных было убито. Остальные мусулманские галеры, избежав рук христиан, бежали к армии Саладина и, будучи посажены на мель по его приказу, были подожжены и сожжены в пепел. Сам Саладин, охваченный горем, отрезав *уши и хвост своему коню*, проскакал на нем через все свое войско на глазах у всех. Прощайте!" [79] Тир доблестно оборонялся до наступления зимы, и тогда разочарованный султан, не сумев взять город, сжег свои военные машины и удалился в Дамаск.

Король Иерусалима и Великий магистр Храма, которые, как уже упоминалось, проживали в Наплусе под наблюдением офицеров Саладина, теперь были полностью освобождены в соответствии с Аскалонским договором при условии, что они немедленно отправятся в Тир и отплывут в Европу. Королеве Сибилле, которая находилась в Иерусалиме во время его сдачи Саладину, было разрешено присоединиться к своему царственному мужу в Наплусе, и король, королева и Великий магистр Храма, соответственно, вместе отправились в Тир. Прибыв туда, они обнаружили, что ворота закрыты против них. Юный Конрад заявил, что, поскольку город сохранился исключительно благодаря мечам его самого и его сторонников, он по праву принадлежит ему, и что ни король, ни королева Иерусалима больше не имеют в нем власти. Жестоко оттесненные от Тира, король и королева с малолетними детьми, великим магистром храма и патриархом Ираклием направились в Антиохию.

Как только утихли зимние дожди, Саладин вышел на поле боя и попытался смять различные сильные замки тамплиеров и госпитальеров. Самыми грозными из них были замки Сафет и Коукаб (звезда), один из которых принадлежал ордену Храма, а другой - ордену Госпиталя Святого Иоанна. Сафет является одним из четырех священных городов Талмуда и пользуется особым почитанием у евреев. Замок тамплиеров венчал вершину возвышенной горы, по сторонам которой тянулись дома и церкви города. Это была самая сильная крепость, которой владел орден в Палестине. С крепостных валов взору открывалась богатая перспектива роскошных виноградников и улыбающихся деревень, а также грандиозная панорама высоких гор. В долине внизу протекал Иордан, на юге простирались голубые просторы Тивериадского озера, а на северо-востоке виднелись снежные вершины Антиливана, пронзающие небо. Эта важная крепость занимала большую часть Галилеи; она всегда служила большим препятствием вторжениям неверных и считалась одним из оплотов Латинского королевства. Поэтому усилия Саладина по захвату этого места были напряженными и непрекращающимися. Он разместил вокруг него большое количество войск под командованием своего брата Сейфеддина, но время года было еще недостаточно для того, чтобы их операции могли быть продолжены с какой-либо вероятностью на успех. Палатки осаждающих сдувало с горы неистовыми вихрями, а работе военных машин мешали проливные дожди. Тамплиеры постоянно нападали на укрепления, сжигали военные машины, убивали солдат во сне и донимали их непрерывными тревогами в ночное время. В результате осада превратилась в блокаду, и Саладин отвлек большую часть своих сил для нападения на христианские владения в княжестве Антиохия. Он разделил свою армию на несколько отрядов, которые были отправлены в разные стороны с приказом опустошить все окрестности, загнать волов, овец и скот и собрать добычу на равнине Оронта, по берегам озера Кадес. Он пересек огромные горные хребты, простирающиеся между Оронтом и морским побережьем, и появился с оружием в руках перед воротами Триполи. К его приему были проведены тщательные приготовления, и султан довольствовался разведкой местности и изучением ее обороны; сделав это, он направил свой поход на Тортосу. Великий магистр Храма, с тревогой наблюдавший за передвижениями Саладина, немедленно бросился в сильный замок тамплиеров, расположенный в этом месте, и приготовился защищать город; но укрепления были

слабы, жители охвачены паникой, и тамплиеры после короткой борьбы были вынуждены оставить город и отойти за свои укрепления. Там они вели ожесточенную и кровавую борьбу с мусульманами, и во время различных штурмов и вылазок город был подожжен и сожжен дотла. Бохадин с ужасом рассказывает об уничтожении огнем большой соборной церкви, о том, как ревело и трещало пламя, прорываясь сквозь огромные кедровые балки и бревна крыши. Он рассказывает, что тысячи правоверных мусулман собрались вокруг огромной и почтенной громады и, наблюдая за продвижением огня, издавали ликующие крики, вознося свои голоса к небу и воздавая благодарность самому щедрому Господу Богу!

Потерпев неудачу во всех своих попытках взять замок тамплиеров, Саладин отвел свои силы, оставив некогда густонаселенный и процветающий город Тортоса в унылой пустыне. Затем он осадил и взял город Габалу, а потом в боевом строю подошел к знаменитой Лаодикии. Охваченные паникой жители отказались защищать город и покинули укрепления, но некоторые тамплиеры и другие рыцари, бросившись в цитадель со своими последователями, смело противостояли атакам неверных. После отчаянной обороны была подписана капитуляция, гарнизон вывели со всеми воинскими почестями, а на башнях и крепостных стенах водрузили знамена ислама. И Ибн Алацыр, и Бохадин дают восторженное описание города и его окрестностей. Они рассказывают о его благородной гавани, красивых домах, элегантных виллах, богатых мраморах, роскошных садах и тенистых рощах. Все это стало добычей свирепых мусульманских солдат, которые совершали большие бесчинства. Они разбивали на куски лучшие образцы античной скульптуры, считая их ненавистными свидетельствами идолопоклонства; лишали все церкви украшений и продавали священные одеяния священников. Из Лаодикии Саладин отправился в Сохиун, или Секьюн, крепость огромной силы, расположенную среди гор на полпути между Габалой и Оронтом. Она была почти полностью окружена глубоким обрывистым ущельем, стороны которого во многих местах были перпендикулярны. После пятидневной осады часть мусульманских солдат перелезла через скалы, которые считались недоступными, взобралась на внешнюю стену города и открыла ворота своим товарищам; вторая и третья стены были взяты штурмом, и цитадель сдалась после недолгой осады. Многие другие важные города и замки быстро перешли в руки победоносного Саладина. Среди них были город Бакас, или Бакас, на берегу Оронта, и замок Аль-Шохр, соединенный с городом мостом через реку; замок Аль-Джахма, близ Габалы; Блатанус, близ Антиохии; Сарминия, или Сармания, крепость в одном дне пути к северо-востоку от Алеппо; и многие другие примечательные места. Все города и крепости между Сарминией и Габалой сдались мусульманам. "Слава Богу, - говорит Ибн Алатырь, - который сделал легким то, что казалось трудным".

Затем Саладин переправился через Оронт и осадил Берзиех, или Борзя, - крепость, выходящую на большую дорогу из Антиохии в Эмесу, или Хемс, и, следовательно, представлявшую собой очень важное место. В один из жарких дней, когда гарнизон сражался с восхода солнца до полудня, Саладин внезапно созвал свой резерв, встал во главе его, поднялся на укрепления и вошел в город с мечом в руках. Дома были подожжены, улицы залиты кровью, а все жители, избежавшие всеобщей резни, были обращены в рабов. Из Берзие Саладин двинулся по обширной и плодородной равнине Оронта к знаменитому железному мосту через эту реку, расположенному примерно в шести или семи милях от Антиохии, чтобы осадить сильный замок рыцарей-тамплиеров, называемый Дербазакком или Дарбесаком. 8-го числа Реджеб, собрав свои силы и закупив огромное количество мощных военных двигателей, двинулся вперед и занял это место. Стены были окружены деревянными башнями, заполненными опытными лучниками, которые осыпали стрелами стены. Под прикрытием этих башен были установлены тараны, и в стенах образовалась огромная брешь. Телохранители Саладина двинулись на штурм, поддерживаемые толпами лучников с обоих флангов, но тамплиеры завалили пролом своими телами, и после кровавой схватки мусульмане были отброшены назад, оставив землю усеянной их трупами.

Тамплиеры заделали брешь, и султан сменил место атаки. К стенам были выдвинуты заграждения, покрытые сырыми шкурами, и под прикрытием этих заграждений опытные рудокопы занялись подрывом огромной башни, которая считалась ключом укреплений. Башня была так хорошо и прочно построена, что долго сопротивлялась всем усилиям рудокопов; они откопали большую часть фундамента, и башня, по словам Ибн Алацира, казалась подвешенной в воздухе. Однако в конце концов она рухнула с огромным треском, увлекая за собой в ров значительную часть стен с обеих сторон, так что в укреплениях образовалась огромная зияющая брешь. И снова мусульмане с громкими криками бросились на штурм, и снова их отбросили назад крепкие руки тамплиеров, оставив вокруг себя груды камня и огромные массы разрушенных стен, обгаренных кровью их лучших людей. Бохадин, который был свидетелем штурма, утверждает, что никогда не видел такой упорной обороны. Как только один из тамплиеров падал, другой, по его словам, тут же занимал его место, и таким образом они оставались на проломе неподвижными, как скала. В конце концов было решено, что если в течение определенного срока в крепость не придет подмога от князя Антиохии, тамплиеры должны сдать ее и выйти с оружием в руках. К назначенному сроку подмога не пришла, и крепость была сдана мусульманам.^[80]

Сразу после сдачи Дарбесака Саладин двинулся на Баграс, город, расположенный у подножия горы Аль-Локам, и продвинулся со своим передовым отрядом до окрестностей огромного и многолюдного города Антиохии, но довольствовался лишь осмотром этого места и отказался от осады его. Некоторое время он оставался в наблюдении перед городом, а затем разослал отряды в разные стороны, чтобы опустошить окрестности и собрать добычу. Население Антиохии оценивалось в 150 000 душ: почти все уцелевшие тамплиеры княжества были собраны в стенах под командованием их доблестного Великого магистра, а принц Боэмонд стоял во главе многочисленного и хорошо организованного войска, полностью готового к отчаянной борьбе за защиту своего богатого и княжеского города. Поэтому Саладин предпочел заключить перемирие продолжению войны и заключил с Боэмоном договор, по которому было оговорено прекращение вооружений на восемь месяцев, начиная с первого числа наступающего ноября, и было оговорено, что все мусульманские пленники, содержащиеся в Антиохии, должны быть отпущены на свободу. Затем Саладин вернулся долиной Оронта в Дамаск, и его войскам не терпелось разойтись по домам на зиму, но он напомнил им о краткости и неопределенности человеческой жизни, сказал, что впереди у них много работы, и что не стоит оставлять на завтра то, что можно сделать сегодня. Он отправился из Дамаска во главе большого войска и приступил к осаде Сафета, сильного и важного замка рыцарей-тамплиеров. Бохадин сопровождал султана и интересно рассказывает о его непрестанных усилиях по захвату этого места. В ветреную и бурную ночь он руководил посадкой пяти осаждающих машин. Каждому солдату он поручил определенное задание и, обращаясь к своему секретарю, сказал: "Не будем ложиться спать до тех пор, пока эти пять двигателей не будут закончены". Время от времени приезжали гонцы, чтобы сообщить о ходе работ, и Саладин проводил промежуточное время в веселой беседе со своим другом. Ночь была темной и долгой, погода - ужасно сырой и холодной, а земля покрыта грязью. Бохадин осмелился высказать своему царственному повелителю несколько замечаний по поводу безрассудства подвергать себя неблагоприятному времени года и столь долгому наблюдению и усталости, но благочестивый султан напомнил ему слова пророка: "Огонь ада не одолеет глаз, бодрствующих и бодрствующих в служении Богу, и глаз, плачущих от страха Божия".

Тамплиеры мужественно защищались, и их братья из Тира попытались послать им помощь. Двести доблестных и решительных воинов отправились из этого города и ночью прошли по стране, укрываясь днем в пещерах и уединенных местах среди гор. Достигнув Сафета, они попытались укрыться в окрестностях замка, пока не найдут возможность связаться со своими осажденными собратьями. К несчастью, один из них вышел из своего укрытия и был замечен мусульманским эмиром, который немедленно вызвал сильную стражу, обыскал окрестности и

взял всю группу в плен. Их привели в присутствие Саладина и приговорили к смерти, но прежде чем приговор был приведен в исполнение, начались переговоры о выдаче Сафета. Тамплиеры, находившиеся в крепости, были плохо обеспечены провизией; теперь они потеряли всякую надежду на помощь и согласились сдаться при условии, что им будет позволено отправиться с оружием в Тир вместе с пленниками, которых только что взял Саладин. Эти условия были приняты, и укрепления сильного замка Сафет были быстро разрушены неверными.^[81]

Тем временем вся Европа была повергнута в смятение мрачным известием о падении Иерусалима. В церквях возносились публичные молитвы и объявлялись посты, как во времена великих народных бедствий. Папа Урбан III, как говорят, умер от горя, а кардиналы приняли торжественное решение отказаться от всех видов развлечений и удовольствий, не принимать подарков от тех, кто имеет отношение ко двору Рима, и никогда не садиться на коня, пока Святая земля будет попираема ногами неверных. Папа Григорий VIII обратился с апостольскими посланиями к государям, епископам, дворянам и народу всех христианских стран, в патетических выражениях описывая бедствия латинских христиан, взятие святого креста, истребление тамплиеров и госпитальеров и падение Иерусалима, и увещевая всех верных христиан немедленно принять крест и идти на освобождение Святого города. Толпы вооруженных паломников вновь покинули берега Европы и направились в Палестину, а тамплиеры, повинувшись настоятельным призывам своих братьев, поспешили из своих прецепторий в морские порты Средиземноморья и сели на корабли Генуи, Пизы и Венеции. Великий магистр Храма и король Иерусалима поставили себя во главе вновь прибывших батальонов и основали их штаб-квартиру в Рас-эль-Айне, небольшой деревушке на суше напротив Тира. К их вождю присоединилось множество доблестных тамплиеров из лондонского храма и различных прецепторий Англии, Шотландии и Ирландии, которые привезли с собой оружие, лошадей, одежду и военную амуницию, а также огромное количество сокровищ, собранных в церквях. Кроме того, они несли большую сумму денег, которую король Генрих Второй отправил на защиту Тира. Эти деньги были доставлены Великому магистру, но поскольку осада Тира была снята еще до их прибытия, а молодой Конрад претендовал на суверенитет города и устанавливал свою власть в противовес власти короля Иерусалима, Жерар де Ридерфор вполне обоснованно отказался передать деньги в его руки; после этого Конрад написал письма, полные горьких жалоб, архиепископу Кентерберийскому и королю Генриху.^[82]

В начале лета король и великий магистр вышли на поле боя во главе армии из 9 000 человек и двинулись вдоль побережья с намерением осадить важный город Акко. Саладин написал всем губернаторам мусульманских провинций, требуя, чтобы они присоединились к нему без промедления, и приказал своей армии сосредоточиться в Сепфорисе. Оттуда он двинулся к Керубу, а затем в боевом порядке двинулся к Тель-Кайсану, где начинается равнина Акко. За несколько дней до его прибытия город Акко был регулярно осажден, и, разведав положение христианской армии, он расположился лагерем, вытянув левое крыло до Аль-Нахр Аль-Халу, "сладкой реки", а правое - до Тель-Аль-Айядии, причем так, что осаждающие сами стали осажденными. Затем он внезапно напал на самую слабую часть христианского лагеря, прорвал строй, проник в ворота Акко, называемые Каракуш, вошел в них и бросил в город подкрепление из 5 000 воинов, нагруженных оружием, провизией, одеждой и всем необходимым для обороны. Совершив этот дерзкий подвиг, Саладин мастерски отступил в свой лагерь в Тель-Аль-Айядии.

4 октября вновь прибывшие из Европы воины, желая продемонстрировать свое превосходство в борьбе с неверными, вышли из своих укреплений, чтобы атаковать лагерь Саладина. Святые Евангелия, завернутые в шелка, несли на подушках четыре рыцаря перед

королем Иерусалима, а патриарх Ираклий и западные епископы появились во главе христианских войск с распятиями в руках, призывая их получить мученический венец в защиту христианской веры. Тамплиеры шли в авангарде и возглавили атаку; они прорвали правое крыло мусульманской армии, которой командовал племянник Саладина, и вселили такой ужас в сердца мусульман, что некоторые из них бежали, не останавливаясь, вплоть до Тивериады. Однако недисциплинированные массы христианской армии, решив, что день принадлежит им, беспечно бросились вслед за неверными и, проникнув в императорский шатер, предались грабежу. Великий магистр Храма, предвидя результат, собрал вокруг себя своих рыцарей и силы ордена. Неверные сплотились, их повел вперед Саладин собственной персоной, и христианская армия была бы уничтожена, если бы не тамплиеры. Твердые и неподвижные, они в течение часа представляли собой сплошной фронт перед наступающими мусульманами и дали время ошеломленным и охваченным паникой крестоносцам оправиться от ужаса и замешательства; Но прежде чем они воспряли духом и вернулись к бою, великий магистр Жерар де Ридерфор был убит; он пал, пронзенный стрелами, во главе своих рыцарей, сенешаль ордена разделил ту же участь, и более половины тамплиеров были причислены к погибшим.[83]

За Жераром де Ридерфором последовал (1189 г. н. э.) рыцарь-тамплиер, брат Вальтер.[84] Никогда еще пламя энтузиазма не пылало с большей силой и разрушительностью, чем во время знаменитой осады Акко. В окрестностях горы Кармель состоялось девять сражений, в которых с разной степенью удачи приняли участие девять человек, и за первый год осады, по подсчетам, погибло сто тысяч христиан. Однако палатки погибших пополнялись новыми людьми из Европы; флоты Саладина помогали городу, христианские корабли постоянно приносили помощь осаждающим, и борьба казалась бесконечной. Усилия Саладина, направленные на защиту пророка, были непрекращающимися. Арабские авторы сравнивают его с матерью, с отчаянием блуждающей в поисках своего потерянного ребенка, со львицей, потерявшей своего птенца. "Я видел его, - рассказывает его секретарь Бохадин, - на полях Акко, пораженного жесточайшей болезнью, с нарывами от середины тела до колен, так что он не мог сесть, а только лежал на боку, когда входил в свой шатер, Тем не менее он отправился на ближайшие к врагу участки, подготовил свои войска к бою и скакал с рассвета до вечера, то к правому крылу, то к левому, то к центру, терпеливо перенося тяжесть своей боли." Получив сведения о грандиозных приготовлениях, которые велись в Европе для возвращения Иерусалима, и о походе императора Фридриха Барбароссы через Венгрию и Грецию к Константинополю с целью переправиться через Геллеспонт в Азию, Саладин послал приказ губернаторам Сенджара, Аль-Джазиры, Аль-Мауселя и Арбея, приказав им прибыть к нему со своими войсками, и поручил своему секретарю Бохадину отправиться к халифу Аль-Нассру Дельдин'илле в Багдад, чтобы смиренно просить мусульманского понтифика использовать свой духовный авторитет и влияние, чтобы побудить все мусульманские народы и племена устранить свои частные разногласия и вражду и объединиться против франков для защиты ислама. Бохадин был принят с величайшим почетом и уважением халифом и всем диваном в Багдаде, и в то время как папа распространял свои апостольские послания по всему христианству, призывая западные народы объединиться для торжества Креста, мусульманский понтифик обращался из далекого Багдада с благочестивыми призывами ко всем истинным верующим собраться под святыми знаменами пророка и пролить свою кровь в защиту *ислама*.

Вскоре после начала нового года (586, хеджир, который начался 9 февраля 1190 года н. э.) Саладин собрал свои войска, чтобы начать осаду Акко. Он двинулся из Аль-Херубы в Тель-Аль-Аджуль, где разбил свой лагерь. К нему присоединились его сын Аль Малек, Аль Дахер Гаятоддин Гази, губернатор Алеппо, с отборной конницей, и Мохафферон И'Бн Зиноддин со

своей легкой лошадью. Тамплиеры и крестоносцы в течение зимы не бездействовали: они вырыли траншеи вокруг своего лагеря, возвели валы и укрепили свои позиции таким образом, что, по словам арабского писателя, даже птице было бы трудно проникнуть внутрь. Кроме того, они засыпали ров вокруг города и построили три огромные башни, самая большая из которых была намного выше стен, достигала шестидесяти локтей в длину и могла вместить от пяти до шестисот воинов с соответствующим количеством оружия и военных машин. Эти башни были покрыты сырыми воловьими шкурами, вымоченными в уксусе и грязи, чтобы сделать их негорючими; они были укреплены сверху донизу железными полосами, и каждая была разделена на пять платформ или галерей, заполненных солдатами и военными машинами. Их подкатили на колесах к стенам, и тамплиеры и крестоносцы уже собирались спуститься с платформ и галерей на городские укрепления, когда башни и все находившиеся на них воины были сожжены каким-то неугасимым горючим составом, выпущенным из медных горшков на мангале из Дамаска. "Мы наблюдали, - рассказывает Бохадин, стоявший в мусульманском лагере рядом с Саладином, - с сильным беспокойством за движениями воинов на башнях и думали, что город неизбежно будет взят, как вдруг увидели, что одна из них окружена сиянием, которое взвилось в небо; Небеса огласились радостными криками сынов ислама, а через мгновение другая башня была окружена бушующим пламенем и клубами черного дыма, а затем и третья; они загорались одна за другой самым удивительным и неожиданным образом, с промежутком едва ли в одну минуту. Султан немедленно сел на коня и приказал трубачам трубить к оружию, громко восклицая словами пророка: "Когда ворота удачи открыты, не медлите войти в них"."

В начале лета Саладин направил значительную часть своих сил на север, чтобы противостоять продвижению немецких крестоносцев и тамплиеров, которые наступали из Константинополя под командованием императора Фридриха Барбароссы. Эти продвигающиеся тамплиеры были особыми любимцами Барбароссы, а после его меланхолической смерти от последствий холодного купания в реке Циднус они вошли в состав телохранителей его сына, герцога Суабского.

В июле тамплиеры понесли тяжелые потери во время очередного нападения на лагерь Саладина. Христианские воины, обманутые бегством мусульман, были вновь привлечены к разграблению своих палаток и вновь разбиты основной частью армии Саладина, которая находилась в резерве. Тамплиеры были окружены превосходящими силами, но с боем пробившись сквозь плотные ряды неверных к своему лагерю, оставив равнину Акры усеянной безжизненными телами лучших и храбрейших из своих воинов. "Враги Божьи, - пишет Бохадин, - имели дерзость войти в лагерь львов исламизма, но они быстро испытали на себе ужасные последствия божественного гнева. Они пали под саблями мусульман, как падают листья с деревьев во время осенних бурь. Их растерзанные трупы, разбросанные по склонам гор, покрыли землю, как ветки и сучья покрывают холмы и долины, когда дровосек рубит лесную древесину". "Они пали, - говорит другой арабский историк, - под мечами сынов ислама, как нечестивые падут в последний день в вечный *огонь АДА*". Девять рядов мертвецов покрывали землю между берегом моря и горами, и в каждом ряду можно было насчитать безжизненные тела по меньшей мере тысячи воинов".

Мусульманский гарнизон продолжал упорно защищать город; они поддерживали постоянную связь с Саладином, частично с помощью голубей, частично с помощью пловцов, а частично с помощью людей на небольших яликах, которые скрытно обходили порт, пользуясь ночным временем, и проникали в город. В какой-то момент осажденные израсходовали почти всю свою провизию и были готовы умереть от голода, когда Саладин придумал следующую хитрость, чтобы послать им припасы. Он собрал в Бейруте несколько

судов, нагруженных мешками с мукой, сыром, луком, овцами, рисом и прочим провиантом. Моряков он переделал во франкское одеяние, прикрепил к их подвескам кресты, а палубы судов обложил свиньями. Таким образом, маленький флот благополучно проплыл через блокирующую эскадру христиан и вошел в порт Акко. В другой раз Саладин послал гарнизону 1000 *динаров* через известного ныряльщика по имени Иса; тот, к несчастью, утонул во время плавания в город, но деньги, помещенные в три пузыря, привязанные к его телу, через несколько дней были выброшены на берег недалеко от города и благополучно добрались до осажденных. В начале зимы гарнизон снова оказался в тяжелом положении из-за нехватки продовольствия и уже готов был сдаться, когда три корабля из Египта прорвались через сторожевые корабли христиан и благополучно вошли в гавань с большим запасом провизии, боеприпасов и всего необходимого, чтобы город смог продержаться до наступления весны.

Чтобы предотвратить дальнейший приток помощи по морю, крестоносцы попытались завладеть башней Мух, сильным замком, построенным на скале посреди моря в устье гавани, откуда открывался вид на порт. Тамплиеры использовали для этого одну из своих галер, и толпы маленьких лодок, наполненных вооруженными людьми, военными механизмами и лестницами, были направлены против маленькой крепости, но безрезультатно. Лодки и суда были подожжены осажденными и превращены в пепел, и, потеряв всех своих людей, христиане оставили эту попытку. На суше бои и стычки продолжались непрерывно. Деревянные башни, огромные военные машины и двигатели постоянно возводились осаждающими и так же постоянно разрушались ударами и искусными ухищрениями осажденных. Однажды тамплиеры соорудили две таранные машины нового изобретения и самых огромных размеров и принялись яростно долбить стены города, но гарнизон вскоре уничтожил их огненными дротиками и деревянными балками, утыканными раскаленным железом.^[85]

В начале следующего года (587, хеджир., начался 29 января 1191 г. н.э.) сильная буря рассеяла флот крестоносцев и заставила их корабли укрыться в Тире. Открыв море, Саладин поспешно собрал несколько судов в Кайфасе, ввел свежие войска в Акко и вывел оттуда измученный гарнизон, который уже перенес столько лишений и усталости при обороне города. Эта замена гарнизона была произведена в самое удачное время, так как почти сразу после нее стены города были пробиты, и началась подготовка к штурму. Однако вновь прибывшие войска отбили нападавших, восстановили стены и вновь поставили город в хорошую оборонительную позицию. Скудость и голод в христианском лагере продолжали усиливаться, и многие крестоносцы, не выдержав тягот и трудностей своего положения, дезертировали к Саладину, приняли магометанскую веру и по собственной просьбе были наняты им для плавания у побережья против своих закадычных друзей. Бохадин рассказывает, что они добились большого успеха в своем деле. На борту одного из призов был найден серебряный стол и множество денег и тарелок, которые захватчики принесли султану, 13-му Ду'лхадже, но Саладин вернул им сокровища, сказав, что ему и мусульманам достаточно удовольствия видеть, как франки с такой готовностью грабят и разграбляют друг друга.

Голод и болезни продолжали опустошать крестоносцев. Герцог Суабии, Балдуин, архиепископ Кентерберийский, патриарх Ираклий, четыре архиепископа, двенадцать епископов, сорок графов и еще пятьсот дворян и рыцарей, помимо простых солдат, стали жертвами недуга. Ежедневно умирало от двух до трехсот человек, и оставшиеся в живых не справлялись с задачей погребения мертвых. Окопы, которые христиане вырыли для своей защиты, теперь стали их могилами. Гниющие трупы плавали в море и лежали на берегу, а

воздух был пропитан ужасающим и невыносимым запахом. Тела живых вздувались и набухали, а самые пустяковые раны становились неизлечимыми. Вдобавок ко всему ежедневно от голода умирало множество бедняков. Богатые некоторое время питались лошадиной плотью, и аббат Когглшейл рассказывает, что обед из внутренностей лошади стоил 10 д. Кости измельчали в порошок, смешивали с водой и с жадностью поедали, а всю обувь, уздечки, седла и старую кожу в лагере варили в лоскуты и с жадностью съедали.

Королева Сибилла, которая, судя по всему, была искренне привязана к непопулярному мужу, возведенному ею на трон, присутствовала в лагере христиан с четырьмя малолетними дочерьми. Она скиталась с королем Ги де Лузиньяном из одного места в другое с момента его освобождения из плена и была его постоянной спутницей во всех ужасах, испытаниях и тревогах долгой осады Акко. Ее хрупкий организм, ослабленный горем и несчастиями, не смог выдержать многочисленные тяготы и лишения в христианском лагере. Она стала жертвой страшной эпидемии, свирепствовавшей среди солдат, и за ее смертью быстро последовала смерть ее четверых детей. Враги короля теперь утверждали, что корона Латинского королевства перешла к Изабелле, младшей сестре Сибиллы и жене Хамфри де Торона, лорда Монреаля, или Маунт-Ройяля; но тот, похоже, думал иначе и не предпринимал никаких шагов ни к тому, чтобы сделать свою жену королевой, ни к тому, чтобы самому стать королем. Предприимчивый и честолюбивый Конрад, маркиз Монферратский, решил сыграть в дерзкую игру для улучшения своего положения. Он обратился Изабелле и убедил ее согласиться на развод с Хамфри де Торонам и взять его в мужья. Он отправился к епископу Бове и убедил того объявить развод, а сразу после этого увез Изабеллу в Акко и там женился на ней. Как только бракосочетание состоялось, Конрад провозгласил себя и свою жену королем и королевой Иерусалима и сразу же приступил к исполнению некоторых королевских обязанностей. Он отправился в христианский лагерь перед Акко, и его присутствие вызвало серьезные разногласия и раздоры среди крестоносцев. Король, Ги де Лузиньян, стоял на своих правах; он утверждал, что как был королем однажды, так им и остался, и что смерть его жены не может лишить его короны, которую он торжественно принял, согласно установленному обычаю Латинского королевства. Сильная партия в лагере объявила себя в его пользу, и не менее сильная партия объявила в пользу его соперника, Конрада, который готовился отстаивать свои права с мечом в руке. Несчастья христиан, казалось, достигли своего апогея. Меч, голод и мор последовательно вторгались в их лагерь, а теперь пришел демон раздора, чтобы натравить их друг на друга и парализовать все их усилия в христианском деле.^[86]

ГЛАВА V.

Ричард Кер де Лев присоединяется к тамплиерам перед Акко - город сдается, Тамплиеры основывают в нем главный дом своего ордена - Кёр де Лев поселяется у них - Он продает им остров Кипр - Тамплиеры составляют основу его армии - Их походы - Разрушение городов и деревень - Договор с Саладином - Кёр де Лев покидает Святую землю под видом Тамплиеры строят замок паломников в Палестине - подвиги тамплиеров в Египте - письма Великого магистра магистру Храма в Лондоне - тамплиеры вновь завоевывают Иерусалим - состояние ордена в Англии - король Джон живет в Храме в Лондоне - бароны приходят к нему в это место, и требуют Магна Чарта - освящение нефа или продолговатой части Храмовой церкви в Лондоне.

"Поэтому, друзья,
до гроба Христова
(Чей солдат сейчас под чьим благословенным крестом
Мы под впечатлением и в бой вступаем,)
Отныне английскую силу мы взыщем
Чье оружие было создано в чреве матери,
Чтобы гнать этих язычников на святых полях,
По чьим акрам ступали благословенные ноги,
Которые, четырнадцать сотен лет назад, были прибиты гвоздями,
ради нашего блага, на горьком кресте".

Тем временем в Европе с большим успехом продолжалась проповедь крестового похода. Вильгельм, архиепископ Тирский, посетил дворы Франции и Англии и в ярких красках рассказал о бедственном положении Палестины, об ужасах и мерзостях, которые совершали неверные в святом городе Иерусалиме. Английский и французский монархи отложили свои частные вражды и согласились сражаться под одним знаменем против неверных, и к концу мая, на втором году осады Акры, королевские флоты Филиппа Августа и Ричарда Кер де Льва с триумфом проплыли в бухте Акры. Тамплиеры вновь лишились своего Великого магистра, и во главе братства был поставлен (1191 г. н. э.) брат Роберт де Сабле, или Саблой, доблестный рыцарь ордена, командовавший одним из подразделений английского флота во время плавания.[87] Тамплиеры совершали чудеса доблести; "их имя и репутация, а также слава об их святости, - говорит Иаков Витрийский, епископ Акко, - как парфюмерная палата, источающая сладкий запах, распространились по всему миру, и вся община святых будет рассказывать об их сражениях и славных победах над врагами Христа"; Рыцари со всех концов земли, герцоги и князья, следуя их примеру, сбросив оковы мира и отрекшись от суетной жизни, ради Христа поспешили присоединиться к ним и принять участие в их святом исповедании и религии." В это время они несли перед собой на битву "двуполное знамя из черного и белого, которое они называют *beauseant*, то есть, на галльском языке, *bienseant*, потому что оно справедливое и благоприятное для друзей Христа, но черное и ужасное для его врагов".[88]

Саладин провел зиму на высотах Шаферана и Керуба. Его огромная армия поредела и ослабла от непрерывных бдений, болезней и непрекращающихся сражений, а сам он постепенно погружался под влияние страшной болезни, которая поражала все умения его лекарей и постепенно приближала его к могиле. Но гордая душа великого вождя не дрогнула, а его огонь и энергия ни на минуту не угасли. Как только он узнал о прибытии двух могущественных христианских монархов, он разослал посланников и гонцов по всем мусульманским странам, убедительно требуя помощи, а в мусульманскую субботу, после вознесения молитв Богу о победе его оружия и освобождении ислама, он заставил прочитать во всех мечетях письма следующего содержания: - "Во имя Бога!

"Во имя Бога, самого милосердного и сострадательного. Всем благочестивым верующим в единого и единственного Бога и его пророка Магомета, нашего учителя. Армии неверных, многочисленные, как звезды небесные, выступили из отдаленных стран, расположенных за Константинополем, чтобы вырвать у нас те завоевания, которые радовали сердца всех, кто уповал на Коран, и оспорить с нами владение той священной территорией, на которой халиф Омар в давние времена водрузил священный штандарт Пророка. О люди, приготовьтесь пожертвовать своими жизнями и состояниями в защиту *ислама*. Ваши походы против неверных, опасности, с которыми вы сталкиваетесь, раны, которые вы получаете, и каждое

минутное действие, вплоть до брода через реку, - разве они не записаны в книге Божьей? Жажда, голод, усталость и смерть - разве они не принесут вам вечные небесные сокровища и не откроют вашему взору восхитительные рощи и сады Рая? В каком бы месте вы ни оставались, о люди, смерть властвует над вами, и ни ваши дома, ни ваши земли, ни ваши жены, ни ваши дети, ни самые крепкие башни не могут защитить вас от его стрел. Некоторые из вас, несомненно, говорили друг другу: не пойдем на битву в летний зной; другие восклицали: останемся дома, пока снег не сойдет с горных вершин; но разве адский огонь не страшнее летнего зноя, а муки его не невыносимее зимнего холода? Бойтесь Бога, а не *неверных*; прислушайтесь к голосу своего вождя, ибо сам Саладин призывает вас сплотиться вокруг штандарта *ислама*. Если вы не подчинитесь, ваши семьи будут изгнаны из Сирии, и Бог поставит на их места людей лучше вас. Иерусалим, святой, сестра Медины и Мекки, снова окажется во власти идолопоклонников, которые приписывают Богу сына и возводят равного Всевышнему. Так вооружитесь же мечом и копьем, рассейте этих детей огня, нечестивых сынов ада, которых море извергло на наши берега, повторяя про себя слова Корана: "Тот, кто оставит свой дом и семью, чтобы защитить нашу святую религию, будет вознагражден счастьем и множеством друзей".". [89]

Осада Акко теперь велась с большой силой; объединенные флоты Франции и Англии полностью лишили город всех припасов по морю, и гарнизон оказался в крайне затруднительном положении. Султан отчаялся спасти город и, по словам Бохадина, был болен и душой, и телом. Он не мог ни есть, ни пить. По ночам он ложился на склоне холма Алададжия и предавался прерывистой дремоте, а на утренней заре был уже на коне, приказывал бить в свой медный барабан и собирал армию в боевой порядок. Наконец с помощью голубей были получены письма, в которых сообщалось, что гарнизон больше не может держаться. "Саладин долго и пристально смотрел на город, его глаза наполнились слезами, и он горестно воскликнул: *"Увы исламу!"* Утром 12 июля (1191 г. н. э.) короли Франции и Англии, христианские вожди и турецкие эмиры с зелеными знаменами собрались в палатке Великого магистра Храма, чтобы договориться о сдаче Акко; на следующий день ворота были распахнуты перед ликующими воинами креста. Тамплиеры заняли свои древние покои на берегу моря и водрузили на башне Храма большое знамя с красным крестом. Они овладели тремя обширными поселениями на берегу моря, а храм в Акре с этого момента стал главным домом ордена. Ричард Кёр де Лев поселился у тамплиеров, а Филипп Август - в цитадели.

По условиям капитуляции Акко, жители должны были заплатить выкуп в двести тысяч золотых за свои жизни и свободы; две тысячи знатных и пятьсот низших христианских пленников должны были быть отпущены на свободу, а истинный крест, захваченный в битве при Тиберии, должен был быть возвращен латинскому духовенству. На выполнение этих условий отводилось два месяца. Ибн Алацир, находившийся в то время в лагере Саладина, рассказывает, что Саладин собрал 100 000 золотых, что он был готов выдать две тысячи пятьсот христианских пленников и вернуть истинный крест, но его эмиры-мамлюки посоветовали ему не полагаться на добрую волю европейских христианских авантюристов в выполнении их части договора, но получить от тамплиеров, о которых мусульмане, по его словам, были высокого мнения, торжественное обязательство по выполнению христианами заключенных ими условий. Саладин послал к Великому магистру Храма, чтобы узнать, гарантируют ли тамплиеры передачу ему всех мусульманских пленников, если им будут отправлены деньги, христианские пленники и истинный крест; но Великий магистр отказался давать какие-либо гарантии такого рода. Сомнения в соглашении и задержка с его исполнением вызвали яростный гнев английского монарха, и Ричард Кер де Лев вывел всех своих пленников, числом 2 000, на равнину Акко и приказал обезглавить их всех на виду у

лагеря султана!^[90] Во время своего путешествия из Мессины в Акко король Ричард отомстил Исааку Комнину, правителю острова Кипр, за оскорбление, нанесенное прекрасной Беренгари, принцессе Наваррской, его обрученной невесте. Он высадил свои войска, взял штурмом город Лимиссо и завоевал весь остров; вскоре после прибытия в Акко он продал его тамплиерам за 300 000 ливров.^[91]

21 августа (1191 г. н. э.) тамплиеры присоединились к штандарту короля Ричарда и покинули Акко, чтобы отправиться в поход на Иерусалим по морскому побережью. Они переправились через реку Белус и поставили свои палатки на ее берегу, где оставались три дня, чтобы собрать все войска вместе. Самый подробный и достоверный рассказ об их знаменитом походе под руку с королем Англии через враждебные территории неверных содержится в истории кампании короля Ричарда, написанной Джеффри де Винисауфом, который сопровождал крестоносцев в их походе и был участником описываемых им захватывающих событий.^[92] В воскресенье, 25 августа, тамплиеры под руководством своего Великого магистра и крестоносцы под командованием короля Ричарда начали поход в сторону Сесарии. Армия была разделена на три дивизии, первую из которых возглавили тамплиеры, а последнюю - госпитальеры. Багаж двигался справа от армии, между линией марша и морем, а флот, нагруженный провизией, не отставал от движения войск и ежедневно снабжал их необходимыми припасами. Саладин во главе огромного войска прилагал все свои силы, чтобы противостоять их продвижению, и поход в Яффу превратился в одно непрерывающееся сражение. Огромные массы конницы надвигались на их фланги, отсекали всех отставших и предавали смерти каждого пленника, которого они брали. В первую ночь после выхода из Белуса тамплиеры и крестоносцы расположились лагерем на берегу ручья Кишон, у колодцев на равнине между Акко и Кайфасом. На следующий день они перешли ручей вброд, пробились к Кайфасу и остановились там на один день, чтобы неохотно идущие крестоносцы, которые оставались в Акко, могли присоединиться к ним. В среду, 28 сентября, на рассвете они приготовились форсировать проходы и дефиле горы Кармель. Все высоты были покрыты плотными массами мусульман, которые оспаривали землю дюйм за дюймом. Тамплиеры расположились в авангарде христианской армии и возглавили передовую колонну, в то время как конница госпитальеров защищала тыл. Они поднялись на высоту через густые заросли сухого чертополоха, диких лоз и колючего кустарника, прогнали перед собой неверных, пересекли вершину горы Кармель и, спустившись на противоположную равнину, расположились на ночлег у прохода на берегу моря, называемого "узким путем", примерно в восьми милях от Кайфы. Здесь они овладели одинокой башней, возвышающейся на скале над проходом, которая была построена тамплиерами, но уже некоторое время находилась в руках сарацин. Простояв в этом месте целый день, ожидая прибытия флота и барж с провизией, они возобновили свой поход (в пятницу, 13 августа) к Тортуре, древней Доре, расположенной примерно в семи милях. Великий магистр Храма и его доблестные рыцари, как обычно, шли в авангарде, пробиваясь сквозь плотные массы мусульман. Страна во всех направлениях вокруг линии их марша была опустошена, и с каждым днем атаки становились все более дерзкими. До сих пор основную тяжесть боя несли монахи, но на марше к Тортуре они понесли такие тяжелые потери, что король Ричард решил на следующий день лично возглавить отряд и приказал им зайти в тыл.

На пятый день после выхода из реки Белус тамплиеры и крестоносцы подошли к знаменитой Сесарии, где так долго жил святой Павел и где он произнес свою красноречивую речь перед царем Агриппой и Феликсом. Но города уже не было видно; стены, башни, дома и все общественные здания были разрушены по приказу Са ладина, и место осталось пустынным и безлюдным. Тамплиеры разбили палатки на берегу Крокодиловой реки, *flumen crocodilon* Плиния, проделав пятидневный путь от реки Белус, расстояние между которыми составляло

всего тридцать шесть миль. Армия остановилась в Кесарии на все воскресенье, 1 сентября, и духовенство с большой пышностью и торжественностью отслужило в руинах города великую мессу. В понедельник, 2 сентября, палатки тамплиеров были разбиты на утренней заре, и они начали свой поход с передовым отрядом армии к городу Яффе, который находится на расстоянии около тридцати миль от Кесарии. Они перешли вброд реку Крокодил и двинулись в путь по длинной и узкой долине, изрезанной потоками воды и заполненной огромными массами камней, которые были смыты с высот зимними дождями. Справа от них было море, а слева - цепь скалистых выступов. Враг использовал все преимущества неровной местности; мусульманские лучники выстроились на высотах, а огромные массы кавалерии были введены в бой везде, где природа страны позволяла их использовать. Христианские воины были обременены тяжелыми доспехами и военной амуницией, совершенно непригодной для жаркого климата, но они с энтузиазмом шли вперед, упорно преодолевая все препятствия.

Бохадин с восхищением рассказывает о доблестной и воинственной осанке воинов креста, об их стойкости и терпении во время долгого и трудного похода из Акко в Яффу. "На шестой день, - рассказывает он, - султан, как обычно, поднялся на рассвете и узнал от своего брата, что враг в движении. Этой ночью они заночевали в подходящих местах в окрестностях Кесарии и теперь одевались и принимали пищу. Второй гонец сообщил, что они начали свой поход; зазвучал наш медный барабан, все насторожились, султан вышел, и я сопровождал его: он окружил их отборными войсками и дал сигнал к атаке. Лучники вытянулись, и на них обрушился ливень стрел, но враг все равно продвигался вперед. Их пешие воины были покрыты толстыми кусками ткани, скрепленными кольцами, чтобы напоминать почтовые плащи. Я своими глазами видел нескольких человек, *в спину* которых *вонзилось* не один и не два, а *десять дротиков*, и все же они шли спокойным и бодрым шагом, не испытывая никакого трепета. В резерве у них была дивизия пехоты, чтобы защищать тех, кто устал, и присматривать за багажом. Когда часть их людей выбивалась из сил и сдавалась от усталости или ранений, эта дивизия выдвигалась вперед и поддерживала их. Их кавалерия тем временем держалась в тесной колонне и ни на шаг не отходила от пехоты, за исключением тех случаев, когда она бросалась в атаку. Напрасно наши войска пытались отвлечь их от пехотинцев; они упорно держались в тесном строю, защищая друг друга и медленно прокладывая себе путь с удивительным упорством".

Пройдя всего восемь миль от Сезарии, тамплиеры разбили палатки на берегу Нахр-аль-Касаба, небольшой речки, названной Джеффри де Винисауфом *"мертвой рекой"*. Здесь они провели две ночи в ожидании флота. 4 сентября они возобновили свой поход по пустынной стране, которая была опустошена во всех направлениях по приказу Саладина. Обнаружив, что продвижению вдоль берега мешают спутанные заросли, они покинули равнину и двинулись по холмам, идущим параллельно морю. Их поход преследовали непрерывные атаки кавалерии. Тамплиеры шли в тылу армии и за день потеряли столько лошадей, что почти довели себя до отчаяния. В сумерках они спустились на берег и расположились лагерем на берегу соленого ручья, недалеко от деревни Ом Халед, рядом с руинами древнего Аполлония, совершив марш в пять миль. На следующее утро, в четверг, 5 сентября, тамплиеры на рассвете отправились от соляного ручья в боевом порядке, поскольку получили сведения, что Саладин подготовил засаду в соседнем лесу Арсуф и намерен рискнуть вступить в бой. В лес были посланы разведчики, которые доложили, что дорога свободна, и вся армия, поднявшись на небольшое возвышение, проникла через лес и спустилась на равнину Арсура или Арсуфа. Через середину этой равнины протекает горный поток, берущий начало в горах Эфраима, и на противоположном берегу потока Саладин

расположил свою армию в боевом порядке. Тамплиеры расположились на ночь на правом берегу ручья, пройдя за день девять миль.

В субботу, 7 ноября, король Ричард, завершив все приготовления к генеральному сражению, на рассвете собрал свою армию. Тамплиеры снова составили первую дивизию, первыми переправились через горный поток и нагнали передовую гвардию Саладина. За ними последовал Ги, король Иерусалима, возглавлявший подразделение Пуату, а затем и основная часть армии под личным руководством короля Ричарда. Джеффри де Винисауф рассказывает, что со всех сторон, насколько хватало глаз, от берега моря до гор, не было видно ничего, кроме леса копий, над которым развевались знамена и бесчисленные штандарты. Дикие бедуины, дети пустыни, с кожей чернее сажи, верхом на своих арабских кобылах, с быстротой молнии пронеслись над огромной равниной и омрачили воздух тучами ракет. Они шли в атаку с ужасными криками и ревом, которые вместе с оглушительным шумом труб, рогов, кимвалов и медных литавр создавали шум, разносившийся по равнине и способный заглушить даже гром небесный. Король Ричард принял атаку плотным и компактным строем, предварительно отдав строгий приказ, чтобы все солдаты оставались в обороне до тех пор, пока не прозвучат две трубы спереди, две в центре и две в тылу армии, когда наступит их очередь стать в атаку. Свирепые турки, дикие бедуины и смуглые эфиопы собрались вокруг передового отряда тамплиеров и вели далекую и изнурительную войну из своих луков и стрел, в то время как быстрая конница арабов обрушивалась на пеших воинов, словно собираясь одолеть их, а затем внезапно останавливала своих коней и отъезжала в сторону, поднимая тучи удушливой пыли, которая подавляла и душила труждающихся воинов. Багаж двигался дальше между армией и морем, а христиане, таким образом, продолжали медленно продвигаться под палящими лучами осеннего солнца. "Они двигались, - говорит Винисауф, - дюйм за дюймом; это нельзя было назвать ходьбой, потому что они прокладывали себе путь через толпу сопротивляющихся врагов". Ободренные их пассивной выдержкой, мусульмане подошли ближе и начали орудовать дротиками и копьями. Тогда маршал госпиталя, не дожидаясь сигнала, бросился во главе своих рыцарей, и в одно мгновение действие стало всеобщим. Звон мечей, звон доспехов, лязг железных булав и древков, обрушивавшихся на шлемы и щиты европейских воинов, смешались со стонами умирающих и яростными криками диких бедуинов. В небо взметнулись тучи пыли, и равнина покрылась знаменами, копьями и всеми видами оружия, эмблемами всех цветов и назначений, разорванными и разбитыми, испачканными кровью и пылью. В самой гуще боя повсюду можно было увидеть Кёр де Льва, и после долгого и упорного боя неверные были побеждены; но среди беспорядка своих войск Саладин остался на равнине, не опустив штандарт и не прекратив звуки своих медных барабанов; он собрал свои силы, отошел к Рамлеху и приготовился защищать горные проходы, ведущие в Иерусалим. Тамплиеры продвигались к Арсуфу и разбили свои палатки перед воротами города.

В понедельник, 9 сентября, христианские войска в боевом порядке двинулись к Яффе, древней Иоппе, расположенной примерно в восьми милях от Арсуфа. Тамплиеры шли в тылу армии; пройдя около пяти миль, они достигли берегов Нахр-эль-Арсуф, или Арсуфской реки, впадающей в море, примерно в трех милях от Яффы, и поставили свои палатки в прекрасной оливковой роще на берегу моря. Саладин опустошил всю страну вокруг них, изгнал жителей и увел весь скот, кукурузу и провизию. Города Кесария, Рамлех, Яффа, Аскалон и все деревни были подожжены и сожжены дотла, а все замки и крепости в пределах досягаемости крестоносной армии были разобраны и разрушены. Среди последних были замки Святого Георгия, Галатия, Бланшвард, Бомон, Бельвуар, Торон, Арнальд, Мирабель, замок на равнине и многие другие. По приказу неумолимого Саладина были полностью разрушены все крепости и убежища. Бохадин рассказывает, что султан скорбел о разрушении

прекрасного и красивого города Аскалона, говоря окружающим: "Ей-богу, я скорее потеряю своих сыновей, чем трону хоть один камень этого прекрасного города, но что угодно Богу и что требует благо ислама, то и должно быть сделано". Стены и укрепления Аскалона были огромны по протяженности и неимоверно прочны, и четырнадцать дней армия из тридцати тысяч человек занималась их разрушением. "Плачущие семьи были выведены из своих домов, среди самого душераздирающего смятения и несчастья", - говорит Бохадин, - "которое я когда-либо наблюдал". Тысячи людей были заняты тем, что рушили башни и стены, сбрасывали камни в канавы и в прилегающее море, а тысячи - тем, что уносили имущество и содержимое общественных амбаров и магазинов. Но не успели убрать и половины имущества, как нетерпеливый султан приказал поджечь город, "и вскоре, - говорит Бохадин, - стало видно бушующее пламя, прорывающееся сквозь крыши и обвивающее минареты мечетей". Великая башня госпитальеров была единственным зданием, устоявшим перед пламенем и усилиями разрушителей. Она мрачно и одиноко возвышалась над обширной сценой разрушений. "Мы не должны уходить, - сказал Саладин, - пока не свалим эту высокую башню", - и он приказал наполнить ее горючими веществами и поджечь. "Она стояла, - рассказывает Бохадин, - на берегу моря и была удивительной величины и прочности. Я вошел в него и осмотрел его. Стены и фундамент были так прочны и такой огромной ширины, что никакие таранные машины не смогли бы произвести на них ни малейшего эффекта". Каждое сердце наполнилось скорбью и печалью при виде выжженных и почерневших руин некогда прекрасного Аскалона. "Город, - говорит Бохадин, - был очень изящным и, по правде говоря, изысканно красивым; его огромные укрепления и возвышенные здания обладали величием и грандиозностью, внушавшими благоговейный страх".[93]

Аскалон, некогда самая гордая из пяти сатрапий владык филистимлян, сейчас необитаем. Стены до сих пор лежат огромными фрагментами на берегу моря, вперемешку с колоннами и сломанными столбами, которые зажаты среди них, а среди беспорядочных нагромождений руин, обозначающих место древнего города, сейчас не видно ни одного жилища. "Царь погибнет от Газы", - говорит пророк, - "и Аскалон не будет населен".

16 октября Кер де Лев написал Саладину письмо, в котором увещевал его прекратить священную войну, но требовал в качестве цены за мир возвращения Иерусалима, Палестины и истинного креста. "Иерусалим, - говорит король, - мы считаем местом нашей религии, и каждый из нас скорее погибнет, чем откажется от него. Верните нам страну по эту сторону Иордана вместе со святым крестом, который не представляет для вас никакой ценности, будучи в ваших глазах простым куском дерева, но который мы, христиане, очень ценим; тогда мы заключим мир и отдохнем от наших непрестанных трудов". "Когда султан, - говорит Бохадин, который сам участвовал в переговорах, - прочитал это письмо, он посоветовался со своими эмирами и отправил ответ следующего содержания: "Святой город пользуется у мусульман таким же большим почетом и уважением, как и у вас, да, пожалуй, и гораздо большим. Отсюда наш пророк Магомет совершил свое ночное путешествие на небеса, и на этом священном месте в разные времена собирались ангелы и пророки. Не думайте, что мы когда-нибудь откажемся от этого. Мы никогда не будем так небрежно относиться к своему долгу и к тому, что должны делать, как добрые мусулмане. Что касается страны, о которой вы говорите, то она принадлежит нам с давних пор, и если вы отняли ее у мусульман, когда они были слабы, то теперь они отняли ее у вас, когда они стали сильными, на что у них есть право. Вы можете продолжать войну, но Бог не даст вам и камня на камне от этой земли, ибо он отдал эту страну мусульманам, чтобы они обильно и щедро пользовались ею". Что касается креста, то почитание, которое вы оказываете этому куску дерева, является скандальным идолопоклонством, непочтительным по отношению к Всевышнему и ненавистным в глазах

Бога. Поэтому мы не отдадим его вам, если только не сможем тем самым обеспечить исламу некое великое и явное преимущество".

15 ноября тамплиеры вышли из Яффы вместе с королем Ричардом и его армией и двинулись через равнину к Иерусалиму. Пока они продвигались вперед, Саладин медленно отступал перед ними, опустошая окрестности, разрушая все города и деревни и уводя жителей. Между полуденной и вечерней молитвами султан проскакал через к городу Лидда, где святой Петр исцелил Инея от паралича, и использовал свою армию и некоторое количество рабов-христиан для разрушения благородной соборной церкви, возведенной Юстинианом, и для разрушения города. Затем он отступил со своим войском к Бейтнубе, небольшому селению, расположенному на возвышенности на краю равнины Рамлех, в начале холмистой части Иудеи, и расположился там лагерем. "В пятницу утром, в ранний час, - рассказывает Бохадин, - султан сел на коня и приказал мне сопровождать его. Дождь лил проливной. Мы двинулись в сторону Иерусалима. Мы остановились в монастыре у церкви Воскресения, и Саладин остался там на ночь". На следующее утро на рассвете султан снова сел на коня и объехал стены Святого города. Все население вместе с двумя тысячами христианских пленников уже несколько недель усердно занималось ремонтом и реконструкцией укреплений. Из Моссула прибыли сорок опытных каменщиков, а также инженеры и ремесленники из всех мусульманских стран Азии. Были построены две огромные башни, возведены новые стены, выдолблены рвы в скалах, и на это дело, по словам Бохадина, были потрачены несметные суммы. Сыновьям Саладина, его эмирам и брату Аделю было поручено следить за работами, а сам султан каждое утро от восхода до заката ездил верхом, стимулируя усилия рабочих.

Пока Саладин вел эти энергичные приготовления к обороне Иерусалима, тамплиеры остановились в Рамлехе, древней Аримафее, расположенной посреди равнины, примерно в девяти милях от Яффы, и пробыли с крестоносцами среди развалин этого места шесть недель. В одну из своих полуночных вылазок они захватили и привели в лагерь более двухсот волов. В день Нового года 1192 года они отправились в Бейтнубу и расположились лагерем у входа в ущелья и дефиле, ведущие к Святому городу; но эти дефиле охранялись мощной армией под личным командованием Саладина, и воины креста не рискнули проникнуть в них. Погода стала ужасной; ливни и град, громы и молнии сменяли друг друга без перерыва; палатки разрывало на куски неистовыми вихрями, а вся провизия армии была уничтожена сыростью. Многие верблюды, лошади и упряжные животные погибли от усталости и непостоянства погоды, и был отдан приказ о ретроградном движении к Средиземному морю.

Тамплиеры верно следовали за штандартом Кёра де Льва и прошли с ним от Яффы вдоль морского побережья до развалин Аскалона; но остальные воины, которые не хранили верность английскому государю, покинули его. Герцог Бургундский и французы отправились развлекаться в роскошный город Акко: часть крестоносцев осталась в Яффе, а другие отправились в Тир и присоединились к мятежной партии Конрада, маркиза Монферрата. Во время похода из Яффы в Аскалон, расстояние в двадцать восемь миль, тамплиеры терпели большие лишения от града и страшных ливней со снегом; а по прибытии на развалины некогда процветающего города они едва не погибли от голода, поскольку их суда с необходимыми припасами потерпели кораблекрушение. Они разбили свои палатки среди развалин 20 января 1192 года и в течение восьми дней были вынуждены питаться тем скудным запасом еды, который они привезли с собой из Яффы. В течение зимы они помогали королю Ричарду в восстановлении укреплений и приняли активное участие в захвате нескольких конвоев и караванов, следовавших через прилегающую пустыню из Египта.

В то время как тамплиеры и короли Англии и Иерусалима оставались под шатрами или на открытой местности, планируя свержение и уничтожение неверных, Конрад, маркиз Монферратский, претендент на трон Латинского королевства, вероломно интриговал с Саладином для продвижения своих собственных планов личных амбиций. Его поддерживали герцог Бургундский и французы, и он стоял во главе сильной партии, ненавидевшей короля Ричарда и завидовавшей его славе в военных подвигах. Маркиз Монферратский отправился в лагерь Саладина. Он предложил, как рассказывает Бохадин, начать войну с королем Ричардом, напасть на город Акко и присоединить свои силы к силам султана, если тот уступит ему приморские города Тир, Сидон, Бейрут и все морское побережье между ними; но прежде чем эти предательские замыслы были приведены в исполнение, маркиз Монферратский был убит. Через шесть дней после его смерти непостоянная принцесса Изабелла, его жена, младшая сестра покойной королевы Изабеллы, вышла замуж за Генриха, графа Шампанского, племянника короля Ричарда. Этот дворянин обладал огромным влиянием в советах христианских вождей, и было выражено всеобщее желание признать его королем Иерусалима. Соответственно, тамплиеры побудили Ги де Лузиньяна отречься от престола в пользу Изабеллы и графа Шампанского, предложив ему в качестве вознаграждения богатый и важный остров Кипр, который был уступлен им, как уже говорилось, королем Ричардом.

Кёр де Лев и тамплиеры оставались в лагере среди руин Аскалона и занимались перехватом караванов и конвоев, которые шли через соседнюю пустыню из Египта в Палестину, и им удалось освободить многих христианских пленников. Во второе воскресенье после Троицы палатки были разбиты, и они снова возобновили свой поход с явным намерением осадить Святой город. Они снова двинулись в путь по равнине Рамлех и 11 июня, через пять дней после выхода из Аскалона, достигли Бейтнубаха, где снова остановились на целый месяц под предлогом ожидания Генриха, нового короля Иерусалима, и войск, шедших под его командованием из Тира и Акры. Но истинной причиной задержки стали труднопроходимые горы между Бейтнубой и Иерусалимом, которые вновь стали препятствием для дальнейшего продвижения. Саладин расположился в Святом городе, оставив основную часть своей армии в горах близ Бейтнубаха. Его мамлюки, похоже, были несколько обескуражены долгим продолжением войны и упорством христиан. Они помнили о кровавой судьбе своих братьев под Акко и убеждали султана сохранить свою личность и мужество для будущей защиты своей религии и империи. Бохадин приводит любопытный рассказ об их опасениях и нежелании выдерживать осаду в стенах Иерусалима. Он обратился к ним с речью по просьбе султана, а когда тот перестал говорить, встал сам Саладин. В зале воцарилась глубокая тишина, "они были неподвижны, как будто птицы сидели у них на головах". "Хвала Аллаху, - сказал Саладин, - и да пребудет его благословение на нашем господине, Магомете, его пророке. Не знаете ли вы, о люди, что вы - единственная армия ислама и его единственная защита. Жизни, состояния и дети мусульман находятся под вашей защитой. Если вы сейчас уклонитесь от борьбы, (а Бог этого не допустит), враг свернет эти страны, как ангел Господень сворачивает книгу, в которой записаны деяния людей". После красноречивой речи султана Сайфеддин Мештуб и мамлюки в один голос воскликнули: "Мой господин, мы твои слуги и рабы; клянемся Богом, что никто из нас не покинет тебя, пока мы живы".^[94] Но тревога Саладина и мамлюков была быстро успокоена отступлением христианских солдат, которые отступили к морскому побережью и своим кораблям. Здоровье короля Ричарда и Саладина было в упадке, они взаимно устали от войны, и наконец был заключен мирный договор между султаном, королем Англии, Генрихом, королем Иерусалима, тамплиерами и госпитальерами, в котором было оговорено, что христианские паломники будут пользоваться привилегией посещать Святой город и Гроб Господень без дани и притеснений; что города Тир, Акко и Яффа со всем морским побережьем между ними должны принадлежать

латинянам, но что укрепления, недавно возведенные в Аскалоне, должны быть разрушены. Сразу же после заключения мира король Ричард, желая пройти кратчайшим и быстрым путем в свои владения, уговорил Робера де Сабле, Великого магистра Храма, предоставить в его распоряжение галеру ордена, и было решено, что, пока королевский флот будет следовать с королевой Беренгарией через Гибралтарский пролив в Британию, сам Кер де Лев, переодетый в одежду рыцаря-тамплиера, должен тайно сесть на корабль и направиться в один из портов Адриатики. План был осуществлен в ночь на 25 октября, и король Ричард отплыл в сопровождении нескольких сопровождающих и четырех надежных тамплиеров. Однако принятая им привычка не защитила его, как известно, от трусливой мести подлого герцога Австрийского.[95]

В 1194 году Робера де Сабле, Великого магистра Храма, сменил брат Жильбер Горал или Эрайль, который до этого занимал высокий пост Великого прецептора Франции.[96] Чтобы удержать и укрепить свое господство в Палестине, тамплиеры начали возведение нескольких сильных крепостей, грандиозные руины многих из которых сохранились до наших дней. Самой известной из них был Замок паломника, выходивший на прибрежную дорогу из Акко в Иерусалим. Свое название он получил от одинокой башни, возведенной первыми тамплиерами для защиты прохода паломников через опасный проход в горах, граничащих с морским побережьем, и был построен вскоре после переезда главного дома ордена из Иерусалима в Акко. Небольшой мыс, выступающий в море в нескольких милях ниже горы Кармель, был превращен в укрепленный лагерь. Были возведены две гигантские башни высотой в сто футов и шириной в семьдесят четыре фута, а также огромные бастионы, соединенные между собой крепкими стенами, оснащенными всевозможными военными механизмами. На обширной территории находились дворец для Великого магистра и рыцарей, великолепная церковь, дома и офисы для служилой братии и наемных солдат, а также пастбища, виноградники, сады, огороды и рыбные пруды. С одной стороны стен находилось соленое море, а с другой, в пределах лагеря, - восхитительные источники пресной воды. Во время войны гарнизон составлял четыре тысячи человек.[97]

Значительные остатки этой знаменитой крепости до сих пор видны на побережье, в нескольких милях к югу от Акко. Левантийцы до сих пор называют ее *Кастель Пеллегрино*. Покок описывает ее как "очень великолепную и так прекрасно построенную, что она может считаться одной из тех, которые стоит увидеть в этих краях". "Она окружена двумя стенами толщиной в пятнадцать футов, внутренняя стена с восточной стороны не может быть менее сорока футов в высоту, и внутри нее, похоже, было несколько очень больших апартаментов. Служебные помещения крепости, похоже, находились в западной части, где я видел печь диаметром пятнадцать футов. В замке сохранились остатки прекрасной возвышенной церкви с десятью сторонами, построенной в легком готическом стиле: три часовни пристроены к трем восточным сторонам, каждая из которых состоит из пяти сторон, за исключением отверстия в церковь; в них, вероятно, стояли три главных алтаря". Ирби и Манглс, ссылаясь в последующий период на руины церкви, описывают ее как двойной шестиугольник и утверждают, что у половины, которая тогда стояла, было шесть сторон. Под карнизом изображены человеческие головы и головы животных в альт-рельефе, а стены украшены двойной линией арок в готическом стиле, архитектура легкая и элегантная.

После смерти Саладина (13 марта 1193 г. н. э.) обширная и могущественная империя, которую он создал, распалась на части, титул на престолы Сирии и Египта оспаривался между братом и сыновьями умершего султана; и папа, думая, что эти разногласия представляют благоприятную возможность для восстановления Святого города, проповедовал еще один (четвертый) крестовый поход. Две экспедиции, организованные в Германии, направились в Палестину и настояли на немедленном начале военных действий,

вопреки перемирию. Тамплиеры и госпитальеры, а также латинские христиане, находившиеся в состоянии глубокого мира под действием договоров, настаивали на нецелесообразности и нечестности такого шага, но их упрекали в вероломстве и слабости к христианскому делу; а самоуверенные немцы, выйдя из Акры, совершили несколько страшных опустошений и зверств на мусульманских территориях. Неверные немедленно бросились к оружию; их внутренние разногласия были сразу же излечены, их вожди протянули друг другу руку дружбы, и с далеких берегов Нила, из пустынь Аравии и отдаленных пределов Сирии последователи Магомета вновь сплотились вокруг одного знамени и снова поспешили на защиту *ислама*. Аль-Ма-лек, аль-а-дель, Абу-бекр Мухаммед, знаменитый брат Саладина, по прозвищу *Сейф-эд-дин*, "Меч веры", принял командование мусульманским войском и быстро показал себя достойным преемником великого "Завоевателя Иерусалима". Он сосредоточил огромную армию и своими стремительными действиями быстро заставил немцев покинуть открытую местность и броситься на укрепленный город Яффу. Хорошо проведенным маневром он побудил их совершить опрометчивую вылазку из города и, внезапно обрушившись на основную часть их войск, разгромил их с ужасающей резней. Вместе с беглецами он вошел в город и уничтожил все немецкое войско. Небольшой гарнизон тамплиеров, содержащийся в Яффском храме, был уничтожен, укрепления снесены до основания, а в городе не осталось ни одного христианского жителя.^[98] Таковы были первые результаты этого памятного крестового похода.

Получив эти катастрофические сведения, тамплиеры собрали свои силы и, выйдя из города Акко в вечерней прохладе, расположились лагерем в Кайфасе, в четырех милях от города. Король расположился у окна замка, чтобы видеть, как они проходят, и, наклонившись вперед, наблюдал за их продвижением по соседней равнине, когда, к несчастью, он потерял равновесие и упал головой в ров. Его убили на месте, и королева Изабелла во второй раз осталась вдовой, хотя ее разведенный муж, Хамфри де Торон, был еще жив. От короля Генриха у нее было три дочери: Мария, которая умерла молодой, Аликс и Филиппина. Радольф Тиберийский стал претендентом на руку овдовевшей королевы, но тамплиеры отклонили его иск из-за его бедности, заявив, что не отдадут королеву и королевство человеку, у которого ничего нет. Тогда они послали канцлера императора Германии, который находился в Акко, к Амаури, королю Кипра, предлагая ему руку Изабеллы и корону Латинского королевства. Амаури унаследовал суверенитет острова после смерти своего брата Ги де Лузиньяна (1194 г. н. э.) и с готовностью принял предложение. Он немедленно сел на свои галеры в Никосии, высадился в Акко, обвенчался с королевой Изабеллой и был торжественно коронован через несколько недель после смерти покойного короля.

По прибытии второго отряда крестоносцев под командованием герцогов Саксонии и Брабанта тамплиеры вновь вышли на поле боя и разгромили арабскую конницу в кровопролитном сражении, разыгравшемся на равнине между Тиром и Сидоном. Вся мусульманская армия была разбита, и Сайф-эд-дин, отчаянно израненный, отступил к Дамаску. Затем был осажден и взят Бейрут, а за падением этого важного города последовали Габала и Лаодикия, а также все приморские города между Триполи и Яффой.^[99] В Палестину пришло известие о смерти императора Генриха VI, после чего все германские вожди поспешили домой, чтобы на другом театре реализовать свои собственные планы личных амбиций. Спровоцировав страшную и кровопролитную войну, они вышли из борьбы, оставив своих собратьев на Востоке сражаться, как они умеют. Эти последние, увидев свои опустошенные земли, беззащитные города и уничтоженные огнем жилища, с горечью и

правдой воскликнули: "Наши собраты-христиане и самозванные союзники нашли нас в *мире*, они оставили нас в войне. Они подобны тем зловещим перелетным птицам, появление которых предвещает надвигающуюся бурю". К трудностям и несчастьям латинских христиан добавилась ссора между тамплиерами и госпитальерами по поводу их прав на некоторые владения в Палестине. Этот вопрос был передан на рассмотрение папы, который сурово напутствовал их, заявив, что неверные не преминут воспользоваться их раздорами, к большому ущербу для Святой земли и в ущерб всему христианству. Он увещевает их сохранять единство и мир друг с другом и назначает определенных арбитров для решения разногласий между ними. Ссора не имела большого значения и не была продолжительной, так как в том же году папа Иннокентий написал обоим орденам, похвалив их за усилия в деле креста и увещевая их упорно и верно поддерживать всеми силами нового короля Иерусалима.[100]

В 1201 году Великого магистра Храма Жильбера Орала сменил брат Филипп Дюплесси, или де Плесси,[101], который вскоре после своего прихода к власти оказался вовлечен в активные боевые действия с Леоном I, королем Армении, захватившим замок Гастон, принадлежавший рыцарям-тамплиерам. Тамплиеры изгнали короля Леона из Антиохии, заставили его отказаться от замка Гастон и запросить мира. Было достигнуто соглашение о приостановке вооружения; спорные вопросы между ними были переданы на рассмотрение папы, и в итоге были решены в пользу тамплиеров. В этот период тамплиеры, по-видимому, вернули себе большинство своих замков и крепостей в княжествах Триполи и Антиохии. Воспользовавшись раздорами между соседними мусульманскими вождями, они постепенно вытеснили неверных за Оронт и вернули сильные горные районы под власть христианского оружия. Несколько европейских судов были разграблены египетскими пиратами, тамплиеры развернули свое боевое знамя и в полночь вышли из Акко вместе с королем Иерусалима, чтобы отомстить мусульманам; они распространили свои опустошения на берега Иордана и собрали огромную добычу, сообщая братьям в Акко о своих передвижениях с помощью писем, привязанных к шеям голубей. Корадин, султан Дамаска, собрал большое войско в Сепфорисе, а затем двинулся на крепость Док, принадлежавшую тамплиерам. Это место находилось всего в трех милях от Акко, и население города было повергнуто в крайнее смятение. Но военные монахи, собрав свои силы со всех сторон, вскоре отбили захватчиков и восстановили спокойствие в Латинском королевстве.

В этот период король Амаури, слишком обильно отведав любимое блюдо из рыбы, заболел тревожной болезнью и умер в Акко 1 апреля 1205 года. От Изабеллы у него была дочь, но до конца года умерли и мать, и ребенок. Короны Иерусалима и Кипра, которые были объединены на головах Амаури и Изабеллы, теперь, после их кончины, были снова разделены. Мария, старшая дочь королевы от знаменитого Конрада, маркиза Монферратского, была признана наследницей короны Латинского королевства, а Хью де Лузиньян, старший сын Амаури от его первой жены, получил в наследство суверенитет острова Кипр. Этот молодой принц женился на принцессе Алисе, дочери Изабеллы от короля Генриха, графа Шампанского, и сводной сестре молодой королевы Марии по материнской линии. Юной и нежной принцессе, только что вступившей на престол Латинского королевства, было четырнадцать лет, и тамплиеры и госпитальеры стали ее естественными опекунами и защитниками. Они руководили военными силами Латинской империи в поле, правительством страны в кабинете министров и защищали королевство во время ее несовершеннолетия с усердием и успехом от всех нападений неверных. Как только юная королева достигла брачного возраста, тамплиеры и госпитальеры отправили епископа Акко и Аймара, владыку Кесарии, к Филиппу Августу, королю Франции, с просьбой выбрать для нее подходящего мужа из числа своих принцев и вельмож. Выбор короля пал на графа

Бриенна, который покинул Францию с большим отрядом рыцарей и пеших воинов и прибыл в Палестину 13 сентября. На следующий день после прибытия он обвенчался с юной королевой, которой в то время исполнилось семнадцать лет, а на следующий день Михаила он был коронован как король Иерусалима.

К этому времени срок перемирия с неверными истек, и Великий магистр Храма отказался его продлевать. Военные действия возобновились, и тамплиеры снова вышли на поле боя вместе с новым королем Иерусалима и его французскими рыцарями. Были одержаны важные успехи над мусульманами, но латинское королевство было повергнуто в траур безвременной кончиной молодой королевы Марии. Она умерла в Акко на двадцатом году жизни, оставив королю, своему мужу, малолетнюю дочь, которую называли Виолантой. Граф де Бриенн продолжал, по примеру Ги де Лузиньяна, носить корону и выполнять все функции королевской власти, несмотря на смерть королевы. Папа Иннокентий III уже давно пытался придать дополнительный блеск своему понтификату, добившись повторного завоевания Иерусалима. Своими буллами и апостольскими посланиями он пытался пробудить древний энтузиазм христианства в пользу священной войны; следуя примеру папы Урбана, он, наконец, созвал генеральный собор церкви, чтобы помочь вооружить Европу для восстановления Святого города. Этот собор собрался в Риме летом 1215 года и постановил немедленно проповедовать новый крестовый поход. Император Фридрих, Иоанн, король Англии, король Венгрии, герцоги Австрии и Баварии, многие прелаты, дворяне и рыцари, а также толпы людей более низкого ранга приняли на себя крест. Некоторые готовились исполнить свой обет и отправиться на далекий Восток, но гораздо большая часть из них платила деньги духовенству, чтобы быть освобожденной от мучительных лишений, опасностей и трудностей, связанных с долгим путешествием. Король Венгрии и герцоги Австрии и Баварии первыми отправились в это благочестивое предприятие. Они встали во главе армии, состоящей из множества различных народов, отплыли из Венеции и высадились в порту Сен-Жан-д'Акр в начале 1217 года. На следующий день после праздника Всех Святых они вышли из Акры и разбили свои палатки на берегу ручья Кишон, а на следующий день патриарх Иерусалимский, тамплиеры и госпитальеры с большой помпой и торжественностью вошли в лагерь, неся с собой "частицу истинного креста!". Утверждалось, что этот кусок креста был отрезан перед битвой при Тивериаде и бережно хранился восточным духовенством. Короли и принцы вышли босыми и непокрытыми, чтобы принять святую реликвию; они поставили ее во главе своего войска и немедленно начали смелый и энергичный поход к Иордану.

Под руководством тамплиеров они последовали по течению ручья Кишон, мимо развалин Эндора, в долину Иезреель и, пройдя через горы Гильбоа к Бисану или Скифополису, спустились в долину Иордана и разбили свои палатки на берегу этой священной реки. Из Бисана они двинулись вверх по долине Иордана к Тивериадскому озеру, обогнули его прекрасные берега и дошли до Вифсаиды, пройдя перед сильной цитаделью Тивериады, а затем через всю страну к Акко, не встретив ни одного врага, который бы воспротивился их продвижению. Затем тамплиеры заставили христианских вождей без лишней потери времени взяться за осаду важной крепости горы Фавор, и в начале осени она была регулярно инвестирована, но высота и крутизна горы сделали транспортировку тяжелых таранных машин и военных двигателей на вершину утомительным и трудоемким делом. Войска страдали от нехватки воды, их терпение истощилось, а четыре короля и их сторонники, стремясь вернуться домой, быстро нашли предлоги для прекращения осады. Наступила обычная сцена беспорядка и смятения; большое количество арабских всадников, переправившихся через Иордан, засело в тылу отступающих крестоносцев. Растерянные паломники и пешие солдаты в панике бежали к холмам, и отступление было бы

катастрофическим, если бы не доблестное поведение тамплиеров и госпитальеров, которые прикрывали тыл и выдерживали постоянные атаки арабской кавалерии. Оба ордена понесли огромные потери в людях и лошадях и в печали и отвращении вернулись в свои кварталы в Акко.[102]

Великий магистр Филипп Дюплесси не смог принять участие в экспедиции; он был прикован к храму в Акко из-за опасной болезни, от которой умер через несколько дней после возвращения тамплиеров с горы Фабор. Сразу после его кончины был собран общий капитул рыцарей, и брат Вильгельм де Шартр был возведен (1217 г. н. э.) в вакантное достоинство Великого магистра.[103] Вскоре после своего избрания он был призван принять командование большим флотом, снаряженным по приказу Храма против египтян. Он отплыл из Акры в мае, бросил якорь в устье Нила и вместе с крестоносцами осадил богатый и многолюдный город Дамьетту. Тамплиеры разбили свои палатки на равнине на левом берегу Нила, напротив города, и окружили свою позицию рвом и стеной. Они прикрыли реку своими галерами и плавучими плотами, оснащенными военными механизмами, и направили свои первые атаки на замок посреди потока, называемый замком Тафниса.

На плавучих плотам были возведены большие башни для защиты их операций, но они постоянно разрушались страшным греческим огнем, который выдувался из длинных медных трубок и не мог быть потушен ничем, кроме уксуса и песка. Наконец, несколько плоскодонных лодок скрепили вместе, и на них возвели башню, которая была выше, чем замок врага. Она была девяносто футов в высоту, тринадцать локтей в длину и была разделена на площадки или ступени, заполненные лучниками; в стенах были пробиты многочисленные отверстия для петель, а само громоздкое сооружение было густо покрыто со всех сторон сырыми шкурами, чтобы уберечь его от жидкого огня врага. На вершине башни находился разводной мост, который можно было поднимать и опускать с помощью цепей, а на каждой платформе были установлены захваты для крепления к бойницам и парапетам замка. 24 августа огромная плавучая башня была отбуксирована к месту нападения, и левый берег Нила покрылся длинной процессией священников и монахов, которые прошли по извилистому берегу с голыми ногами и воздетыми руками, моля Бога битвы о победе. Пока неверные спешили на вершину замка Тафнис, чтобы направить на деревянную башню греческий огонь и вылить на головы нападавших кипящее масло и раскаленный песок, несколько тамплиеров, расположившихся на самой нижней площадке сооружения у воды, выхватили свои палицы и устроились на мостовой перед замком. Не медля ни минуты, они протянули таран и одним ударом выбили дверь крепости. Сразу же в здание были брошены горючие вещества, оно окуталось дымом и пламенем, и гарнизон сдался по собственному желанию. После этого огромная цепь между крепостью и рекой была разорвана, и большие корабли крестоносцев поднялись по Нилу и заняли позицию перед городом.

Ближе к осени, когда наводнение на Ниле достигло своего апогея, поднялся сильный северный ветер, который препятствовал спуску вод в Средиземное море. Христианский лагерь был затоплен, тамплиеры потеряли всю провизию, оружие и багаж, а когда воды отступили, в их палатках нашли несколько крупных рыб. За этой катастрофой последовала эпидемия лихорадки, унесшая Великого магистра Вильгельма де Шартра и многих братьев. Великого магистра сменил (1218 г. н. э.) ветеран-воин, брат Петр де Монтайгу, Великий прецептор Испании. В этот период умер знаменитый Сейф-эд-дин, "меч веры", брат и преемник Саладина, назначив *пятнадцать* своих сыновей отдельными и независимыми командами в своих обширных владениях. После его кончины они поссорились друг с другом

за главенство, и тамплиеры переправились через Нил, чтобы воспользоваться этим спором. Неверные яростно сопротивлялись их высадке, и, когда один из кораблей Храма был взят на abordаж превосходящими силами, военные монахи прорубили в его днище отверстие своими топорами, и все, кто был на борту, нашли себе могилу в глубоком лоне Нила. Когда высадка была произведена, тамплиеры первыми бросились на врага; мусульмане бежали, бросив палатки, провизию и оружие, и их лагерь был отдан на разграбление. Затем вокруг Дамьетты был вырыт ров, и армия заняла позицию, позволявшую лишить город всякой помощи. Через Нил были переброшены два лодочных моста для сообщения между новым лагерем крестоносцев и тем, который они только что покинули; один из этих мостов был взят под охрану тамплиерами. После многих блестящих подвигов и кровопролитных схваток Дамьетта оказалась в тяжелом положении; условия капитуляции предлагались и отвергались; 5 ноября через ров был переброшен деревянный мост, на крепостные стены поставлены лестницы, и город был взят штурмом. Когда тамплиеры вошли в город, они обнаружили, что в каждом доме свирепствует чума, а улицы усеяны мертвецами.

Сразу же после взятия Дамьетты Великий магистр Храма вернулся вместе с королем Иерусалима в Палестину, чтобы противостоять новой армии мусульман, которые под командованием Корадина, знаменитого вождя, вторглись в страну, блокировали город Акко и осадили замок паломников. В своем укрепленном лагере в этом замке тамплиеры собрали до четырех тысяч человек, которые доблестно и успешно защищали важную позицию от упорных и настойчивых атак неверных. Во время различных штурмов Корадин потерял шесть эмиров, двести мамлюков и множество лучников, а в один только день у него было убито сто двадцать ценных лошадей, одна из которых стоила четырнадцать тысяч марок.^[104] Тамплиеры отправили папе срочные письма с просьбой о помощи. Они убеждали его святейшество заставить императора Фридриха исполнить свою клятву и больше не позволять крестоносцам компенсировать деньгами невыполнение своих обязательств, заявляя, что подобные композиции наносят огромный вред делу креста. Великий магистр также написал папе, жалуясь его святейшеству на неправильное использование духовенством денег, собранных с их паствы, на расходы священной войны, заявляя, что ни одна двадцатая часть их никогда не достигала пустой казны Латинского королевства. Святой понтифик в своем ответе протестует, что сам он не взял в руки ни фартинга из этих денег. "Если вы их не получили, - говорит он, - то это не наша вина, а потому, что нас не слушались".

В скорбном письме к епископу Эли Великий магистр дает следующую мрачную картину положения дел. "Брат Питер де Монтайгу, магистр рыцарей Храма, преподобному брату во Христе N, милостью Божьей епископу Ели, спасение. Этими письмами мы сообщаем вашему отчеству, как мы управляли делами Господа нашего Иисуса Христа со времени взятия Дамьетты и замка Тафнис. Да будет вам известно, что во время весеннего перехода в Европу, сразу после взятия Дамьетты, столько пилигримов вернулось домой, что их остатка едва хватило на гарнизон города и два укрепленных лагеря. Наш господин легат и духовенство, искренне желая продвижения армии Иисуса Христа, постоянно и усердно увещевали наш народ немедленно выступить против неверных; но вожди из этих мест и из-за моря, видя, что армия совершенно недостаточна по численности для охраны города и лагерей и дальнейших наступательных операций для продвижения веры Иисуса Христа, ни за что не давали своего согласия. Султан Египта во главе огромного числа вероломных неверных расположился лагерем на небольшом расстоянии от Дамьетты и недавно построил мосты через оба рукава Нила, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению наших христианских солдат. Он остается там, спокойно ожидая их приближения; и силы под его

командованием настолько многочисленны, что верующие не могут покинуть свои укрепления вокруг Дамьетты, не подвергаясь неизбежному риску. Тем временем мы окружили город и два лагеря глубокими траншеями и сильно укрепили оба берега реки вплоть до морского побережья, ожидая, что Господь утешит и успокоит нас скорой помощью. Но сарацины, видя нашу слабость, уже вооружили многочисленные галеры и нанесли нам огромный ущерб, перехватив все подмоги из Европы; и такова была наша крайняя нехватка денег, что мы не могли в течение значительного времени укомплектовать и снарядить наши галеры и отправить их в море для нашей защиты. Однако, обнаружив, что потери продолжают расти к большому ущербу для дела креста, мы теперь смогли вооружить несколько галер, галиотов и других судов, чтобы противостоять кораблям неверных.

"Также да будет вам известно, что Корадин, султан Дамаска, собрав огромную армию сарацин, напал на города Тир и Акко; а поскольку гарнизоны этих мест были ослаблены для укрепления наших сил в Египте, они с трудом могут противостоять его атакам. Корадин также разбил свои палатки перед нашей крепостью, называемой Замком паломника, и заставил нас нести огромные расходы на ее оборону. Он также осадил и подчинил себе замок Сесария Палестинская. Уже долгое время мы ожидаем прибытия императора и других знатных особ, принявших крест, с чьей помощью мы надеемся избавиться от опасностей и трудностей и довести все наши усилия до счастливого конца. Но если мы не получим помощи, на которую рассчитываем в ближайшее лето (а это не дай Бог), все наши новоприобретенные завоевания, равно как и места, которые мы удерживали в течение многих веков, окажутся в весьма сомнительном состоянии. Мы сами и другие жители этих мест настолько обеднели из-за больших расходов, которые мы понесли в связи с продолжением дел Иисуса Христа, что не сможем внести необходимые средства, если не получим в ближайшее время помощь и субсидии от верующих". Дано в Акко, xii. кал. Октябрь, 1220 г. н. э.". [\[105\]](#)

Настоятельные просьбы тамплиеров о деньгах вызвали громкий ропот в Англии и привели в ярость великого историка Мэтью Париса, монаха из Сент-Олбанса, который ненавидел орден за его огромные привилегии и суммы, которые он постоянно вырывал из рук других религиозных организаций. Духовенство, которое, вероятно, неправильно использовало деньги, собранные им для помощи Святой земле, с готовностью присоединилось к возмущению против тамплиеров, обвиняя их в растрате своих средств на великолепные церкви и дорогие здания в Европе или в том, что они тратили их дома в роскоши в своих различных прецепториях, вместо того чтобы добросовестно использовать их для ведения священной войны. Папа начал расследование истинности обвинений и обратился за информацией к своему легату в Дамьетте, патриарху Иерусалимскому и главным вождям армии крестоносцев. В своем ответе легат и патриарх заявили, что обвинения не соответствуют действительности и что тамплиеры потратили свои деньги на осаду Дамьетты и обеднели из-за больших расходов в Египте. Летом 1221 года в Палестину и Египет прибыла значительная помощь из Европы; войска султана Дамаска были отбиты и отброшены за границу Латинского королевства, а Великий магистр Храма вернулся в Дамьетту, чтобы руководить военными действиями в Египте. Кардинал Пелагий, папский легат, хотя и совершенно невежественный в военном искусстве, к несчастью, принял на себя непоследовательный характер главнокомандующего армией креста. Вопреки советам тамплиеров, он призвал крестоносцев в осенний сезон, когда воды Нила поднимались, выступить из Дамьетты и предпринять экспедицию против Большого Каира. О катастрофических результатах той памятной кампании рассказывается в следующем письме Петра де Монтайгу магистру английской провинции ордена.

"Брат Петр де Монтэрю, смиренный магистр воинов Христовых, нашему наместнику и возлюбленному брату во Христе Алану Марселлу, прецептору Англии. До сих пор мы имели возможность сообщать вам благоприятные сведения о наших усилиях в деле Христовом; теперь же, увы, таковы поражения и бедствия, которые наши грехи навлекли на нас в земле Египетской, что у нас нет ничего, кроме дурных вестей. После взятия Дамииетты наша армия некоторое время пребывала в состоянии бездействия, что вызвало частые жалобы и упреки со стороны восточных и западных христиан. Наконец, после праздника святых апостолов, легат святого понтифика и все наши воины креста выступили в поход по суше и по Нилу и в полном порядке прибыли к месту, где расположился султан, во главе огромного числа врагов креста. Между лагерем султана и нашими войсками протекала река Тафнеос, рукав великого Нила, и, не имея возможности перейти ее вброд, мы разбили палатки на ее берегу и приготовили мосты, чтобы можно было форсировать проход. Тем временем ежегодное наводнение быстро усилилось, и султан, проведя свои галеры и вооруженные лодки через древний канал, вплавил их в Нил ниже наших позиций и перехватил наши коммуникации с Дамииеттой"... "Теперь ничего не оставалось делать, как повторить наши шаги. Султаны Алеппо, Дамаска, Хемса и Койланбара, два брата султана, многие вожди и короли язычников с огромным количеством неверных, пришедших им на помощь, пытались отрезать нам путь к отступлению. Ночью мы начали свой поход, но неверные прорубили насыпи Нила, вода хлынула по нескольким неизвестным проходам и древним каналам и обступила нас со всех сторон. Мы потеряли всю провизию, многие из наших людей попали в поток, и дальнейшее продвижение наших христианских воинов было немедленно остановлено. Воды продолжали наступать на нас, и в этом ужасном наводнении мы потеряли всех наших лошадей и седла, наши повозки, багаж, мебель, движимое имущество и все, что у нас было. Сами мы не могли ни наступать, ни отступать и не знали, куда повернуть. Мы не могли напасть на египтян из-за большого озера, которое простиралось между ними и нами; у нас не было продовольствия, и, будучи пойманными и зажатыми, как рыба в сети, нам не оставалось ничего другого, как заключить договор с султаном.

"Мы согласились сдать Дамииетту со всеми пленниками, которые были у нас в Тире и в Акко, при условии, что султан вернет нам дерево истинного креста и пленников, которых он держал в Каире и Дамаске. Мы, вместе с некоторыми другими, были уполномочены всей армией объявить жителям Дамииетты условия, которые были нам предъявлены. Они были очень неприятны епископу Акко (историк Джеймс де Витри), канцлеру и некоторым другим, желавшим защитить город, - мера, которую мы, конечно, очень одобрили бы, если бы был хоть какой-то разумный шанс на успех; ведь мы скорее предпочли бы оказаться в вечном заточении, чем сдать, к позору христианства, это завоевание неверным. Но после тщательного исследования средств защиты, не найдя ни людей, ни денег, чтобы защитить это место, мы были вынуждены подчиниться условиям султана, который, получив от нас клятву и заложников, заключил с нами перемирие на восемь лет. Во время переговоров султан верно держал свое слово и в течение пятнадцати дней снабжал наших солдат хлебом и кукурузой, необходимыми для их пропитания. Поэтому, сжалившись над нашими бедами, поспешите облегчить их в меру своих сил. Прощайте".[\[106\]](#)

Вскоре после катастрофы в Египте и заключения восьмилетнего перемирия с неверными Иоанн де Бриенн, титулярный король Иерусалима, собрался навсегда распрощаться с Палестиной. После смерти молодой королевы, своей жены, он рассматривал свое королевство как место изгнания и стремился вырваться из суматохи и непрекращающихся войн, в которые постоянно были вовлечены его слабые владения. Его дочери Виоланте, юной

королеве Иерусалима, только что исполнилось тринадцать лет, и король хотел найти для нее подходящего мужа из числа европейских принцев. В сопровождении прекрасной Виоланты он высадился в Италии и принял участие в совете духовенства и мирян, собравшемся в Ферентино, в Кампанье ди Рома, летом 1223 года. На совете присутствовали папа Гонорий Третий, император Фридрих, патриарх Святого города, епископ Вифлеема, великий магистр госпиталя и один из великих прецепторов храма, и папа призвал императора исполнить обет, который он дал за восемь лет до этого, повести армию на помощь Святой земле; он предложил ему руку прекрасной Виоланты, а вместе с ней и корону Латинского королевства. Предложение было принято, вскоре после этого состоялось бракосочетание, и император торжественно поклялся на Святом Евангелии лично возглавить великую экспедицию для восстановления Иерусалима.

Из Палестины Виоланту сопровождала кузина, обладавшая сильными чарами и многими изящными достижениями. Император пленился ее красотой, обесчестил ее, а к своей молодой жене, которая была еще ребенком, относился холодно и пренебрежительно. Затем, в середине августа 1227 года, он отплыл в Акко с мощной армией и пробыл в море три дня, после чего заболел морской болезнью и вернулся на сушу, сославшись на плохое самочувствие. После этого папа публично отлучил его от церкви в Ананьи. Не утруждая себя примирением со святым собором, он снова отправился в путь со своими войсками и прибыл в порт Сен-Жан-д'Акр 8 сентября 1228 года. Затем папа отправил в Палестину письма, в которых осудил его как публично отлученного от церкви, и приказал тамплиерам не присоединяться к его штандарту. Они, соответственно, отказались выступить в поход, а поскольку силы под командованием императора не достигали и десяти тысяч человек, он был вынужден бездействовать всю зиму. Однако он вел дружеские переговоры с неверными, и был заключен договор, по которому Иерусалим номинально сдавался ему. Было оговорено, что христианская и мусульманская религии должны встретить равную терпимость в Святом городе; что последователи Магомета должны владеть мечетью Омара, а христиане - великой церковью Воскресения; что мусульмане должны управляться по своим законам, а судебный суд в форуме Аль-Ростак должен находиться под руководством мусульманского губернатора.^[107]

Сразу же после заключения этого любопытного договора император с несколькими сопровождающими лицами мирно отправился в Святой город и совершил торжественный фарс, короновавшись в церкви Воскресения. Пробыв в Иерусалиме несколько дней, он поспешил вернуться в Акко, чтобы подготовиться к отъезду в Европу. В городе не было создано ни одного христианского гарнизона, а тамплиеры и госпитальеры не рискнули вернуться в свои древние обители. Его поведение, непосредственно предшествовавшее отъезду, описывается в письме патриарха Иерусалимского к папе. "Император поставил лучников у ворот города Акко, чтобы помешать тамплиерам войти в город или выйти из него. Кроме того, он расставил солдат на всех улицах, ведущих к нашему кварталу и Храму, держа нас на осадном положении; и очевидно, что он никогда не обращался с сарацинами и вполнину так плохо, как с христианами. В течение долгого времени он не разрешал привозить нам провизию и велел своим солдатам оскорблять священников и тамплиеров при каждой встрече. Кроме того, он завладел магазинами и вывез все военные машины и оружие, сохраненные для обороны города, с целью оказать добрую услугу своему доброму другу султану Египта; а затем, не сказав никому ни слова прощания, он тайно отплыл 1 мая (1229 г. н. э.), оставив нас в худшем положении, чем нашел".^[108]

Великий магистр Храма Петр де Монтайгу умер в Акко в преклонном возрасте, и его сменил (1233 г. н. э.) брат Герман де Перигор, Великий прецептор Калабрии и Сицилии.^[109] Вскоре

после его прихода к власти истек срок перемирия с султаном Алеппо, и брат Вильгельм де Монферрат, прецептор Антиохии, осадив крепость неверных, отказался отступить перед превосходящими силами, был окружен и ошеломлен; сто рыцарей Храма и триста арбалетчиков были убиты, вместе со многими светскими воинами и большим числом пеших солдат. *Балканифером*, или знаменосцем, в этом случае был английский рыцарь-тамплиер по имени Реджинальд д'Аржентон, который проявил чудеса храбрости. Он был искалечен и покрыт ранами, но, несмотря на это, непоколебимо нес Бозант на своих кровоточащих руках в самой гуще боя, пока наконец не упал замертво на кучу своих убитых товарищей. Прецептор Антиохии, перед тем как быть убитым, "отправил шестнадцать неверных в ад". Как только тамплиеры в Англии узнали об этом бедствии, они вместе с госпитальерами (1236 г. н. э.) отправили немедленную помощь своим братьям. "Приняв меры, - пишет Мэтью Пэрис, - они отправились из дома госпитальеров в Клеркенуэлле в Лондоне и прошли через весь город с копьями наперевес, выставленными щитами и знаменами. Они с пышной помпой промаршировали к мосту и попросили благословения у всех, кто собрался посмотреть на их проход. Братья, действительно, были непокрыты, склоняли головы из стороны в сторону и рекомендовали себя для всеобщих молитв".

Папа Григорий IX уже проповедовал в Европе новый крестовый поход, и тамплиеры, ожидая скорой помощи и желая воспользоваться раздорами, возникшими среди сарацин, возобновили военные действия с султанами Египта и Дамаска. Тибо I., король Наварры и граф Шампани, герцог Бургундский, графы Бретани и Бара, прибывшие в Палестину с несколькими другими дворянами и рыцарями, а также с немалым количеством вооруженных паломников, отправились с отрядом тамплиеров в поход на султана Египта, в то время как Великий магистр готовился к вторжению на территорию султана Дамаска. В кровопролитной битве с мамлюками близ Газы граф де Бар, многие рыцари и знатные особы, а также все пешие воины были убиты; граф де Монфор попал в плен, а все снаряжение и багаж армии были потеряны. Король Наваррский и оставшиеся в живых отступили в Яффу и отплыли из этого порта в Сен-Жан-д'Акр. Прибыв туда, они присоединились к Великому магистру Храма, который расположился лагерем в пальмовой роще Кайфаса. Затем они двинулись в сторону Тивериады, а по прибытии в Сепфорис встретили посланцев, направлявшихся от Салеха Исмаила, султана Дамаска, к Великому магистру Храма с предложением мира и сдачи Иерусалима на следующих условиях: мусульманские и христианские военнопленные должны быть немедленно отпущены на свободу; вся Палестина между берегом моря и Иорданом, за исключением городов св. Авраама, Наплуса и Бисана; христиане должны были помочь султану Дамаска в войне, вспыхнувшей между ним и султаном Египта Ноджмодином Айюбом; Они должны были отправиться со всеми своими силами на юг, чтобы занять Яффу и Аскалон и не дать последнему пройти через Палестину и напасть на султана Дамаска; и, наконец, христиане не должны были заключать перемирие с султаном Египта, если в него не будет включен султан Дамаска. Великий магистр Храма согласился на эти условия и побудил вождей крестоносцев присоединиться к договору, но Великий магистр Госпиталя отказался быть его участником. Говорят, что он заключил отдельный и независимый договор с Ноджмодином Айюбом, который только что взошел на трон Египта, так что один из великих военных орденов остался в состоянии войны с султаном Дамаска, а другой - с султаном Египта. Сразу же после заключения этого договора тамплиеры собрали все имеющиеся у них силы и отправились в Яффу вместе с графом де Невером и недавно прибывшими крестоносцами, а также сотрудничали с армией, которую султан Дамаска направил в этот район для действий против египтян. Тем временем Ричард, граф Корнуоллский, брат Генриха III, короля Англии, приняв крест, прибыл в Палестину и с небольшим отрядом английских

паломников, рыцарей и пехотинцев направился в лагерь тамплиеров в Яффе. С этим долгожданным подкреплением Великий магистр Храма сразу же отправился в Аскалон, заново отстроил замок и восстановил укрепления до состояния, в котором их оставил Ричард Кёр де Лев. Затем тамплиеры попытались завладеть своей древней крепостью Газа (ante, p. 49) - местом, имевшим очень большое значение. Армия, вторгшаяся с юга, могла подойти к Иерусалиму только через Газу или проделать долгий и утомительный путь через пустыню Аравия-Петреа к Караку, а оттуда к Хеврону, к южной оконечности Мертвого моря. Недостаток воды и фуража представлял собой непреодолимое препятствие для похода больших сил в любом другом направлении. Ближе к осени тамплиеры совместно с Салехом Исмаилом, султаном Дамаска, выступили в поход на Газу; они изгнали египтян и завладели разобранными укреплениями. Большие суммы денег были потрачены на восстановление стен крепости, в важном пункте был создан сильный гарнизон, после чего тамплиеры отправились в поход на Иерусалим.

Укрепления Святого города были разобраны Малеком Камелем во время осады Дамииетты, когда, встревоженный военными успехами франков в Египте, он стремился купить безопасность страны уступкой Иерусалима. Поэтому тамплиеры вошли в Святой город без труда и сопротивления; мусульманское население покинуло свои жилища при их приближении, и военные монахи снова вошли в город Давида, босые и босоногие, распевая громкие гимны и песни триумфа. Они бросились в церковь Воскресения и пали на колени перед святыней Гроба Господня; они поднялись на гору Голгофу и посетили предполагаемое место распятия, а затем поспешили в военном строю и при звуках трубы по заброшенным и пустынным улицам города Сиона, чтобы занять свои древние покои на горе Мориа.

Золотой полумесяц был вновь снят с высокой вершины Храма Господня, или Мечети Омара, и над этим священным молитвенным домом мусульман вновь возвысился сверкающий крест. Храм рыцарей-тамплиеров, или мечеть в Аксе (см. стр. 12), был вновь очищен и освящен, а его мрачные залы и просторные помещения вновь украсили белые, религиозные и военные одеяния рыцарей Храма. Большая часть старого монастыря, примыкавшего к Храму, была разрушена, как уже говорилось, великим Саладином, и поэтому военные монахи были вынуждены разбить на просторной территории многочисленные палатки для размещения братии. Звук колокола вновь вытеснил голос муэдзина, "изгнанная вера вернулась в свое древнее святилище", и к имени Иисуса вновь стали обращаться на возвышенных местах и в святилищах *Магомета*. Большой двор мусульман вокруг почитаемой мечети Омара, называемый ими *Эль Шам Шериф*, "благородная отставка", снова зазвенел от топота военных коней, и его уединенные места вновь пробудились от трубного гласа.

Ничто не могло превзойти той радости, с которой весть о повторном взятии Иерусалима была воспринята во всей Палестине и во всем христианстве. Госпитальеры, теперь, когда политика тамплиеров увенчалась успехом, и , что Иерусалим был восстановлен, больше не противились договору с султаном Дамаска, но поспешили сотрудничать с ними для сохранения Святого города, который был так счастливо восстановлен. Патриарх вернулся в Иерусалим (1241 г. н. э.) со всем своим духовенством; церкви были заново освящены, а тамплиеры и госпитальеры опустошили свои сокровищницы на восстановление стен. Следующий рассказ об этих отрадных событиях брат Герман де Перигор передал магистру Храма в Лондоне. "Брат Герман де Перигор, смиренный служитель бедных рыцарей Храма, своему возлюбленному брату во Христе Роберту де Сэндфорду, прецептору в Англии, спасение через Господа.

"Поскольку наш долг - при каждом удобном случае сообщать братству в письмах или через гонцов о состоянии и перспективах Святой Земли, мы спешим сообщить Вам, что после

наших великих успехов в борьбе с султаном Египта и Насером, его сторонником и пособником, великого гонителя христиан, которого мы неустанно старались всеми силами усмирить, они были невольно вынуждены заключить с нами перемирие, пообещав вернуть последователям Иисуса Христа всю территорию по эту сторону Иордана. Мы послали некоторых из наших братьев, благородных и благоразумных людей, в Каир, чтобы они имели беседу с султаном по этим вопросам. Но тот нарушил данное нам обещание, сохранив в своих руках Газу, Святой Авраам, Наплус, Варан и другие места; он продержал наших посланников под стражей более полугода и пытался развлечь нас обманчивыми словами и ничего не значащими предложениями. Но мы, с Божественной помощью, смогли проникнуть в его хитрость и коварство и ясно увидели, что он заключил с нами перемирие, чтобы легче было подчинить своей жестокой власти султана Дамаска и Насера, повелителя Карака, и их территории; А затем, когда он овладеет всей страной, окружающей наши христианские провинции, мы ясно предвидели, что он нарушит веру с нами, по обычаю своего неверного поколения, и нападет на наше бедное христианство по эту сторону моря, которое в своем нынешнем слабом и немощем состоянии было бы не в состоянии эффективно противостоять ему.

"Поэтому, долго и тщательно обдумывая эти вопросы, мы решили, по совету епископов и некоторых баронов страны, немедленно порвать с султаном Египта и заключить договор с султаном Дамаска и с Насером, владыкой Карака, по которому вся страна по эту сторону Иордана, за исключением св. Авраама, Наплуса и Бисана, была передана христианскому богослужению; и, к радости ангелов и людей, святой город Иерусалим теперь населен одними христианами, все сарацины были изгнаны. Святые места были вновь освящены и очищены прелатами церквей, и в тех местах, где имя Господа не призывалось в течение пятидесяти шести лет, теперь, благословен Бог, ежедневно совершаются божественные таинства. Ко всем святыням вновь открыт свободный доступ для верных во Христе, и не приходится сомневаться, что в таком счастливом и благополучном состоянии мы могли бы оставаться еще долго, если бы наши восточные христиане отныне жили в большем согласии и единодушии. Но, увы, противостояние и противоречия, проистекающие из зависти и ненависти, препятствуют нашим усилиям в продвижении этих и других преимуществ для Святой Земли. За исключением прелатов церквей и нескольких баронов, которые оказывают нам посильную помощь, вся тяжесть ее защиты ложится только на наш дом. С помощью султана Дамаска и владыки Карака мы овладели городом Газы, расположенным на границе территории Иерусалима и территории Египта. И поскольку это важное место служит входом из последней страны в Святую Землю, мы, приложив огромные усилия, затратив огромные средства и подвергнувшись большому риску и опасности, привели его в состояние обороны. Но мы боимся, что Бог жестоко отомстит за прошлую неблагодарность, наказав тех, кто был небрежен, равнодушен и мятежен в ведении этих дел.

"Для защиты и сохранения святой территории мы предлагаем возвести укрепленный замок вблизи Иерусалима, что позволит нам легче удерживать владение страной и защищать ее от всех врагов. Однако мы ни в коем случае не сможем долгое время защищать удерживаемые нами места от могущественного и коварного султана Египта, если Христос и его верные последователи не окажут нам действенную поддержку".[\[110\]](#)

Теперь мы должны рассказать о нескольких событиях, связанных с английской провинцией ордена Храма.

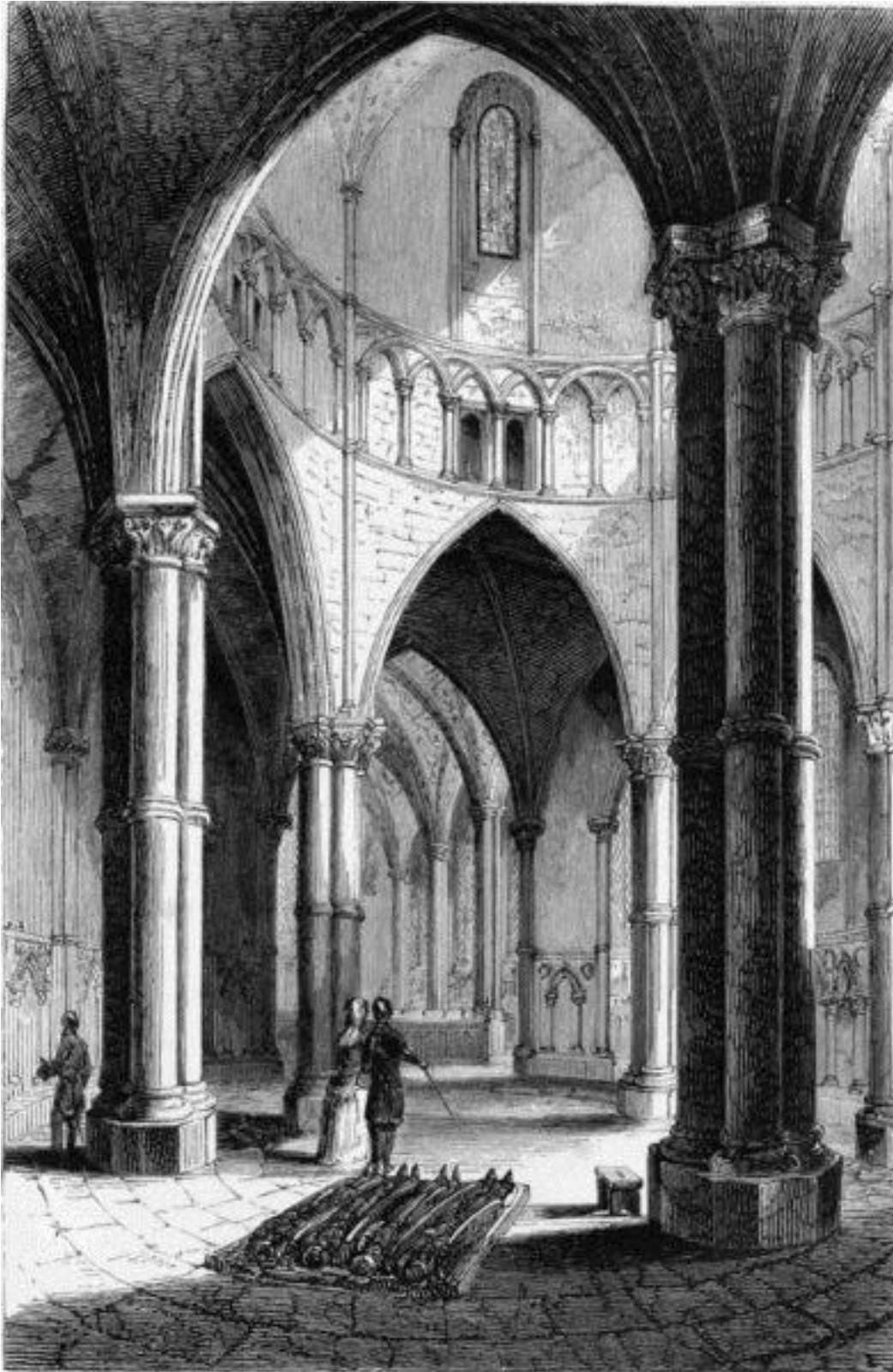
Брат Джеффри, который был магистром Храма в Лондоне во время освящения храмовой церкви Ираклием, патриархом Иерусалимским, умер вскоре после взятия Святого города Саладином, и его сменил брат Амарик де Сен-Мор, который является свидетелем акта,

составленного королем Иоанном (1203 г. н. э.) о предоставлении приданого своей молодой королеве, прекрасной Изабелле Ангулемской. Король Иоанн часто проводил в Храме по несколько недель, оттуда отправлялись письма его лейтенантам, шерифам и бейлифам. Приказы о концентрации английского флота в Портсмуте, чтобы противостоять грозному французскому вторжению, подстрекаемому Папой, датированы Храмом в Лондоне, и соглашение между королем и графом Голландии, по которому последний соглашался помочь королю Иоанну с корпусом рыцарей и вооруженных людей, в случае высадки французов, было опубликовано там же. Во всех конференциях и переговорах между королем Иоанном и римским понтификом рыцари-тамплиеры принимали активное и почетное участие. Два брата ордена были посланы к нему Пандульфом, папским легатом, чтобы устроить ту знаменитую конференцию между ними, которая закончилась полным подчинением короля всем требованиям святого престола. По совету и убеждению тамплиеров Иоанн отправился в прецепторию Темпл-Эвелл, что близ Дувра, где его встретил легат Пандульф, переправившийся из Франции, чтобы посоветоваться с ним, и там подлый король был напуган знаменитым отказом от королевств Англии и Ирландии, "Богу, святым апостолам Петру и Павлу, святой римской церкви, его матери, и его господину, папе Иннокентию Третьему, и его католическим преемникам, во отпущение всех его грехов и грехов всех его людей, как живых, так и мертвых." В следующем году из лондонского Храма был издан приказ короля Иоанна об уничтожении еретиков в Гаскони, адресованный сенешалю этой провинции, и примерно в тот же период тамплиеры стали хранителями различных частных и конфиденциальных дел, рассматриваемых между королем Иоанном и его прославленной невесткой, "королевской, красноречивой и прекрасной" Беренгарией Наваррской, молодой овдовевшей королевой Ричарда *Кер де Льва*. Тамплиеры в Англии управляли денежными операциями этой прекрасной принцессы. Она распорядилась, чтобы ее дауэр выплачивался в доме Нового храма в Лондоне, вместе с причитающимися ей от короля долгами в размере нескольких тысяч фунтов.

Джон жил в храме, когда бароны Англии заставили его подписать Магна Чарта. Мэтью Пэрис рассказывает, что бароны пришли к нему, когда он жил в Новом храме в Лондоне, "в очень решительной манере, одетые в свои военные платья, и потребовали вольностей и законов короля Эдуарда, а также других для себя, королевства и церкви Англии".^[111]

Брата Амарика де Сен-Мора, магистра английской провинции ордена, сменил брат Алан Марсель, друг и корреспондент Великого магистра Петра де Монтайгу (ante [p. 161](#)). Он возглавлял орден в Англии в течение шестнадцати лет и был нанят королем Генрихом Третьим для участия в различных важных переговорах. Он был магистром Храма в Лондоне, когда Реджинальд, король острова Мэн, по совету и убеждению легата Пандульфа, торжественно передал в этом месте свой остров папе и его католическим преемникам и согласился отныне держать его в качестве феодального владения Римской церкви. 28 апреля 1224 года магистр, брат Алан Марцелл, был нанят королем Генрихом для переговоров о перемирии между ним и королем Франции. Король Англии, судя по всему, в это время проживал в Храме, и верительные грамоты были составлены там же, в присутствии архиепископа Кентерберийского, нескольких епископов и Губерта, главного юстициария. Через год после этого Алан Марселл был отправлен в Германию для переговоров о заключении брачного договора между королем Генрихом и дочерью герцога Австрийского.^[112] Брата Алана Марселла сменил брат Амберальдус. Следующим магистром английской провинции стал Роберт Маунфорд, а за ним последовал Роберт Сэнфорд (ante [p. 56](#)).

Во время правления Роберта Сэнфорда, в День Вознесения, 1240 г. н. э., продолговатая часть Храмовой церкви, отходящая к востоку от "Круга", была освящена в присутствии короля Генриха Третьего и всего его двора, а также большей части знати королевства. Эта часть священного сооружения была выполнена в более легком и пышном архитектурном стиле, чем более ранняя Круглая церковь, освященная патриархом Ираклием (ante [p. 46](#)). Стены были пронизаны многочисленными тройными стрельчатыми окнами, заполненными витражами, а пол был покрыт мозаичной плиткой. Крышу поддерживали темно-серые мраморные колонны Pur besk, а сводчатый потолок был украшен Вифлеемской звездой и орнаментом из матового серебра на голубом фоне. Обширное пространство церкви было открыто и не загромождено скамьями, и красота колонн и окон, живые цвета плиточного пола и изящные пропорции ткани были видны с первого взгляда. После освящения король распорядился содержать в храме трех капелланов, которые должны были ежедневно читать три мессы: одну - для самого короля, другую - для всех христиан, а третью - для усопших верующих.[\[113\]](#)

ИНТЕРЬЕР ХРАМОВОЙ ЦЕРКВИ

Король Генрих III был одним из величайших благодетелей ордена. Он пожаловал тамплиерам поместья Лиллестон, Хечвейтон и Саунфорд, лес Карлетон, Кингсвуд близ Чиппенхана, мессидж и шесть боватов земли с прилежащими к ним участками в Грейт-Лимбурге; ярмарку в Уолнесфорде, в графстве Эссекс, раз в три года на три дня, которая начиналась в годовщину обезглавливания св. Иоанна Крестителя; также ежегодные ярмарки и еженедельные рынки в Ньюбурге, Уолнесфорде, Балсолле, Киркеби и множестве других

мест; он даровал им свободное поле во всех их земельных владениях; и своей знаменитой хартией, датированной 9-м днем февраля в одиннадцатый год своего правления, он подтвердил им все пожертвования своих предшественников и других их благодетелей и даровал им огромные привилегии и иммунитеты в следующих благочестивых и благоговейных выражениях.

"Король и т. д., всем архиепископам, епископам, баронам и т. д. и т. п., к которым придут эти подарки, спасение через Господа. Да будет вам известно, что мы даровали и подтвердили Богу и благословенной Марии, а также братьям рыцарства храма Соломона все разумные пожертвования земель, людей и элемеосинарных даров, дарованных им нашими предшественниками, или другими в прошлые времена, или нами в настоящее время, или которые могут быть в будущем дарованы им королями или либеральностью подданных, или могут быть приобретены, или будут приобретены любым другим способом, а также церкви и мирские блага и владения; Поэтому мы хотим и твердо повелеваем, чтобы вышеупомянутые братья и их люди имели и держали все свои владения и элемеосинарные пожертвования со всеми свободами и свободными обычаями и иммунитетами, в лесу и на равнине, на лугу и пастбище, на воде и водяных мельницах, на дорогах и окольных путях, в прудах и проточных ручьях, на болотах и рыбных ловлях, в графствах и на широких акрах, в бурге и за бургом, с soc и sac, tol и theam, infangenethef и unfangenethef, hamsoc и grithbrich, и blodwit и fictwit, и flictwit и ferdwite, и hengewite и lierwite, и flemenefrith, убийства, грабежи, forstall, ordel, oreste, в сезон и вне сезона, во все времена и во всех местах, &c.

"Мы также постановляем, чтобы вышеупомянутые братья впредь навсегда были освобождены от королевских, шерифских и офицерских пособий, от укрывательства и карукажа, от дани и рога, от военной и вапентской службы, и от скутажей, и от ластажей, и от сталажей, и от ширсов, и от сотен, и от плейсов, и от вардов, и от вардпени, и от аверпени, и от сотенпени, и от боретальпени, и от ттингпени, и от работ по возведению замков, парков, мостов и навесов; и от повинностей, связанных с обеспечением карет и грузовых животных, лодок и судов, и от строительства королевских домов, и от всех других работ. И мы запрещаем всем людям брать древесину из их лесов и лесных массивов для таких работ или для любых других целей: ни их зерно, ни зерно их людей, ни любое их имущество, ни имущество любого принадлежащего им человека не должно быть взято для укрепления замков. Мы также завещаем, чтобы они имели свободную и полную свободу рубить и валить лес, когда им заблагорассудится, во всех своих лесах, для использования их братства, без всякого позволения или препятствия; и за это они не должны подвергаться конфискации или растрате, или каким-либо образом быть наказанными по закону. И все их земли, а также земли, которые они или их люди очистили от древесины и восстановили из леса, или которые они могут очистить в будущем, с согласия короля, мы делаем свободными навечно впредь от расточительного отношения и взглядов лесничих, а также от всех других обычаев. И мы также предоставляем вышеупомянутым братьям привилегию рубить деревья во всех лесах, которыми они владеют в настоящее время в границах леса, и расчищать и вводить землю в обработку без всякого разрешения наших судебных приставов, чтобы они никогда в будущем не были призваны к ответу ни нами, ни нашими наследниками, ни кем-либо из наших судебных приставов.

"Кроме того, мы постановляем, что вышеупомянутые братья и их люди должны быть свободны от всякой пошлины на всех рынках и ярмарках, а также при переходе через мосты, дороги и паромы на всей территории нашего королевства и во всех землях, в которых мы можем предоставить свободу; и все их рынки и рынки их людей должны быть таким же образом свободны от всякой пошлины. Мы предоставляем и подтверждаем также

вышеупомянутым братьям, что если кто-либо из их людей будет осужден на лишение жизни или конечностей за преступление, или будет скрываться от правосудия, или совершит какое-либо преступление, за которое он подвергся конфискации своих товаров и имущества, то товары и имущество, конфискованные таким образом, будут принадлежать вышеупомянутым братьям, независимо от того, принадлежит ли рассмотрение этого преступления нашему суду или любому другому низшему суду; И будет законным для вышеупомянутых братьев, при таких обстоятельствах и в таких случаях, вступить во владение вышеупомянутыми товарами и имуществом в то время, когда наши судебные исполнители захватили бы или должны были захватить их в наши руки, если бы эти товары и имущество принадлежали нам, без помех или препятствий со стороны шерифов или судебных исполнителей, или любых других лиц, независимо от того.

"Мы также признаем за вышеупомянутыми братьями, что животные, называемые *вайф*, потерянные их владельцами и найденные в пределах феода тамплиеров, должны принадлежать вышеупомянутым братьям, если за ними не последует кто-то, способный и желающий доказать, что они принадлежат ему, и если они не будут разысканы и получены владельцем в течение умеренного периода времени, в соответствии с обычаями этой страны. И если случится, что кто-либо из арендаторов вышеупомянутых братьев лишится своего феода, то для этих братьев будет законным вступить во владение этим феодем и удерживать его, несмотря на закон, который уступает нам владение феодем беглецов и преступников, в течение года и одного дня. Таким же образом, если кто-либо из людей вышеупомянутых братьев понесет штраф, который должен быть уплачен нам или любому из наших судебных приставов по любому процессу, или за любое преступление, или по любому другому поводу, то денежные суммы должны быть собраны и принесены в кошельке в нашу кассу, и там переданы вышеупомянутым братьям; приговор о смерти и конечности всегда остается в ведении королевской власти.

"Более того, мы постановляем, что если какая-либо из вольностей и привилегий, содержащихся в этой нашей хартии, окажется неиспользованной в течение длительного времени, то такое неиспользование ни в коем случае не наносит ущерба праву, но такая вольность или привилегия может быть вновь использована без противоречий, несмотря на то, что она была прекращена и не использовалась, как указано выше. И все вышеупомянутые вещи, а также все другие светские службы и обычаи, которые не включены в настоящее письмо, мы, из любви к Богу и ради блага души господина короля Иоанна, нашего отца, и ради блага душ всех наших предшественников и преемников, даруем и подтверждаем им, как вечный дар милостыни, со всеми свободами и свободными обычаями, так полно, свободно и эффективно, как королевская власть может даровать их любому религиозному дому. И мы запрещаем всем лицам под страхом конфискации действовать против них или их людей вопреки этой нашей хартии, ибо мы взяли вышеупомянутых братьев, и все их товары, и имущество, и всех их людей под нашу особую опеку и защиту. Свидетельствует король в Вестминстере в 9-й день февраля в одиннадцатый год нашего царствования".^[114]

По королевскому пожалованию *soc* и *sac*, *tol* и *theam*, и т. д. и т. п., тамплиеры были наделены властью проводить суды, налагать и взимать штрафы и амерсиаменты со своих арендаторов, судить и наказывать своих холопов и вассалов, разбирать ссоры и разногласия, возникавшие между ними, судить воров и злоумышленников, принадлежащих к их поместьям, судить и наказывать воров и злоумышленников, принадлежащих к их поместьям, а также всех иностранных воров, захваченных в их владениях, судить и наказывать нарушителей мира и незаконные проникновения в дома их арендаторов, налагать и взимать

амерсиаменты за отсечение и увечье, а также за кровопролитие, судить и наказывать штрафом или тюремным заключением соблазнитель их женщин, а также всех лиц, совершивших прелюбодеяние и блуд в их поместьях. Они имели право судить преступников путем ордалий, или страшного испытания огнем и водой; и, наконец, у них была огромная привилегия ямы или виселицы, то есть право предавать осужденных воров смерти, вешая их, если они были мужчинами, и топя их, если они были женщинами! По королевской хартии тамплиеры, кроме того, были освобождены от штрафа, который по праву полагался королю за повешение воров без формального суда и приговора по закону; они были освобождены от налогов на пастбища, пашни и рогатый скот, от датской дани, от всех военных служб и от всех обычных феодальных повинностей.[115]

ГЛАВА VI.

Завоевание Иерусалима каризмийцами - рост и продвижение команов - их поражение и уничтожение тамплиерами - подвиги тамплиеров в Египте - король Франции Людовик посещает тамплиеров в Палестине - помогает им привести страну в обороноспособное состояние - Генрих III, король Англии, посещает храм в Париже - великолепное гостеприимство тамплиеров в Англии и Франции - Бендокдар, султан Египта, вторгается в Палестину - он побеждает тамплиеров, берет их сильные крепости, Великий магистр прибывает в Англию за помощью - возобновление войны - падение Акры - тамплиеры основывают штаб-квартиру на острове Кипр - союз с королем Персии - повторное завоевание Иерусалима - опустошение Святой земли - окончательное исчезновение тамплиеров в Палестине.

"Рыцари Храма всегда сохраняли свой бесстрашный и фанатичный характер; если они пренебрегали *жизнью*, то готовы были *умереть* на службе Христу" - Гиббон.

Вскоре после восстановления святого города (1242 г. н. э.) Иерусалим посетил мусульманин Джемал'эддин. "Я видел, - говорит он, - монахов и священников-хозяев Храма Господня. Я видел сосуды с вином, приготовленные для жертвоприношения. Я вошел в мечеть Аль-Акса (храм рыцарей-тамплиеров, см. выше, [с. 12](#)) и увидел колокол, подвешенный к куполу. Обряды и церемонии мусульман были отменены, призыв к молитве больше не звучал. Неверные публично совершали свои идолопоклоннические обряды в святилищах мусульман".[116] По совету Бенедикта, епископа Марсельского, прибывшего в святой город с паломничеством, тамплиеры отстроили свой древний и некогда грозный замок Сафет, ветхие руины которого были уступлены им по недавнему договору с Салехом Исмаилом. Во время паломничества к Тивериадскому озеру и берегам Иордана марсельский епископ остановился в Сафете и провел ночь среди развалин древнего замка, где обнаружил одинокого рыцаря-тамплиера, несущего вахту в жалкой лачуге. Пораженный расположением этого места и его важностью с военной точки зрения, он по возвращении в Акко добился беседы с Великим магистром Храма и призвал его восстановить замок Сафет в его первоизданном виде. Епископа пригласили присутствовать на общем собрании ордена Храма, где обсуждался этот вопрос, и единогласно было решено, что гора Сафет должна быть немедленно укреплена. Епископ сам заложил первый камень и вдохновил рабочих энергичной речью. На строительстве было занято восемьсот пятьдесят каменщиков и ремесленников, а также четыреста рабов. За первые тридцать месяцев после начала работ тамплиеры потратили на них одиннадцать тысяч золотых безантов, а в последующие годы -

до сорока тысяч. По окончании строительства ширина стен составила шестьдесят французских футов, высота - сто семьдесят, а их окружность - две тысячи двести пятьдесят футов. Их окружали семь больших круглых башен диаметром шестьдесят футов и на семьдесят два фута выше стен. Фосс, окружавший крепость, был шириной тридцать шесть футов и был пробит в твердой скале на глубину сорок три фута. Гарнизон в мирное время составлял тысячу семьсот человек, а в военное - две тысячи двести. Ежегодно в стенах крепости потреблялось двенадцать тысяч мулов кукурузы и ячменя; в дополнение ко всем обычным расходам и потребностям учреждения тамплиеры содержали хорошо обставленный стол и прекрасные условия для всех паломников и путешественников. "Щедрые расходы тамплиеров в этом месте, - говорит современный историк, - делают их поистине достойными либеральности и щедрости верующих".^[117]

Руины этого знаменитого замка, венчающего вершину возвышенной горы, истерзанной и разбитой землетрясениями, до сих пор представляют собой потрясающий вид. Во времена Покока "две особенно прекрасные большие круглые башни" были целыми, а Ван Эгмонт и Хейман дают следующий отчет о состоянии крепости в период своего визита. "Следующим местом, которое привлекло наше внимание, была цитадель, которая является самым большим объектом любопытства в Сафете и, как правило, считается одним из самых древних сооружений, сохранившихся в стране. Чтобы составить некоторое представление об этом укреплении в его нынешнем виде, представьте себе высокую гору, а на ее вершине - круглый замок со стенами невероятной толщины, с *коридором* или крытым переходом, тянущимся вокруг стен и поднимающимся по винтовой лестнице. Толщина стен и коридора вместе составляла двадцать шагов. Вся крепость была построена из тесаного камня, а некоторые камни достигали восьми или девяти пролетов в длину. Этот замок в древности был окружен огромными сооружениями, о чем свидетельствуют остатки двух рвов, выложенных свободным камнем, несколько фрагментов стен, фальшбортов, башен и т.д., все очень прочные и крепко сложенные; а под этими рвами - другие массивные сооружения, с коридорами вокруг них, такими же, как в замке; так что любой человек, осмотрев эти укрепления, может удивиться, как такая сильная крепость могла быть когда-либо взята." Среди различных интересных остатков этого замка эти умные путешественники описывают "большое сооружение из свободного камня в форме купола или купола. Камни, почти белые, поражают своей величиной: некоторые из них имеют двенадцать пролетов в длину и пять в толщину. Внутри полно ниш для размещения статуй, а рядом с каждой нишей находится небольшая камера. Вокруг здания тянется открытая колоннада, которая, как и все остальное сооружение, очень массивна и компактна".^[118]

Когда султану Египта сообщили о походе тамплиеров в Иерусалим и о повторном захвате монахами святых мест и святынь мусульман, он послал через пустыню армию в несколько тысяч человек, чтобы изгнать их из Святого города, пока они не успели отремонтировать укрепления и заново возвести стены. Тамплиеры собрали все свои силы и выступили навстречу египтянам. Они заняли проходы и дефиле в горной местности, ведущие к Иерусалиму, и одержали славную победу над мусульманами, изгнав большую их часть в пустыню. Султан Египта Айюб, оказавшись не в силах противостоять грозному союзу тамплиеров с Салехом Исмаилом, призвал себе на помощь свирепые пастушеские племена каризмиев. Это был воинственный народ, который был изгнан из своих мест обитания в окрестностях Каспия успешным оружием моголов и бросился на слабые и безвольные народы юга. Они опустошили и привели в запустение Армению и северо-западные районы Персии, отрубая мечом или уводя в плен всех, кто осмеливался противостоять их

продвижению. В течение многих лет они вели кочевой образ жизни, истощая ресурсы одного района, а затем переходя в другой, не создавая никаких постоянных поселений и не имея постоянных мест обитания, и их разрушительное продвижение арабские писатели сравнивали с бурей или страшным наводнением. Грубые тяготы их бродячей жизни наделили их пассивной выносливостью, которая позволяла им преодолевать все препятствия и справляться с любыми трудностями. Их одежда состояла из одинокой овечьей или волчьей шкуры, обвязанной вокруг поясицы; для еды и питья им хватало вареной травы и немного воды или молока; их оружием были лук и копье; они проливали кровь своих собратьев с тем же безразличием, что и кровь полевых зверей. Их жены и дети сопровождали их поход, подвергаясь всем опасностям и усталости; их палатки были их домами, а место их лагеря - их единственной страной. Ничто не могло превзойти ужас, наводимый на Армению и Персию военными походами этих грубых и свирепых пастухов Каспия, которые были врагами всех рас и народов и проявляли глубокое безразличие к любой религии.

Каризматы стояли лагерем на левом берегу Евфрата, пасли свою конницу на соседних равнинах, когда их вождь Барбех-хан получил депешу от султана Египта с предложением сотрудничать и помочь в освобождении Палестины. Преувеличенные сведения о плодородии и богатстве этой земли разбудили их честолюбие, и им предложили поселиться в стране, как только она будет спасена из рук франков. Посланники показали письменные письма султана Египта; они преподнесли каризмийскому вождю несколько богатых шалей и великолепные подарки и вернулись к своему господину в Большой Каир с обещаниями скорой поддержки. Каризмийцы собрались вместе, переправились через Евфрат (1244 г. н. э.) на маленьких кожаных лодках, опустошили территории султана Алеппо и прошли по равнине Оронта до Хемса, опустошая огнем и мечом всю страну вокруг себя. Известие об этих событиях дошло до Великого магистра Храма, когда он был занят восстановлением огромных и обширных укреплений Святого города. Был созван военный совет, на котором было решено, что Иерусалим неприступен и что Святой город должен быть вновь оставлен неверным. Госпитальеры в черных мантиях и тамплиеры в белых халатах выстроились в боевой порядок на улицах Иерусалима, а плачущих христиан вновь призвали покинуть свои дома и воспользоваться сопровождением и защитой военных монахов до Яффы. Многие собрали свое небольшое имущество и покинули преданный город, а многие остались на родине среди любимых и дорогих им мест. Вскоре, однако, до Иерусалима дошли страшные вести об ужасах каризмийского нашествия, и беглецы, с ужасом и изумлением бежавшие от их разрушительных действий, подняли тревогу и смятение по всей земле. Несколько тысяч христиан, оставшихся в живых, попытались бежать с женами и детьми через горы к равнине Рамлех и морскому побережью, полагаясь на перемирие и договор о союзе, заключенный с Насером Даудом, повелителем Карака, и горцами. Но жители горного края, представляющие собой отряд незаконных грабителей и разбойников, напали на них и разграбили. Одних убивали, других уводили в плен. Несколько человек бежали обратно в Иерусалим, а остальные, поохотившись по горам, спустились на равнину Рамлеха, где на них напали каризмийцы, и только тремстам из всего их числа удалось благополучно добраться до Яффы. Все женщины и дети были взяты в плен в горах, среди них было несколько святых монахинь, которых отправили в Египет и продали на общих невольничьих рынках.

Каризмийцы продвинулись на равнину Рамлех через Баальбек, Тиверию и Наплус, а теперь направили свои стопы к Иерусалиму. Они вошли в Святой город с мечом в руках, расправились с немногими оставшимися христианами в церкви Гроба Господня, разграбили город и разрыли гробницы царей в поисках сокровищ. Затем они двинулись на Газу, взяли город штурмом и предали мечу гарнизон, после чего отправили гонцов через пустыню к

султану Египта, чтобы сообщить о своем прибытии. Айюб немедленно отправил их вождю почетную мантию и роскошные подарки, а также спешно выслав из Каира свою армию под командованием Рокмеддина Бибарса, одного из главных мамлюков, чтобы присоединиться к ним перед Газой. Великие магистры Храма и Госпиталя, напротив, собрали свои силы и соединились с войсками султана Дамаска и владыки Карака. Они двинулись на Газу, напали на объединенные армии египтян и каризмийцев и были уничтожены в кровопролитном сражении, продолжавшемся два дня. Великий магистр Храма и все его рыцарство погибли в этой кровавой схватке, а великий магистр Госпиталя был взят в плен и уведен в неволю.^[119]

Управление орденом Храма, в связи со смертью Великого магистра, временно перешло к рыцарю-тамплиеру, брату Уильяму де Рошфору, который немедленно отправил меланхоличное письмо Папе и архиепископу Кентерберийскому, подробно описывая ужасы и жестокости каризмийского нашествия. "Эти вероломные дикари, - пишет он, - проникли в ворота святого города Израиля, а оставшийся там небольшой остаток верующих, состоящий из детей, женщин и стариков, укрылся в церкви гроба Господня. Каризматы бросились на это святое святилище; они зарезали их всех перед самым гробом и, отрубив головы священникам, стоявшим на коленях с воздетыми руками перед алтарями, говорили друг другу: "Прольем здесь кровь христиан *на том самом месте, где они возносят вино своему Богу, который, по их словам, был здесь повешен*". Более того, со скорбью и воздыханием сообщаем вам, что, возложив свои святотатственные руки на саму гробницу, они с грустью опрокинули ее и разбили вдребезги мраморную святыню, воздвигнутую вокруг этого святого святилища. Они осквернили всеми мерзостями, на которые были способны, гору Голгофу, где был распят Христос, и всю церковь Воскресения. Они сняли скульптурные колонны, которые были поставлены в качестве украшения перед гробом Господним, и в знак победы и в качестве насмешки над христианами отправили их на гробницу нечестивого Магомета. Они нарушили гробницы счастливых королей Иерусалима в той же церкви и, к ущербу христианства, развеяли прах этих святых людей по ветру, непочтительно осквернив почитаемую гору Сион. Храм Господень, церковь в долине Иосафата, где погребена Богородица, Вифлеемскую церковь и место рождения Господа нашего они осквернили слишком ужасными преступлениями, чтобы их описывать, намного превышающими беззакония всех сарацин, которые, хотя и часто захватывали земли христиан, всегда почитали и хранили святые места....". Затем описываются последующие военные действия; поход тамплиеров и госпитальеров 4 октября 1244 года н. э. из Акко в Кесарию; соединение их сил с силами мусульманских султанов; отступление каризмийцев в Газу, где они получили помощь от султана Египта; подготовка госпитальеров и тамплиеров к атаке перед этим местом. "Эти святые воины, - говорят они, - смело бросились на врага, но присоединившиеся к нам сарацины, потеряв многих своих людей, бежали, и воины креста остались одни, чтобы противостоять объединенной атаке египтян и каризмийцев. Как стойкие поборники Господа и истинные защитники католичества, которых одна и та же вера, один и тот же крест и страсти делают настоящими братьями, они храбро сопротивлялись; но поскольку их было мало по сравнению с врагом, они в конце концов сдались, так что из монастырей рыцарского дома Храма и дома госпиталя св. Иоанна в Иерусалиме, спаслись только тридцать три тамплиера и двадцать шесть госпитальеров; архиепископ Тира, епископ Святого Георгия, аббат Святой Марии Иосафатской, магистр Храма и многие другие священнослужители и святые люди были убиты в той кровопролитной схватке. Мы сами, своими грехами спровоцировав это страшное бедствие, полумертвыми бежали в Аскалон; оттуда морем отправились в Акко, и нашли этот город и прилегающую провинцию наполненными скорбью и трауром, несчастьем и смертью. Не было ни одного дома, ни одной семьи, которая не потеряла бы кого-нибудь из жильцов или родственников.

"Каризмийцы разбили свои палатки на равнине Акко, примерно в двух милях от города. Они распространились по всей территории страны вплоть до Назарета и Сафета. Они вырезали или прогнали домохозяев, заняли их дома и разделили между собой их имущество. Они назначили в городах и деревнях судебных приставов и сборщиков налогов и заставляют крестьян и холопов платить себе ренту и дань, которые они прежде платили христианам, так что у Иерусалимской церкви и христианского королевства нет теперь никакой территории, кроме нескольких укреплений, которые с большим трудом и старанием защищают тамплиеры и госпитальеры..... Вам, дорогой отец, на ком справедливо лежит бремя защиты дела Христова, мы повелели сообщить эти печальные вести, убедительно умоляя вас обратиться с молитвами к престолу благодати, умоляя Всевышнего о милости, чтобы тот, кто освятил Святую Землю своей кровью во искупление всего человечества, сострадал ей, защищал ее и посылал ей помощь. Но знайте, что если по заступничеству Всевышнего или благодаря помощи верных Святая Земля не получит помощи в следующем весеннем переходе из Европы, ее гибель предрешена, и полное разорение неизбежно. Дано в Акко, в пятый день ноября, в год Господа нашего тысяча двести сорок четвертый".^[120]

Вышеупомянутое письмо было зачитано на общем церковном соборе, собранном в Лионе папой Иннокентием IV, и было принято решение о новом крестовом походе. Было предусмотрено, что те, кто принял крест, должны собраться в определенных местах, чтобы получить благословение папы; что должно быть заключено перемирие на четыре года между всеми христианскими князьями; что в течение всего этого времени не должно быть ни турниров, ни пиров, ни публичных ликований; Всех верных Христу увещевали жертвовать из своих состояний и поместий на защиту Святой Земли; церковники должны отчислять на эти цели десятую часть, а кардиналы - двадцатую часть всех своих доходов в течение трех лет подряд. Однако древний энтузиазм в пользу дальних походов на Восток угас; обращения и увещевания духовенства теперь не находили отклика, и тамплиеры и госпитальеры в течение нескольких лет получали лишь небольшую помощь людьми и деньгами. Император Фредерик, по-прежнему носивший пустой титул короля Иерусалима, не предпринимал никаких попыток спасти рухнувшее королевство. Его невеста, прекрасная и юная Виоланта, королева Латинского королевства, была мертва уже несколько лет, убитая его холодностью и пренебрежением; а о своих восточных подданных и Святой земле император не думал, разве что издевался над теми, кто эту землю так доблестно защищал. В письме к Ричарду графу Корнуэльскому, брату Генриха Третьего, короля Англии, Фридрих обвиняет тамплиеров в том, что они, вопреки договору, заключенному с этим монархом, начали войну с султаном Египта, чтобы заставить его призвать на помощь каризмийцев; а союз тамплиеров с неверным султаном в целях обороны он сравнивает с попыткой погасить огонь, вылив на него некоторое количество масла. "Гордая религия Храма, - продолжает он, - возвращенная среди роскоши баронов этой страны, становится все более распутной. Нам стало известно от некоторых религиозных лиц, недавно прибывших из-за моря, что вышеупомянутые султаны и их свита были приняты с помпезной щедростью в воротах домов Храма, и что тамплиеры позволили им совершать в них свои суеверные обряды и церемонии, с призывами Магомета, и предаваться светским удовольствиям".^[121] В разгар всех этих ужасных бедствий в замке пилигримов был собран общий капитул рыцарей-тамплиеров, и ветеран-воин, брат Вильгельм де Соннак, был избран (1247 г. н. э.) Великим магистром ордена.^{121]} В то же время в западные прецептории были разосланы циркулярные мандаты, созывающие всех братьев в Палестину и предписывающие немедленно перевести все деньги, находящиеся в различных казначействах, в штаб-квартиру ордена в Акре. Эти призывы были быстро исполнены, и папа похвалил тамплиеров и госпитальеров за рвение и энергию, проявленные ими при отправке новопринятых рыцарей и послушников с вооруженными отрядами и большим количеством сокровищ на помощь святой территории.

В то время как предполагаемый крестовый поход медленно продвигался, святой понтифик написал султану Египта, союзнику каризмийцев, предлагая мир или перемирие, и получил следующий величественный и великолепный ответ на свое сообщение: "Папе, благородному, великому, духовному, нежному, святому, тринадцатому из апостолов, вождю сынов крещения, первосвященнику христиан, (да укрепит его Бог, утвердит его и даст ему счастье!) от могущественнейшего султана, властвующего над шеями народов; владеющего двумя великими видами оружия - мечом и пером; обладающего двумя выдающимися достоинствами - ученостью и рассудительностью; царя двух морей; правителя Юга и Севера; царь области Египта и Сирии, Месопотамии, Медии, Идумеи и Офира; царь Салоф-Беелфет, Иаков, сын султана Камела, Хемевафар-Мехамет, сын султана Хаделя, Робетр, сын Иакова, царство которого да осчастливит Господь Бог.

"Во имя Бога милостивого и сострадательного. Письма папы, благородных, великих и т. д., и т. п. были представлены нам на . Да благоволит Бог к тому, кто искренне ищет праведности и творит добро, и желает мира, и ходит путями Господними. Да поможет Бог тому, кто поклоняется Ему в истине. Мы рассмотрели вышеупомянутые письма и поняли изложенные в них вопросы, которые нас порадовали и восхитили; и посланник, посланный святым папой, прибыл к нам, и мы заставили его предстать перед нами с честью, и любовью, и благоговением; мы привели его к нам лицом к лицу, и, склонив к нему наши уши, мы слушали его речь, и мы поверили в слова, которые он сказал нам о Христе, на Котором спасение и хвала. Но мы знаем о том же Христе больше, чем вы, и превозносим Его больше, чем вы. Что же касается того, что вы говорите о своем желании мира, спокойствия и тишины и о том, что вы хотите прекратить войну, то и мы желаем того же; мы не желаем и не хотим ничего противоположного. Но пусть папа знает, что между нами и императором (Фридрихом) существует взаимная любовь, союз и полное согласие со времен султана, моего отца (которого да сохранит Бог и поместит в славу своего сияния!), а между вами и императором, как вы знаете, существуют распри и войны; поэтому нам не подобает заключать какой-либо договор с христианами, пока мы предварительно не получим его совет и согласие. Поэтому мы написали нашему посланнику при императорском дворе о предложениях, сделанных нам посланником папы, &c..... Это письмо было написано седьмого числа месяца *Махарана*. Хвала единому единственному Богу, и да пребудет его благословение на нашем господине, *Маромете*".[122]

В течение нескольких лет каризмийцы были уничтожены. Султан Египта, не нуждаясь больше в их услугах, оставил их погибать на землях, которые они опустошали. На них напали султаны Алеппо и Хемса, их с одинаковой яростью преследовали мусульмане и христиане. Тамплиеры и госпитальеры подробно разрубили несколько больших тел, и в конце концов они были убиты до единого человека. Само их имя исчезло с лица земли, но следы их существования еще долго сохранялись в руинах и запустении, которые они распространяли вокруг себя.[123] Святая Земля, хотя и была счастливо избавлена от разрушительного присутствия этих варваров, все еще могла опасаться могущественного султана Египта, с которым все еще продолжались военные действия; И брат Уильям де Соннак, Великий магистр Храма, с целью стимулировать вялую энергию английского народа и возродить его святое рвение и энтузиазм в деле креста, отправил в Англию выдающегося рыцаря-тамплиера, которому было поручено преподнести королю Генриху Третьему великолепную хрустальную вазу, содержащую, как утверждалось, частицу крови Иисуса Христа!

Торжественное свидетельство подлинности этой драгоценной реликвии, подписанное патриархом Иерусалимским, епископами, аббатами и баронами Святой Земли, было

отправлено в Лондон и вместе с вазой и ее содержимым передано на хранение в соборную церковь Святого Павла. Король приказал епископам и духовенству благочестиво и трепетно собраться в соборе Святого Павла в годовщину перевода святого Эдуарда Исповедника в полном каноническом облачении, со знаменами, крестами и зажженными восковыми свечами. Накануне этого дня, по словам монаха из Сент-Олбанса, который лично помогал в проведении церемонии, "наш господин король, с благочестивым и раскаянным духом, как и подобает христианнейшему принцу, постясь на хлебе и воде, и бодрствуя всю ночь с большим светом, и выполняя множество благочестивых упражнений, благоразумно подготовился к торжественному дню завтрашнего дня". На следующий день, когда процессия епископов, монахов и священников была должным образом выстроена, король Генрих появился на ступенях у южной двери собора Святого Павла и, приняв с "величайшей честью и страхом" маленькую вазу, содержащую памятное сокровище, публично пронес ее по улицам Лондона, держа над своим лицом. С обнаженной головой, одетый в скромную одежду, он шел пешком, не останавливаясь, до Вестминстерского аббатства; и хотя он шел по грубым и неровным тротуарам, он неизменно держал свой взгляд неподвижно устремленным то на небо, то на вазу". Он совершил торжественную процессию вокруг аббатства, затем вокруг Вестминстерского дворца, а потом вокруг собственной опочивальни, все время неустанно неся над головой драгоценную реликвию, после чего преподнес ее Богу и церкви Святого Петра, своему дорогому Эдуарду и священному монастырю в Вестминстере.[124]

Тем временем команы, еще одно свирепое пастушеское племя странствующих татар, пробрались через христианскую провинцию Армения в княжество Антиохия и опустошили оба берега Оронта, уводя жителей в плен. Король Армении и князь Антиохии отправили гонцов к тамплиерам и госпитальерам с просьбой о помощи, и Великие магистры, собрав все свои свободные силы, поспешили на помощь бедствующим провинциям. В долгой и кровопролитной битве, разыгравшейся неподалеку от железного моста через Оронт, команы были повержены и перебиты, а огромный и богатый город Антиохия спасен от разграбления. Госпитальеры понесли серьезные потери в этом сражении, а брат Бертран де Компс, их Великий магистр, умер от ран через четыре дня после битвы.

В июне 1249 года галеры тамплиеров под командованием Великого магистра Вильгельма де Соннака покинули Акко со всеми своими боевыми силами на борту и присоединились к великой французской экспедиции короля Людовика Французского, направленной против неверных в Египте. После взятия Дамьетты брат Уильям де Соннак направил магистру Храма в Лондоне следующее письмо:- "Брат Уильям де Соннак, милостью Божьей магистр бедного рыцарства Храма, своему возлюбленному брату во Христе Роберту де Санфорду, прецептору Англии, спасение через Господа. Мы спешим сообщить вам этими подарками, приятные и счастливые разведданные..... (Он подробно описывает высадку французов, поражение неверных с потерей одного солдата-христианина и последующее взятие города). Дамьетта, таким образом, была взята не нашими заслугами, не мощью наших вооруженных отрядов, а благодаря Божественной силе и помощи. Кроме того, да будет вам известно, что король Людовик, с Божьей благосклонностью, предлагает совершить поход на Александрию или Каир с целью освобождения наших братьев, находящихся там в плену, и приведения, с Божьей помощью, всей земли к христианскому богослужению. Прощайте".[125]

Лорд де Жуанвиль, друг короля Людовика и один из самых храбрых французских капитанов, дает живой и интересный рассказ о кампании и о подвигах тамплиеров. Во время похода на Каир они возглавляли колонну христианской армии, и однажды, когда король Франции отдал строгий приказ не нападать на неверных и избегать столкновения, на них двинулась турецкая

конница. "Один из этих турок, - рассказывает Жуанвиль, - нанес рыцарю-тамплиеру из первой шеренги такой сильный удар своим боевым топором, что тот упал под ноги лошади лорда Реджинальда де Вишье, который был маршалом Храма; маршал, увидев, что его человек упал, крикнул своим братьям: "На них, во имя Бога, ибо я не могу больше этого выносить". Он тут же воткнул шпоры в своего коня, за ним последовали все его братья, и, поскольку их кони были свежими, ни один сарацин не спасся". После нескольких дней марша тамплиеры прибыли на берега танитского рукава Нила (древнее пелусийское устье реки) и обнаружили, что султан расположился со всеми своими силами на противоположном берегу, чтобы помешать им и противостоять их проходу. Король Людовик попытался построить мост, чтобы можно было пересечь реку, и тамплиеры долго и усердно трудились над этой задачей, "но, - говорит Жуанвиль, - как только мы продвинули наш мост, сарацины разрушили его; они вырыли на своей стороне реки широкие и глубокие ямы в земле, и когда вода отступала от нашего моста, она заполняла эти ямы водой и разрушала берег, так что то, над чем мы работали три недели или месяц, они разрушили за один или два дня". Для защиты солдат, занятых на строительстве моста, были возведены большие деревянные башни и крытые галереи, и неверные прилагали все усилия, чтобы уничтожить их страшным греческим огнем. "Ночью, - рассказывает Жоанвиль, - они пригнали двигатель, названный ими La Perriere, страшный двигатель для причинения вреда, и выпустили из него такое количество греческого огня, что это было самое ужасное зрелище, которое когда-либо видели. Этот греческий огонь был похож на большой тун, а его хвост был длиной с длинное копье; шум, который он издавал, был похож на гром, и он казался огромным огненным драконом, летящим по воздуху, давая такой сильный свет своим пламенем, что мы видели в нашем лагере так же ясно, как и середь бела дня."

Все военные машины и механизмы были сожжены, и христиане уже собирались предаться отчаянию, когда один из арабов-бедуинов предложил за взятку в пятьсот золотых безантов показать безопасный брод. На рассвете, в масленичный вторник, французские рыцари сели на коней, чтобы испытать брод бедуина. "Перед тем как отправиться в путь, - рассказывает Жуанвиль, - король приказал, чтобы тамплиеры составляли авангард, а граф д'Артуа, его брат, командовал вторым отделением после тамплиеров; но как только граф д'Артуа миновал брод, он со всеми своими людьми обрушился на сарацинов и, обратив их в бегство, галопом помчался за ними. Тамплиеры послали позвать графа д'Артуа назад и сказать ему, что его долг - идти позади, а не впереди; но случилось так, что граф д'Артуа не смог ничего ответить из-за милорда Фуко дю Мелле, который держал уздечку его коня, а милорд Фуко, который был хорошим рыцарем, будучи глухим, ничего не слышал, что тамплиеры говорили графу д'Артуа, но продолжал кричать: "Вперед! Вперед!" ("Или эльз! или эльз!") Когда тамплиеры поняли это, они решили, что будут обесчещены, если позволят графу д'Артуа взять на себя инициативу; поэтому они подстегивали своих лошадей все сильнее, все быстрее и быстрее, и гнали турок, которые бежали перед ними, через город Мансура, вплоть до равнин в сторону Вавилона."^[126]

Арабские писатели, рассказывая о вступлении тамплиеров в Мансуру, повествуют, что 2000 всадников галопом ворвались туда с мечами в руках, застали в бане Фахо'ддина Османа, обычно называемого Ибн Сайфом, мусульманского генерала и одного из главных эмиров Мамлука, и варварски разрубили его на куски, когда он красил бороду перед бокалом.^[127] Но стремительная отвага графа д'Артуа и тамплиеров увела их далеко от поддержки основной части армии, и их всадники оказались в стесненных обстоятельствах на узких улицах Мансуры, где не было места для атаки или эффективного маневра. Неверные воспряли духом; они вернулись в атаку с огромным подкреплением; жители города поднялись на крыши домов и обрушили камни и биты на головы христианских рыцарей, и

тамплиеры были разбиты и изгнаны из города со страшной резней. "Там были убиты граф д'Артуа и граф Лестер, а также еще триста рыцарей. Тамплиеры потеряли, как сообщил мне их вождь, четырнадцать тысяч человек вооруженных людей и всех своих всадников". Великий магистр Храма, также лишившись глаза, пробился сквозь неверных к основной части христианской армии, сопровождаемый лишь двумя рыцарями-тамплиерами. Там он снова ввязался в драку, принял командование авангардом, и на закате его можно было найти сражающимся рядом с господином де Жуанвилем.

В конце долгого и кровавого дня христиане благополучно вернулись в свой лагерь. Король Людовик, Жуанвиль и Великий магистр Храма сражались бок о бок большую часть дня; у Жуанвиля под ним убили лошадь, и он проявил чудеса храбрости. Он был тяжело ранен, а когда удалился в свои покои, то обнаружил, что Великий магистр Храма прислал ему великолепный шатер в знак уважения и почтения. В первую пятницу Великого поста Бендокдар, великий мамлюкский полководец и лейтенант султана Египта, выступил во главе огромной конной и пешей армии, чтобы атаковать крестоносцев в их укреплениях. Король Людовик выстроил свою армию в боевом порядке и расположил ее восемь дивизиями перед лагерем. Тамплиеры под командованием своего почтенного Великого магистра составляли четвертую дивизию, и судьба их доблестного вождя описана владыкой де Жуанвилем следующим образом. "Следующий батальон находился под командованием брата Уильяма де Соннака, магистра Храма, который имел с собой небольшой остаток братьев своего ордена, уцелевших в битве в масленичный вторник. Магистр Храма соорудил из отбитых у сарацин двигателей своего рода вал, но когда сарадины подошли к нему на штурм, они обрушили на него греческий огонь, а поскольку тамплиеры нагромодили среди этих двигателей множество еловых досок, они тут же загорелись; и сарадины, поняв, что братьев Храма мало, бросились сквозь горящие бревна и энергично атаковали их. В предыдущей битве в масленичный вторник брат Уильям, магистр храма, потерял один глаз, а в этой битве упомянутый господин лишился второго глаза и был убит. Да смилуется Господь над его душой! И знайте, что сразу за тем местом, где стоял батальон тамплиеров, находился добрый акр земли, настолько покрытый дротиками, стрелами и ракетами, что под ними не было видно земли - такие ливни их обрушили на тамплиеров сарадины".^[128]

Командование над оставшимися в живых братьями ордена перешло к маршалу, брату Реджинальду де Вишье, который, собрав небольшой уцелевший остаток тамплиеров, отступил в лагерь, чтобы принять участие в последующих ужасах и несчастьях кампании. "По истечении восьми или десяти дней, - рассказывает Жуанвиль, - тела тех, кто был убит и брошен в Нил, поднялись на поверхность воды. Эти тела плыли вниз по реке, пока не достигли небольшого моста, соединявшего каждую часть нашей армии; арка была так низка, что не позволяла пропустить тела под ней, и река, следовательно, была покрыта ими от берега до берега, так что воду нельзя было увидеть..... Бог знает, как велико было зловоние. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из тех, кто подвергся воздействию этого инфекционного запаха, восстановил свое здоровье. Вся армия была охвачена ужасающим расстройством, которое иссушило плоть на наших ногах до костей; и наши кожи стали дублеными, как земля, или как старый сапог, который долго пролежал за сундуком..... Парикмахеры были вынуждены отрезать очень большие куски плоти от десен, чтобы их пациенты могли есть; было жалко слышать их крики и стоны, они были похожи на крики рожениц".

Армия пыталась отступить, когда отступление было почти невозможно; солдаты рассеялись и разбежались; тысячи умерли на обочине, тысячи попали живыми в руки врага, среди которых последними были король и Жуанвиль. На них обоих напала болезнь, и король

Людовик лег умирать в арабской хижине, где его нашли сарацины и ласково с ним обращались. Реджинальд де Вишье, маршал тамплиеров, и несколько его братьев благополучно добрались до Дамьетты и приняли меры по обороне этого места. Всех пленников, которые не смогли выкупить свою жизнь рабской службой завоевателям или выкупом, бесчеловечно истребили, и мрачный круг христианских голов украсил стены и крепостные стены Каира. Египтяне требовали в качестве платы за свободу французского монарха сдачи всех крепостей ордена Храма в Палестине; но король ответил им, что тамплиеры не подчиняются ему, и он не имеет возможности заставить их выполнить такое соглашение. Людовик и его друг Жуанвиль наконец добились освобождения из плена, сдав Дамьетту и заплатив двести тысяч золотых; освобождение брата короля и других пленных дворян и рыцарей должно было быть куплено уплатой аналогичной суммы. Король немедленно отправился на борт французского флота, стоявшего на якоре перед Дамьеттой, и приложил все усилия, чтобы собрать остаток выкупа; вся суббота и воскресенье были заняты его сбором.

"В воскресенье вечером, - рассказывает Жуанвиль, - слуги короля, занятые подсчетом денег, прислали сказать, что не хватает тридцати тысяч ливров. Я заметил королю, что нам лучше попросить командора и маршала Храма, поскольку хозяин умер, дать нам эти тридцать тысяч ливров. Брат Стефан д'Отрикур, рыцарь-командор Храма, услышав совет, который я дал королю, сказал мне: "Господин де Жуанвиль, совет, который вы даете королю, не является ни правильным, ни разумным, ибо вы знаете, что мы получаем каждый фартинг наших денег по нашей клятве;", а брат Реджинальд де Вишье, который был маршалом Храма, сказал королю: "Сир, все так, как сказал наш командир, мы не можем распорядиться ни одним из доверенных нам денег, кроме как по назначению, в соответствии с правилами нашего учреждения, не будучи лжесвидетелями. Знайте, что сенешаль плохо посоветовал вам взять наши деньги силой, но в этом вы поступите по своему усмотрению; если вы, однако, сделаете это, *мы возместим себе ущерб из тех денег, которые у вас есть в Акко*". Тогда я сказал царю, что, если он пожелает, я пойду и принесу деньги, и он приказал мне это сделать. Я тотчас же поднялся на борт одной из галер тамплиеров и потребовал у казначея ключи от сундука, который видел перед собой. Они отказались, и я уже собирался вскрыть его клином во имя короля, когда маршал, заметив, что я говорю серьезно, приказал отдать мне ключи. Я открыл ларец, достал требуемую сумму и отнес ее королю, который очень обрадовался моему возвращению". Король Людовик вернулся с тамплиерами в Палестину; орден принял его с большим почетом в Акко, где он пробыл четыре года!

В 1251 году в замке Пилигримов собрался генеральный капитул рыцарей-тамплиеров, и маршал, брат Реджинальд де Вишье, который после смерти брата Уильяма де Соннака с большим мастерством и благоразумием командовал в Египте, был избран на вакантный пост Великого магистра. Генрих III, король Англии, принял крест вскоре после того, как в Англию поступили сведения об ужасах и зверствах, совершенных каризмийцами в Святом городе. Год за годом он обещал исполнить свою клятву, и папа издал множество булл, любезно обеспечивающих спокойствие и безопасность его владений во время его отсутствия, и приказал возносить молитвы Богу за успех его оружия во всех церквях христианства. Король Генрих собрал парламент, чтобы получить необходимые припасы, и назначил 24 июня 1255 года как срок своего отъезда. Однако его рыцари и бароны отказали ему в необходимых средствах, и нуждающийся монарх обратился к военным орденам Храма и Госпиталя со следующим весьма любопытным письмом. "Поскольку вы, как говорят, обладаете хорошо оснащенной флотом, мы умоляем вас выделить в наше пользование несколько ваших самых сильных судов, снабдить их провизией, матросами, и всем необходимым для двенадцатимесячного плавания, чтобы мы могли до наступления срока нашего отплытия

загрузить их солдатами, оружием, лошадьми и военным снаряжением, которое мы намерены отправить на помощь Святой земле. Вы также сообразоволяете предоставить надежные жилища и подходящее жилье для упомянутых солдат и их снаряжения до нашего собственного прибытия. Затем вы сообразоволяете отослать в Англию те же суда, чтобы доставить нас и свиту в Палестину; и по вашему быстрому повиновению этим нашим приказам мы будем судить о вашей преданности интересам Святой земли и о вашей привязанности к нашей особе".[129]

Король Людовик тем временем помогал тамплиерам ремонтировать укрепления Яффы и Кесарии. Находившийся при нем господин де Жуанвиль рассказывает, что схема убийц, которые все еще продолжали платить дань тамплиерам, отправила послов к королю, чтобы добиться отмены дани. Он дал им аудиенцию и заявил, что рассмотрит их предложение. "Когда они вновь предстали перед королем, - рассказывает Жуанвиль, - это было около вечера, и они увидели по одну сторону от него магистра Храма, а по другую - магистра Госпиталя. Послы отказались повторить то, что говорили утром, но магистры Храма и Госпиталя велели им это сделать. Тогда магистры храма и госпиталя сказали им, что их господин очень глупо и дерзко отправил такое послание королю Франции, и если бы они не были наделены статусом послов, то бросили бы их в грязное море Акры и утопили бы, несмотря на их господина. "И мы приказываем вам, - продолжали магистры, - вернуться к вашему господину и в течение пятнадцати дней прийти с такими письмами от вашего принца, чтобы король был доволен им и вами". Послы, соответственно, сделали, как им было велено, и привезли из своей схизмы рубашку, символ дружбы, и множество богатых подарков, "хрустальных слонов, куски янтаря, с каймой из чистого золота" и т.д. и т.п. "Вы должны знать, что когда послы открыли футляр, содержащий все эти прекрасные вещи, вся квартира была мгновенно забальзамирована запахом их сладких духов".

Договор, заключенный между королем Людовиком и неверными, был нарушен убийством больных в Дамiette и удержанием в рабстве многих рыцарей и солдат, а также большого количества христианских детей, тамплиеры возобновили военные действия и вместе с Жуанвилем и французскими рыцарями выступили против сильного замка Паниас, и после упорного сопротивления взяли его мечом в руки. Султан Дамаска немедленно выступил в бой; он взял штурмом храмовый форт Док, перебил гарнизон и сровнял укрепления с землей; замок Рикордан разделил ту же участь, а город Сидон был взят штурмом (1254 г. н. э.), в то время как рабочие и ремесленники усердно занимались восстановлением стен; восьмьсот человек были преданы мечу, а четыреста каменщиков и ремесленников взяты в плен и уведены в Дамаск. Прожив почти два года в Акко и потратив огромные деньги на оборону приморских городов Палестины, король Людовик вернулся во Францию. Он отплыл из Акры 24 апреля с флотом из четырнадцати парусов, его кораблем управлял брат Ремонд, лоцман Великого магистра Храма, которому было поручено провести короля через широкие воды в безопасности в его собственные владения. По прибытии во Францию Людовик продемонстрировал свое уважение к тамплиерам, подарив им замок и владения Базес, близ Бавеса, в Аквитании. Дарственная была составлена в знак признательности за благотворительные дела, которые король видел среди тамплиеров, и в знак благодарности за услуги, которые они ему оказали, а также с тем, чтобы он мог стать участником добрых дел, совершаемых братством, и быть помянутым в молитвах братьев. Этот акт был вручен в день Пятидесятницы брату Хью, Великому прецептору Аквитании, в соборной церкви Ангулема, в присутствии многочисленных архиепископов, епископов, графов и баронов.[130]

Во время возвращения короля Франции в Европу Генрих Третий, король Англии, находился в Гаскони вместе с братом Робертом де Санфордом, магистром Храма в Лондоне, который был

ранее послан английским монархом в эту провинцию для умирения вспыхнувших там беспорядков. Король Генрих отправился в столицу Франции и был великолепно принят рыцарями-тамплиерами в парижском храме, который, по словам Мэтью Париса, был настолько огромен, что мог вместить в своих стенах многочисленную армию. На следующий день после прибытия король Генрих приказал накормить в Храме мясом, рыбой, хлебом и вином несметное количество бедняков, а позже король Франции и все его вельможи пришли отобедать с английским монархом. "Никогда, - говорит Мэтью Пэрис, - ни в один период ушедших времен не было столь благородного и столь знаменитого развлечения". Они пировали в большом зале Храма, где со всех сторон висели щиты, столько, сколько они могли разместить вдоль четырех стен, согласно обычаю ордена за морем....". Рыцари-тамплиеры в этой стране также проявляли великолепное гостеприимство и постоянно принимали в Храме королей, принцев, дворян, прелатов и иностранных послов. Сразу после возвращения короля Генриха в Англию некоторые знаменитые послы из Кастилии прибыли с визитом в лондонский Храм; и поскольку король "был очень рад оказать им честь", он повелел поставить в подвалах Храма три трубы вина для их использования и десять жирных баксов, которые должны быть принесены им в то же место из королевского леса в Эссексе. Кроме того, он повелел мэру и шерифам Лондона, а также простолюдинам того же города взять с собой приличное собрание горожан и выйти навстречу послам за город, вежливо принять их, оказать им почести и проводить в Храм.[131]

В первый и второй годы понтификата папы Александра IV. было издано десять булл в пользу тамплиеров, адресованных епископам вселенской церкви, повелевающих им уважать и поддерживать привилегии, предоставленные им святым собором; судить и наказывать всех, кто осмелится требовать титх от братства; посвящать в церковные бенефиции ордена всех клириков, представленных им прецепторами, не требуя от них предварительно фиксированного содержания таких клириков, и сурово наказывать всех, кто присваивает в свое пользование подаяния и элементарные пожертвования, поступающие в братство. Этими буллами тамплиеры объявляются освобожденными от обязанности участвовать в дорожных расходах всех нунциев и легатов святого собора в сане кардинала, когда они проезжают через их территорию, если только апостольскими посланиями не даны прямые указания об обратном, а все епископы должны серьезно и энергично защищать и отстаивать право святилища, предоставленное домам Храма.[132]

В 1257 году брат Реджинальд де Вишье, Великий магистр Храма, заболел и умер в преклонном возрасте. Его сменил английский рыцарь-тамплиер брат Томас Берард. Вскоре после его избрания ужасные моголы и татары, эти свирепые бродячие племена пастухов и охотников, чье победоносное оружие наводило ужас и опустошение на большую часть Европы и Азии, вторглись в Палестину под командованием знаменитого Холагоу и, подобно туче пожирающей саранчи, пронеслись над всей страной. Тем плары под командованием брата Этьена де Сизи, великого прецептора Апулии, поспешили им навстречу и были разрублены на части в кровопролитном бою. Татары осадили и взяли богатые и многолюдные города Алеппо, Хама, Хемс, Дамаск, Тивериаду и Наплуз и, наконец, с триумфом вошли в святой город Иерусалим.[133] Великий магистр брат Томас Берард написал меланхоличное письмо королю Генриху Третьему с просьбой о помощи. "Постоянными письмами и многочисленными молитвами, - пишет он, - наше бедное христианство по эту сторону моря умоляло о помощи королей и принцев этого мира, и прежде всего о помощи и содействии вашего величества, умоляя ваше королевское сострадание со вздохами и слезами, и громким голосом, и горьким воплем в надежде, что он проникнет в царское ухо и достигнет концов земли, пробудит верующих от их дремоты и привлечет их к защите Святой Земли." [134] Однако король Англии был в затруднительном

финансовом положении и не мог оказать необходимую помощь. Он был вынужден занимать деньги во Франции под залог своих регалий и драгоценностей короны, которые хранились в парижском храме, как следует из письма королевы Франции "ее очень дорогому брату Генриху, прославленному королю Англии", в котором приводится длинный список золотых жезлов, золотых гребней, бриллиантовых пряжек, чашечек и кружек, золотых корон, императорских бобров, богатых поясов, золотых павлинов и бесчисленных колец, украшенных сапфирами, рубинами, изумрудами, топазами и карбункулами, которые, по ее словам, она осмотрела в присутствии казначея парижского храма, и что они надежно хранятся в казне тамплиеров.[135]

Тем временем мамлюки, "вдыхавшие в младенчестве острый скифский воздух", выдвинулись с берегов Нила, чтобы поспорить с татарами за владение Палестиной. Под командованием Бендокдара, мамлюкского полководца, они одержали полную победу над ними в окрестностях Тивериады и отбросили враждебный поток к востоку от Евфрата. Бендокдар вернулся в Египет кумиром своих солдат и облеченный популярностью, которая делала его слишком могущественным для подданного. Он стремился завладеть трон, который так успешно защищал, и собственной рукой убил своего государя и повелителя Котуза, третьего мамлюкского султана Египта. Мамлюки приветствовали его как своего государя, и в 24-й день октября 1260 года н. э. он был торжественно провозглашен султаном Египта в городе Салахия в Дельте. Бендокдар был одним из величайших людей эпохи и вскоре оказался самым грозным врагом, с которым тамплиеры сталкивались на поле боя со времен Саладина. Первые два года после его прихода к власти были посвящены расширению и укреплению его власти над прилегающими странами мусульман. Священные города Мекка и Медина признали его своим государем, как и Дамаск, Алеппо, Хемс и Иерусалим. Его власть распространялась на Египет, Нубию, Аравию и Сирию, а его трон защищали двадцать пять тысяч мамлюкских кавалеристов. Его власть укрепляла армия из ста семи тысяч пеших воинов, а также периодическая помощь шестидесяти шести тысяч аравийцев.

Получив почести и покорность от правителей и жителей Алеппо, Бендокдар предпринял враждебную демонстрацию против обширного и богатого города Антиохии, но, обнаружив, что он хорошо защищен, отступил со своей армией через Хемс, Дамаск и Тиверию в Египет. На следующий год (1264 г. н. э.) он пересек пустыню во главе тридцати тысяч конников и захватил всю Палестину до самых ворот Акко. Он сжег великие церкви в Назарете и на горе Фавор, а чтобы пробудить рвение и энтузиазм своих солдат в пользу ислама, совершил паломничество в Иерусалим и посетил с большой преданностью мечеть Омара. Затем он отступил со своими войсками в Каир, а нападающими стали тамплиеры и госпитальеры. Они захватили и взяли штурмом замок Лилион, разрушили стены и укрепления до основания и увели триста пленников обоего пола, а также богатую добычу - овец и быков. 15 июня они дошли до Аскалона, застали врасплох двух мамлюкских эмиров и убили двадцать восемь их сторонников. Затем они направили свои стопы к Иордану и 5 ноября разрушили Бисан или Скифополь, а также огнем и мечом опустошили всю долину Иордана вплоть до Тивериадского озера.

В глубине зимы (1265 г. н. э.) Бендокдар собрал свои силы и быстрыми маршами двинулся из Египта. Скрывая свои намерения, он совершил долгий ночной марш и на утренней заре предстал перед городом Кесарией. Его войска спустились в ров по веревкам и лестницам, взобрались на стены с помощью железных крюков и шипов; они ворвались в ворота, расправились с часовыми и водрузили на валах штандарт пророка, прежде чем жители успели пробудиться от утренней дремы. Однако цитадель все еще оставалась взята, и гарнизон, будучи предупрежденным, упорно оборонялся. Арабские писатели рассказывают,

что цитадель была сильным и красивым укреплением, возведенным королем Людовиком и украшенным столбами и колоннами. Она стояла на небольшом выступе земли, вдававшемся в море, а рвы вокруг крепости были заполнены голубыми водами Средиземного моря. Бендоқдар установил на башне собора огромные катапульты и арбалеты и пускал из них стрелы, дротики и камни в крепостные стены. Он поощрял усилия своих солдат обещаниями наград и дарил почетные одеяния своим главным эмирам. Военное оружие было роздано самым щедрым образом: каждый капитан ста лошадей получил в пользование для себя и своих людей *четыре тысячи стрел!*

Темной зимней ночью гарнизону удалось бежать, а на следующее утро мусульмане тысячами ввалились в цитадель и предались грабежу. Укрепления были сровнены с пылью, и Бендоқдар своими руками помогал в разрушении. Затем он отрядил против Кайфаса несколько мамлюкских эмиров с конницей, а сам отправился наблюдать за передвижениями тамплиеров и изучать оборону замка пилигримов. Обнаружив, что это место почти неприступно и защищается многочисленным гарнизоном, он внезапно направился к югу и после мужественной и упорной обороны взял штурмом сильно укрепленный город Арсуф, принадлежавший рыцарям-госпитальерам Святого Иоанна. Большая часть гарнизона была истреблена, но тысяча пленников была оставлена, чтобы украсить триумф завоевателя. Их заставили идти во главе триумфальной процессии с развернутыми знаменами и с крестами, разбитыми на куски, на шеях. Бендоқдар уже отправил своих храбрейших мамлюкских генералов во главе значительных сил для блокады Бофора и Сафета, двух сильных крепостей ордена Храма, и теперь он выдвинулся во главе огромной армии, чтобы лично вести осаду последнего места. 21 рамадана отдельные бревна его военных машин прибыли из Дамаска к мосту Иакова на Иордане; султан отправил своих эмиров и часть своей армии с сотнями волов, чтобы перетащить их в горы к Сафету, и отправился со своими главными офицерами, чтобы помочь в их транспортировке. "Я работал рядом с султаном и помогал ему изо всех сил, - рассказывает кади Мохиддин, - но, утомившись, я сел. Я снова принялся за работу, снова устал и был вынужден отдохнуть, но султан продолжал работать без перерыва, помогая переносить балки, болты и огромные рамы из древесины". Великий магистр храма приказал выслать из Акры двенадцать сотен конницы, чтобы отвлечь внимание осажденных; но вероломный шпион передал Бендоқдару сведения, которые позволили ему застать врасплох и расправиться со всем войском, и вернуться в Сафет с их головами, насаженными на копья его солдат. Наконец, после упорной обороны, во время которой многие мусульмане, по словам арабских писателей, обрели мученический венец, огромные стены были разрушены, и неверным открылся пролом; но этот пролом так крепко охранялся, что не нашлось никого, кто мог бы пойти на штурм. Бендоқдар предложил награду в триста золотых первому, кто войдет в город; он раздал почетные одежды и богатства всем, кто был первым в бою, и внешняя ограда, или первая линия укреплений, была, наконец, взята.

Тамплиеры отступили в цитадель, но их усилия по обороне были затруднены присутствием двух тысяч беглецов, которые укрылись в Сафете, и они согласились капитулировать при условии, что жизнь и свобода христиан будут уважаться, и что они будут перевезены в безопасности в Акко. Бендоқдар согласился на эти условия и торжественно пообещал их выполнить, но как только цитадель оказалась в его власти, он предложил всем тамплиерам суровое решение: Коран или смерть, и дал им время до следующего утра, чтобы сделать свой выбор. Прецептор Сафет, святой монах и опытный воин, которому помогали два францисканских монаха, провел ночь в благочестивых увещаниях своих собратьев, убеждая их предпочесть мученический венец нескольким коротким годам жалкого существования в этом грешном мире и не позорить себя и свой орден позорным отступничеством. На рассвете следующего утра тамплиеров вывели на холм перед замком

Сафет, и когда первые лучи восходящего солнца позолотили лесистые вершины горы Хермон и раздался голос муэдзина, призывавшего верующих к утренней молитве, они должны были присоединиться к мусульманской песне *"Ла-и-ла-и-ла Аллах, Махоммед ре суль Аллах"*, "Нет Бога, кроме Бога, и Магомет - апостол Его"; Палачи приблизились с обнаженными секирами, но ни один человек из благородной компании рыцарских воинов, говорят христианские писатели, не отрекся от своей веры, и тысяча пятьсот голов быстро покатались к ногам Бендокдара. "Кровь, - говорит Санутий, - стекала по склонам, как ручейки воды". Прецептора Сафета, священников ордена и брата Иеремию избили дубинками, заживо высекли пламенем, а затем обезглавили! Арабские писатели утверждают, что жизнь двух человек из гарнизона была пощажена: одного из госпитальеров, которого осажденные послали к Бендокдару для переговоров о сдаче, и тамплиера по имени *Эффриз Люб*, который принял магометанскую веру, был обрезан и поступил на службу к султану.^[136] Сразу же после падения Сафета неверные взяли штурмом замки Хунин и Тебнин и овладели городом Рамлех.

Великий магистр Госпиталя запросил мира и заключил с неверными отдельный договор. Он согласился отказаться от древней дани в сто кусков золота, выплачиваемой ордену округом Буктыр; также от ежегодной дани в четыре тысячи кусков золота, выплачиваемой им султанами Хемса и Хамаха; от дани в двенадцать сотен кусков золота, пятидесяти тысяч бушелей пшеницы и пятидесяти тысяч бушелей ячменя, ежегодно выплачиваемых им ассасинами или исмаилитами гор Триполи; и дань, выплачиваемая городами или округами Шейзар, Апамея и Айнтаб, которая состояла из пятисот крон тирийского серебра, двух мер пшеницы и двух сребреников за каждые две головы волов, пасшихся в округе. Эти условия были оговорены, эмир Факир-эддин и кади Шамс-эддин были посланы получить клятву Великого магистра Госпиталя исполнить их, после чего было заключено перемирие на десять лет, десять дней и десять месяцев.

Затем Бендокдар сосредоточил свои силы в Алеппо и выступил в поход против христианской провинции Армения. Князь Хамаха блокировал Дарбесак, гарнизоном которого служили рыцари-тамплиеры, и форсировал горные проходы, ведущие в древнюю Киликию. Затем мусульмане с невероятной быстротой двинулись к столице страны Сису, который после непродолжительной осады перешел в их руки. Леон, царь Армении, был уведен в плен вместе со своим дядей, сыном и племянником; многие другие члены царской семьи были убиты, а некоторым удалось бежать. Все замки тамплиеров в Армении были взяты штурмом, а гарнизоны перебиты. Самым известным из них стал замок Амуд, который был взят штурмом после упорной обороны, и все души, оказавшиеся в нем, были преданы мечу. Город Сиса был разграблен, а затем предан огню; жители всех городов были либо истреблены, либо обращены в рабство; их имущество и пожитки были разделены между солдатами, и мусульмане вернулись в Алеппо, нагруженные добычей и окруженные пленниками, связанными веревками. Велика была радость Бендокдара. Музыкантам было приказано играть, а танцовщицам - бить в тамбуры и танцевать перед ним. Он триумфально въехал в Дамаск, сопровождаемый своими царственными пленниками и многими тысячами пленников, закованных в цепи. "Так султан, - говорит арабский историк, - перерезал сахарные трости франков!"

1 мая 1267 года Бендокдар собрал сильный отряд конницы, разделил его на две части и заставил водрузить знамена и эмблемы госпиталя и храма. С помощью этой уловки он попытался проникнуть в восточные ворота Акко, но обман был удачно обнаружен, и ворота были закрыты до того, как арабская конница достигла их. Тогда неверные зарубили пятьсот человек за стенами, отрубили им головы и положили в мешки. Среди них было несколько

бедных старух, которые добывали средства к существованию сбором трав! Затем свирепые мамлюки снесли все дома и ветряные мельницы, вырвали виноградники, срубили все фруктовые деревья и сожгли их, а колодцы засыпали. Несколько депутатов, посланных просить мира, были введены к Бендокдару через мрачную и отвратительную аллею христианских голов, насаженных на острия копий, и их прошение было отвергнуто с презрением и насмешкой. "Рёв наших лошадей, - сказал свирепый султан, - скоро поразит вас глухотой, а пыль, поднимаемая их ногами, проникнет в самые сокровенные покои ваших жилищ".

7 марта 1268 года султан ворвался в Яффу, предал мечу гарнизон, поджег церкви, сжег распятия, кресты и святые мощи святых. "Он унес голову святого Георгия и сжег тело святой Кристины", а затем двинулся на сильно укрепленный город Бофор, принадлежавший ордену Храма. Вокруг стен было установлено 26 огромных военных машин, а докторам права и *факирам*, или учителям религии, было предложено отправиться в мусульманский лагерь и орудовать мечом в защиту ислама. Город защищали две цитадели - древняя и новая. Первая была гарнизонована тамплиерами, а вторая - местным ополчением. Последние, выдержав недолгую осаду, подожгли свой пост и ночью бежали. "Что касается другой цитадели, - рассказывает кади Мохиддин, - то она долго и упорно оборонялась, и Бендокдар, потеряв перед этим местом всю свою армию, был вынужден с неохотой разрешить гарнизону выйти с мечом в руках и со всеми воинскими почестями. После этого крепость была разрушена до основания с такой силой, что от нее не осталось и следа.

Теперь султан разделил свою армию на несколько частей, которые были направлены в разные стороны через княжество Триполи для опустошения и уничтожения. Все церкви и дома были подожжены, деревья вырублены, а жители уведены в плен. Башня тамплиеров в окрестностях Триполи была взята штурмом, и каждая душа, оказавшаяся в ней, была предана смерти. Затем различные подразделения армии были сосредоточены в Хемсе, чтобы собрать вместе и разделить добычу. Затем их снова разделили на три корпуса, которые разными путями направили против огромного и богатого города Антиохии, древней "царицы Сирии". Первой дивизии было приказано пройти кружным путем через Дарбесак и подойти к Антиохии с севера; вторая должна была совершить поход на Суадию и занять устье Оронта, чтобы не допустить к городу помощь по морю; третья и последняя дивизия, которую возглавил лично Бендокдар, направились в Апамею и оттуда пошла по левому берегу Оронта вдоль основания древнего Монса Касия, чтобы подойти и войти в Антиохию с юга. 1-го Рамадана все эти различные подразделения были сосредоточены вместе, и город был немедленно окружен огромной конной и пешей армией, которая прервала все сообщения между городом и окрестностями и подвергла население в 160 000 душ всем ужасам голода. Знаменитый каменный мост из девяти арок, перекинутый через Оронт и соединявший город с правым берегом реки, был немедленно атакован; железные двери, ограждавшие проход, были выбиты таранами, а под большими западными воротами водрузили штандарт пророка. Тамплиеры княжества под командованием своего Великого прецептора предприняли тщетную попытку оттеснить неверных и освободить город. Они вышли из города вместе с коннетаблем Антиохии, но после острой схватки на равнине были разбиты мамлюкской конницей и были вынуждены укрыться за стенами.

Три дня подряд султан тщетно призывал город к сдаче и три дня продолжал яростные штурмы. На четвертый день мусульмане перелезли через стены в том месте, где они

касаются склона горы; они бросились через валы, с мечом в руках, в город, и, по подсчетам, было убито сто тысяч христиан! Около восьми тысяч воинов, сопровождаемых густой толпой женщин и детей, бежали с места побоища в цитадель и там защищались с энергией отчаяния. Бендоқдар даровал им жизнь, и они сдались. Их связали веревками, и длинная вереница скорбных пленников прошла перед султаном, который велел писцам и нотариусам записать имена каждого из них. После нескольких дней грабежа вся добыча была собрана на равнине Антиохии и поровну разделена между мусульманами; золото и серебро распределялось по мерам, а товары и имущество всех видов, сложенные в кучи, доставались по жребию. Пленные женщины и девушки были распределены между солдатами, и их было так много, что каждому из рабов завоевателей было разрешено иметь в своем распоряжении одну пленницу. Султан остановился на несколько недель на равнине и разрешил своим солдатам устроить большой рынок, или ярмарку, для продажи своей добычи. На этот рынок со всех концов Востока съезжались евреи и торгаши, которые с жадностью скупали богатое имущество и дорогостоящие ценности бедных жителей Антиохии.

Эти последние могли бы стойко перенести потерю своего мирского имущества и роскоши этой жизни, но когда они сами были выставлены на торги, когда мать увидела, что ее младенец отдан скупому еврею за ничтожную сумму в пять сребреников и продан в безвозвратное рабство, горькие вопли, раздавшиеся по всей равнине, тронули даже сердца мусульман. "Это было, - говорит кади Мохиддин, - страшное и душераздирающее зрелище. Даже твердые камни смягчились от горя". Он рассказывает, что пленников было так много, что прекрасного крепкого мальчика можно было купить за *двенадцать* сребреников, а маленькую девочку - за *пять*! Когда работа по разграблению была завершена, когда из церквей были унесены все украшения, а с крыш сорван свинец, Антиохия была обстреляна в разных местах под громкие волнующие крики Аллаха Акбара: "Бог победил!" Великие церкви святого Павла и святого Петра горели с ужасающей яростью в течение многих дней, и огромный и почтенный город остался без жилья и без жителей!

Так пала Антиохия, спустя сто семьдесят лет после того, как ее отвоевали у неверных крестоносцы под командованием доблестных Годфрида, Боэмонта и Танкреда. Почти шесть веков мусульманского господства вновь пронесли над древней королевой Востока, но гений разрушения, сопровождавший шаги армий свирепого Бендоқдара, с тех пор не покидает это место. Некогда прекрасная и процветающая столица Сирии, древний "трон преемников Александра, резиденция римского правительства на востоке, украшенная Сезаром титулами свободной, святой и неприкосновенной", сегодня представляет собой не более чем жалкую грязную деревню; А древняя и прославленная церковь Антиохии, которая в четвертом веке христианской эры насчитывала сто тысяч человек, теперь состоит лишь из нескольких греческих семей, которые все еще держатся за христианскую веру среди оскорблений и преследований неверных. Сразу же после разрушения города Бендоқдар приказал написать следующее письмо принцу Антиохии, находившемуся в Триполи: "Поскольку ни одна душа не сбежала, чтобы рассказать вам о случившемся, мы возьмем на себя приятную задачу сообщить вам об этом..... Мы убили всех, кого ты назначил защищать Антиохию. Мы раздавили ваших рыцарей под ногами наших коней и отдали ваши провинции на разграбление: ваше золото и серебро было разделено между нами по квинталу, а четыре ваши женщины были куплены и проданы за крону. Нет ни одного христианина в провинции, который бы сейчас не шел перед нами связанным, ни одной девушки, которая не была бы в нашем владении. Ваши церкви сравнялись с пылью, а колеса наших колесниц проехали по местам ваших жилищ. Если бы вы видели, как разрушаются храмы вашего Бога, как ломаются кресты, как рвутся и развеиваются по небесным ветрам листы Евангелия; если бы вы видели, как враги-мусульмане входят в ваши скинии и распинают на ваших святынях и

алтарях священника, диакона и епископа; Если бы вы увидели, как ваши дворцы предаются огню, а тела умерших сжигаются в огне этого мира, в то время как их души горят в вечном огне АДА; несомненно, вы воскликнули бы: *"Господи, я стал прахом"*; ваша душа была бы готова покинуть свое земное жилище, а ваши глаза проливали бы слезы, достаточные, чтобы погасить огонь, который мы разожгли вокруг вас."[\[137\]](#)

После падения Антиохии тамплиеры оставили Баграс, богатый и процветающий город на пути в Армению и Киликию, который принадлежал ордену уже более века. Этот город тамплиеров, рассказывает Мохиддин, долгое время был источником сильного беспокойства и раздражения для мусульман. "Снова и снова, - говорит он, - на него нападали, но тамплиеры срывали все усилия правоверных, пока, наконец, Провидение не отдало его в наши руки". Тамплиеры также оставили замки Гастон и Нош-де-Русоль, а также территорию Порт-Бунеля у входа в Армению. Города Дарбесак, Сабах, Аль-Хаид и морской порт Габала последовательно перешли в руки Бендокдара, а вся страна от Триполи до горы Тавр опустела, дома были подожжены, фруктовые деревья вырублены, а церкви сравнялись с пылью. Однако богатые и многолюдные приморские города Лаодикия, Триполи, Тортоса, Бейрут, Тир и Сидон все еще оставались за христианами, и поскольку эти города были сильно укреплены, а христианские флоты сохраняли за собой морскую власть, Бендокдар отложил их разрушение на короткий срок и заключил с ними отдельные перемирия в обмен на выплату больших сумм денег.

В 1269 году в Сирии и Палестине разразился страшный голод, вызванный опустошительными набегами неверных, и многие из тех, кого пощадил меч, теперь умирали от голода. Людовик IX, король Франции, глубоко уязвленный известием о несчастьях латинских христиан, собрал ассамблею настоятелей храма во Франции, чтобы придумать, как доставить помощь в Святую землю, и распорядился отправить из Лангедока в Палестину большое количество кукурузы. Кроме того, он решил предпринять еще один крестовый поход и побудил английского принца Эдуарда принять крест и подготовиться присоединиться к его штандарту. Бендокдар же вернулся из Египта в Палестину; он напал на несколько отрядов христиан и разрубил их на куски, а затем публично вошел в Дамаск, сопровождаемый сотней отвратительных голов, насаженных на острия копий, и огромным количеством плачущих пленников обоих полов и всех возрастов. Затем он направился в Хаму и Кафартаб и попытался взять в осаду сильную крепость Меркаб, но зимние дожди и снег на горе заставили его отказаться от этого предприятия. Затем он предпринял нападение на замок курдов, принадлежавший госпитальерам, но, получив сведения об отплытии экспедиции короля Людовика, который вышел из портов Франции с армией в шестьдесят тысяч человек и флотом из восемнадцатисот судов, поспешил со всеми своими силами в Египет, чтобы защитить эту страну от французов. Вместо того чтобы отправиться напрямик в Святую землю, король Людовик, к сожалению, был вынужден направиться в Тунис. Он пал жертвой неблагоприятного климата, и его армия, ослабленная болезнями, отплыла обратно во Францию. Бендокдар немедленно вернулся в Палестину. Он остановился в Аскалоне и завершил разрушение укреплений этого места; он взял штурмом Кастель-Блан, крепость тамплиеров, и появился со своей конницей Мамлука перед воротами Триполи. Он опустошил окрестности, а затем удалился в зимние кварталы, уведя в плен множество христианских пленников обоих полов. В следующем году он взял штурмом укрепленный город Сафица и осадил Хасан-эль-Акрад, или замок курдов. Его победоносная карьера была остановлена прибытием (1271 г. н. э.) принца Эдуарда Английского, который присоединился к Великому магистру Храма во главе желанного подкрепления из рыцарей и пеших воинов. После этого неверные добились различных успехов, и 21-го Рамадана (23 апреля 1272 года н. э.) было

заключено перемирие на десять лет и десять месяцев в отношении города и равнины Акко, а также дороги на Назарет.

18 июня принц Эдуард был заколот отравленным кинжалом убийцы. Несмотря на опасное ранение, он повалил нападавшего на землю и заставил стражу немедленно выслать его. В тот же день принц составил свое завещание; оно датировано в Акко 18 июня 1272 года н. э., и брат Томас Берард, Великий магистр Храма, выступает в качестве свидетеля. Жизнь принца, однако, была счастливо сохранена: действие яда было устранено противоядием, введенным Великим магистром Храма. 14 сентября принц вернулся в Европу, и таким образом закончилась последняя экспедиция, предпринятая для помощи Палестине. Пока принц Эдуард продолжал свое путешествие в Англию, умер его отец, король Генрих III, и совет королевства, состоящий из архиепископов Кентерберийского и Йоркского, а также английских епископов и баронов, собрался в лондонском Храме и присягнул на верность принцу. Там они провозгласили его королем Англии и, с согласия королевы-матери, назначили Уолтера Гиффарда, архиепископа Йоркского, и графов Корнуолла и Глостера опекунами королевства. Из Храма были написаны письма, чтобы сообщить молодому государю о смерти его отца, и многие акты нового правительства исходили оттуда же.^[138]

Великий магистр Храма, брат Томас Берар, умер в Акко 8 апреля, а 13 мая 1273 года генеральная капитуляция тамплиеров, собравшаяся в замке Пилигримов, избрала его преемником брата Вильгельма де Божо, великого прецептора Апулии. Покойный вице-магистр, брат Уильям де Пукон, был отправлен в Европу вместе с братом Бертраном де Фоксом, чтобы сообщить ему весть о своем возведении в высшее достоинство ордена. В следующем году Вильгельм де Божо в сопровождении Великого магистра госпиталя отправился в Лион, чтобы присутствовать на общем совете, созванном папой для оказания помощи Святой земле. Оба великих магистра имели преимущество перед всеми послами и пэрами, присутствовавшими на этом знаменитом собрании. Было решено проповедовать новый крестовый поход, обложить налогом все церковные достоинства и бенефиции, чтобы поддержать вооружение, и заставить государей Европы церковными порицаниями прекратить свои частные распри и оказать помощь опустевшей земле обетованной. Более тысячи епископов, архиепископов и послов от различных князей и владык Европы осчастливили собрание своим присутствием. Из Лиона великий магистр Уильям де Божо отправился в Англию и созвал в Лондоне генеральный капитул ордена. Находясь в Храме в этом городе, он получил выплату большой суммы денег, которую молодой король Эдуард одолжил у тамплиеров во время своего пребывания в Акко.^[139]

Папа Григорий X. умер в разгар своих усилий по организации очередного крестового похода. Энтузиазм, который был частично пробужден, угас; те, кто принял крест, забыли о своих обязательствах, и Великий магистр Храма наконец вернулся, в печали и разочаровании, на далекий Восток. Он достиг Акко в день святого Михаила 1275 года н. э., сопровождаемый отрядом тамплиеров, собранных из прецепторий Англии и Франции. Вскоре после прибытия Бендокдар был отравлен, и ему наследовал его сын, Малек Саид. Малек Саид взошел на трон только для того, чтобы с него сойти. Он был свергнут восставшими мамлюками, и скипетр перешел к Малеку-Мансуру-Келауну, самому храброму и выдающемуся из эмиров. Поскольку теперь не было никакой надежды вернуть города, замки и территории, захваченные Бендокдаром, Великий магистр направил все свои силы на сохранение немногих оставшихся владений христиан в Святой земле. По истечении десятилетнего перемирия он заключил с неверными различные договоры. Один из них, называемый "Тортосским миром", был заключен между султаном Малек-Мансур-Келауном и его сыном Малек-Салех-Али, "честью мира и религии", с одной стороны, и Афрызом Дибаджуком (Вильгельмом де Божо), великим

магистром ордена тамплиеров, с другой. Оно касается территорий и владений ордена Храма на Тортосе и обеспечивает их безопасность и свободу от притеснений со стороны неверных. Перемирие продлевается на десять лет и десять месяцев со дня подписания договора (1282 г. н. э.), и договаривающиеся стороны строго обязуются не вторгаться на территорию друг друга в течение этого срока. Во избежание ошибок, земли и деревни, башни, кукурузные мельницы, сады, ручьи и плантации, принадлежащие тамплиерам, указаны и определены, вместе с прилегающими владениями мусульман. По этому договору тамплиеры обязуются не перестраивать ни одну из своих цитаделей, башен или крепостей, а также не прорывать новых рвов или фоссов в своей провинции Тортоса.

Другой договор, заключенный между Вильгельмом де Божо и неверными, называется Аккским миром. Он передает христианам Кайфас и семь деревень, провинцию горы Кармель, город и цитадель Алелет, фермы госпитальеров в провинции Кесария, половину Александретты, деревню Марон и т.д., а также подтверждает тамплиеров во владениях Сидона и его цитадели, и его пятнадцати кантонов. По этому договору султан Малек Мансур заключил с жителями Акры перемирие на десять лет, десять месяцев и десять дней; он поклялся соблюдать его положения и условия в присутствии Великого магистра Храма и визиря Фадхада. Но все эти договоры были лишь иллюзиями. Бендокдар начал уничтожение христиан, а султан Келаун теперь завершил его.

Отдельные перемирия и мирные договоры, которые Бендокдар заключал с приморскими городами Палестины в обмен на денежные выплаты, были обременены таким количеством мелких положений и оговорок, что христианам было почти невозможно избежать их нарушения в какой-нибудь пустяковой и несущественной детали; и султан Келаун вскоре нашел благовидный предлог для возобновления военных действий. Сначала он порвал с госпитальерами и взял штурмом их сильную крепость Меркаб, которая прикрывала прибрежную дорогу из Лаодикии в Триполи. Затем он подыскал предлог для прекращения перемирия, которое граф Триполи выкупил у Бендокдара, заплатив одиннадцать тысяч золотых. Он утверждал, что на побережье между Меркабом и Тортосой была возведена сторожевая башня в нарушение условия, запрещавшего возводить новые укрепления, и, соответственно, отправился со своей армией осаждать богатый и процветающий город Лаодикею. Арабские писатели рассказывают, что Лаодикия была одним из самых торговых городов Леванта и считалась соперницей Александрии. Ужасное землетрясение, обрушившее укрепления и опрокинувшее замок у входа порт, к сожалению, облегчило завоевание этого места, и Лаодикия пала почти без борьбы. Город был разграблен и подожжен, а те из жителей, кто не смог спастись по морю, были либо вырезаны, либо обращены в рабство, либо изгнаны бездомными скитальцами из своих жилищ, чтобы погибнуть от голода и горя в окрестной пустыне. Вскоре после падения Лаодикии замок Крак, принадлежавший госпитальерам, был осажден и взят штурмом; гарнизон был предан мечу, и некоторые другие небольшие поселения на морском побережье постигла та же участь.

13 мохаррана (9 февраля) 1287 года султан выступил в поход на Триполи во главе десяти тысяч конных и тридцати трех тысяч пеших. Отдельные бревна девятнадцати огромных военных машин перевозились в сотне повозок, запряженных волами; пятнадцать сотен инженеров и изготовителей фейерверков были заняты тем, что бросали в город ужасный греческий огонь и горючие материалы, заключенные в медные горшки. После тридцати четырех дней непрерывного труда стены были подорваны и сброшены в ров, и инженеры поливали пролом непрерывным потоком греческого огня, в то время как мусульмане внизу готовили путь для кавалерии. Брат Джон де Бребанд, прецептор храма в Триполи, сражался

на валах с несколькими рыцарями и служащими братьями ордена; но они были быстро повержены, и арабская кавалерия ворвалась через пролом в город. До тысячи христиан пали от меча, а число пленников было неисчислимо. Двенадцать сотен трепещущих женщин и детей были собраны для безопасности в одном оружейном магазине, и завоеватели были смущены количеством добычи и трофеев. Более четырех тысяч тюков богатейших шелков были распределены между солдатами, вместе с украшениями и предметами роскоши и изысканности, которые поражали грубую простоту арабов. Когда город был основательно разграблен, был отдан приказ о его разрушении. Тогда мусульманские солдаты с факелами и горшками с горящей нефтью бросились поджигать церкви, лавки и склады купцов, и Триполи быстро охватило одно огромное, страшное, широко распространившееся пламя. Также был отдан приказ о разрушении укреплений, и тысячи солдат, каменщиков и рабочих были заняты тем, что рушили стены и башни. Арабские писатели рассказывают, что валы были настолько широкими, что три всадника могли проехать по ним вокруг города. Многие жители во время осады бежали по морю, и толпы беглецов, спасаясь от мечей мусульман, укрылись на маленьком острове Святого Николая у входа в порт. Там они умирали от голода; и когда Абульфедда посетил остров через несколько дней после падения Триполи, он обнаружил, что он покрыт мертвыми телами непогребенных христиан. Так пал Триполи с его торговлей, шелковыми мануфактурами, церквями, общественными и частными зданиями. Все, что могло способствовать процветанию в мире или обороне на войне, погибло под мечом, молотом и киркой мусульман. Во времена крестоносцев порт был переполнен флотами итальянских республик и вел выгодную торговлю с Марселем, Амальфи, Генуей, Пизой, Венецией и городами греческих островов, но с тех пор этот богатый торговый поток никогда не возвращался на негостеприимный берег.

Вскоре после падения Триполи Габала, Бейрут и все приморские города и деревни между Сидоном и Лаодикией попали в руки неверных, а султан Келаун готовился напасть на огромный и многолюдный город Акко, когда смерть прервала его победоносную карьеру. В 1291 году н. э. его сменил старший сын, Ашраф Халил, который поспешил осуществить военные проекты своего отца. Он собрал улемов и кади вокруг гробницы отца и занялся чтением Корана, молитвами и воззваниями к Магомету. Затем он раздал обильную милостыню, собрал свои войска и отправился через пустыню в Дамаск, где к нему присоединились Хосам-эддин Ладжин, наместник Сирии, Модаффер, принц Хемса, и Сайфеддин, повелитель Баальбека, с соответствующими силами под их командованием. В Дамаске были построены 92 огромные военные машины, которые перевозили по стране на волах; весной того же года, после того как утихли зимние дожди, султан Халил выступил в поход против Акры во главе шестидесяти тысяч конных и ста сорока тысяч пеших.

После потери Иерусалима город Акко стал метрополией латинских христиан и был украшен огромным собором, многочисленными величественными церквями и изящными зданиями, а также акведуками и искусственным портом. Дома богатых купцов были украшены картинами и изящными скульптурами, а также могли похвастаться редким преимуществом - стеклянными окнами. О богатстве и роскоши жителей рассказывают удивительные и, вероятно, преувеличенные сведения. Мы читаем о шелковых навесах и занавесках, натянутых на шнуры, чтобы защитить отдыхающих от палящих солнечных лучей, о фонтанах из пестрого мрамора, о богатых садах и тенистых рощах, благоухающих восхитительным цветком апельсина и украшенных нежным цветком миндаля; нам говорят, что на рынках города можно было найти продукты любого климата и толкователей любого языка. Огромные укрепления состояли из двойной стены, укрепленной через определенные промежутки высокими башнями, и защищались замком, называемым Королевской башней, и монастырем или крепостью Храма. Между валами простиралось большое пространство,

покрытое замками, виллами и садами галилейской знати, графов Триполи и Яффы, владык Тира и Сидона, папского легата, герцога Афинского и князей Антиохии. Самыми величественными постройками в городе были соборная церковь Святого Андрея, церкви Святого Сабы, Святого Фомы, Святого Николая и Святого Иоанна, святого покровителя города ; аббатство Святого Клера, монастыри рыцарей-госпитальеров и рыцарей-тамплиеров, а также различные монастыри и религиозные дома.

Уильям де Божье, Великий магистр Храма, ветеран сотни сражений, принял командование гарнизоном, который насчитывал около двенадцати тысяч человек, не считая войск Храма и Госпиталя, а также пятисот пеших и двухсот конных под командованием короля Кипра. Эти силы были распределены вдоль стен на четыре дивизии, первой из которых командовал Хью де Грандисон, английский рыцарь. Осада длилась шесть недель, в течение которых непрерывно происходили вылазки и атаки. Ни ночью, ни днем не смолкали крики нападавших и шум военных машин; огромные камни, деревянные балки и горшки с горячей смолой и нефтью непрерывно швырялись в город; стены били изнутри, а фундамент подтачивали шахтеры, которые непрерывно трудились над продвижением своих работ. Против укреплений было направлено более шестисот катапульт, балист и других орудий разрушения, а таранные машины были такого огромного размера и веса, что для перевозки отдельных бревен одной из них требовалось сто повозок. Мусульмане возводили подвижные башни, чтобы возвышаться над стенами; их рабочие и передовые отряды были защищены заграждениями, покрытыми сырыми шкурами, и все военные приспособления, которые могли создать искусство и мастерство эпохи, использовались для облегчения штурма. В течение долгого времени все усилия осажденных сдерживались их доблестью, они постоянно нападали на их сооружения, сжигали башни и машины, уничтожали шахтеров. Однако день ото дня численность гарнизона редела от меча, а в лагере врага на место погибших постоянно прибывали свежие воины из пустынь Аравии, одушевленные тем же диким фанатизмом в деле *своей* религии, который так ярко отличал монахов-храмовников.

4 мая, после тридцати трех дней непрерывных боев, великая башня, считавшаяся ключом укреплений и называемая мусульманами "проклятой башней", была снесена военными двигателями. Чтобы усилить ужас и отвлечь внимание осажденных, султан Халил посадил триста барабанщиков с барабанами на такое же количество дромадеров и приказал им поднимать как можно больше шума при каждом приказе о начале общего штурма. С 4 по 14 мая атаки были непрерывными. 15-го числа двойная стена была взломана, и король Кипра, охваченный паникой, ночью бежал на свои корабли и отплыл на остров Кипр со всеми своими сторонниками и почти тремя тысячами лучших людей из гарнизона. На следующий день сарацины атаковали покинутый им пост; они засыпали ров телами убитых людей и лошадей, грудami дерева, камней и земли, а затем затрубили в трубы, призывая к штурму. Сплотившись под желтым знаменем Магомета, мамлюки форсировали брешь и проникли с мечом в руках в самый центр города; но их победоносное шествие и оскорбительные крики были остановлены закованными в кольчугу рыцарями Храма и Госпиталя, которые пронеслись верхом по узким улицам, отбросили их назад с огромной резней и сбросили вниз головой со стен.

На рассвете следующего утра воздух огласился оглушительным шумом барабанов и труб, пролом несколько раз брали и восстанавливали, в конце концов монахи закрыли проход своими телами и стальной стеной преградили путь врагу. Со всех сторон доносились громкие призывы к Богу, Магомету, Иисусу Христу, Деве Марии, небесам и святым; после упорного боя, продолжавшегося от восхода до заката, темнота положила конец бою. Шахтеры продолжали непрерывно свои работы; в стенах открылась еще одна широкая

брешь, и на третий день (18-го) неверные предприняли окончательный штурм со стороны, прилегающей к воротам святого Антония. Армию мамлюков сопровождал отряд сектантов, называемых *чаги*, - религиозных фанатиков, чья преданность заключалась в том, что они терпели всевозможные лишения и приносили себя в жертву во имя ислама. Продвижению мамлюкской конницы на штурм препятствовал глубокий ров, который был несовершенно засыпан упавшими руинами и усилиями солдат, и эти религиозные безумцы бросились вниз головой в пропасть и образовали своими телами мост, по которому мамлюки прошли к подножию стены. Ничто не могло противостоять яростному натиску мусульман. Напрасно первые ряды их конницы были повержены в прах, а лошади и всадники брошены вниз головой через разрушенные стены и укрепления в ров; их падение только облегчало продвижение тех, кто находился позади них, и они с мечом в руках пробивались через безжизненные тела людей и лошадей, чтобы атаковать слабых и изможденных воинов, охранявших пролом.

Великие магистры Храма и Госпиталя сражались бок о бок во главе своих рыцарей и некоторое время успешно противостояли всем усилиям врага. Но когда каждый рыцарь падал под острыми скалителями мусульман, в резерве не оставалось никого, кто мог бы занять его место, а огромные полчища неверных наступали с неутомимой энергией и упорством. Брат Мэтью де Клермон, маршал госпиталя, проявив чудеса храбрости, упал, покрытый ранами, и Вильгельм де Божье, как последнее средство, попросил Великого магистра этого ордена выйти из соседних ворот во главе пятисот лошадей и напасть на тыл врага. Сразу же после того, как Великий магистр Храма отдал эти приказы, он сам был сражен дротиками и стрелами противника; охваченный паникой гарнизон бежал в порт, а неверные бросились на него с грозными криками *Аллах акбар! Аллах акбар!* "Бог победил!" Тысячи охваченных паникой христиан бросились к берегу моря и с неистовой силой пытались овладеть кораблями и лодками, стоявшими на якоре в порту, но страшная буря с ветром, дождем и молниями висела над темными и взволнованными водами моря; стихия сама воевала против несчастных христиан, и громкий раскат грома смешивался с грохотом и ревом нападения и столкновением оружия. Лодки и суда были захлестнуты набегаящими волнами; горькие крики гибнущих беглецов доносились как с моря, так и с берега. Тысячи людей бежали в церкви в поисках убежища, но не находили его; они склонялись перед алтарями и обнимали изображения святых, но эти свидетельства идолопоклонства только подстегивали беспощадный фанатизм мусульман, и христиане и их храмы, их изображения и их святые сгорали в яростном пламени, разожженном неумолимыми сынами ислама. Церкви были подожжены, и робкие девы и закоренелые сластолюбцы, монахини и монахи, священники и епископы - все они погибли перед алтарями и святынями, к которым обращались в трудную минуту, но которыми многие из них пренебрегали в дни процветания и мира. Святые монахини святой Клэр, следуя примеру и наставлениям своей настоятельницы, самым ужасным образом изуродовали и обезобразили свои лица, чтобы сохранить свое целомудрие от нарушения варварскими завоевателями, и были славно вознаграждены венцом мученичества изумленными и отвращенными неверными, которые без пощады расправились со всем сестричеством!

Триста тамплиеров, единственных оставшихся в живых представителей своего ордена в Акко, держались вместе и успешно противостояли победоносным мамлюкам. Тесной и компактной колонной они, сопровождаемые несколькими сотнями беглецов-христиан, пробивались к монастырю Храма в Акко и закрыли ворота. Затем они собрались на торжественное собрание и назначили рыцаря-тамплиера, брата Гаудини, Великим

магистром. Храм в Акко был окружен стенами и башнями и представлял собой место огромной силы и необъятных размеров. Он был разделен на три квартала, в первом и главном из которых находились дворец Великого магистра, церковь и жилища рыцарей; во втором, называемом Бургом Храма, располагались кельи служащих братьев; а третий, называемый Скотным рынком, предназначался для офицеров, которым было поручено закупать необходимые припасы для ордена и его войск. На следующее утро победивший султан предложил тамплиерам очень выгодные условия, и они согласились покинуть храм при условии, что в их распоряжение будет предоставлена галера и что им будет позволено удалиться в безопасное место вместе с христианскими беглецами, находящимися под их защитой, и унести столько их вещей, сколько каждый сможет на себя погрузить. Мусульманский завоеватель обязался выполнить эти условия и послал тамплиерам штандарт, который был установлен на одной из башен Храма. После этого в стены монастыря была введена стража из трехсот мусульманских солдат, которым было поручено следить за тем, чтобы статьи капитуляции были приведены в исполнение. Среди беглецов было несколько христианских дам и женщин из Акко, и солдаты-мусульмане, привлеченные их красотой, нарушили все ограничения и нарушили условия капитуляции. Разъяренные тамплиеры закрыли и забаррикадировали ворота Храма; они набросились на вероломных неверных и предали смерти каждого из них, "от величайшего до малейшего". Сразу же после этой резни мусульманские трубы возвестили о начале штурма, но тамплиеры успешно оборонялись до следующего дня (20-го). Тогда маршал ордена и несколько братьев были направлены Години с флагом перемирия к султану, чтобы объяснить причину расправы над его гвардией. Разъяренный монарх, однако, не успел их в свою власть, как приказал обезглавить каждого из них и с новой силой принялся за осаду.

Ночью Гаудини с отрядом своих соратников собрал сокровища ордена и церковные украшения, и, выйдя из потайного хода Храма, который сообщается с гаванью, они сели на небольшое судно и в безопасности бежали на остров Кипр. Оставшиеся тамплиеры укрылись в большой башне Храма, называемой "Башней Магистра", которую они защищали с отчаянной энергией. Самые храбрые мамлюки были отброшены назад во время неоднократных штурмов, и маленькая крепость была повсюду окружена горами убитых. Наконец султан, отчаявшись взять крепость штурмом, приказал ее подрыть. Продвигаясь вперед, рабочие подпирали фундамент деревянными балками, а когда раскопки были закончены, эти деревянные опоры сгорели; огромная башня рухнула с огромным треском и погребла под своими руинами храбрых тамплиеров. Султан поджег город в четырех местах; стены, башни и валы были разрушены, и последний оплот христианской власти в Палестине был быстро превращен в дымящееся одиночество.^[140]

Еще несколько лет назад руины христианского города Акко были достойны внимания любопытных. Здесь все еще можно было обнаружить остатки тридцати церквей, а в квартале, занятом рыцарями-тамплиерами, сохранилось множество интересных памятников этого гордого и могущественного ордена. "Туша, - говорит Сэндис, - показывает, что тело было крепким, вдвойне замурованным; укреплено бастионами и башнями, к каждой стене примыкает ров, выложенный камнем, а под ним - различные тайные постеры. По развалинам можно подумать, что город состоял из множества примыкающих друг к другу замков, которые были свидетелями знаменательной обороны и неравного штурма, и что ярость завоевателей простиралась дальше завоевания; огромные стены и арки перевернулись и лежат, как камни на фундаменте". Во время посещения Акко доктором Кларком руины, за исключением собора, арсенала, монастыря рыцарей и дворца Великого магистра, были настолько перемешаны с современными зданиями и находились в таком состоянии полного разрушения, что трудно было дать их удовлетворительное описание. "Во дворце паши, в

хане, мечети, общественной бане, фонтанах и других частях города мы видели множество великолепных остатков, состоящих из обломков античного мрамора, валов и капителей гранитных и мраморных колонн, масс зеленой античной брекчии, древнего серпентина, сиенита и египетского траппа. В саду дворца Джеззара, ведущем к его летним апартаментам, мы видели несколько колонн из пестрого мрамора необычайной красоты".

После падения Акры штаб-квартира тамплиеров была основана в Лимиссо на острове Кипр, а в Европу были отправлены срочные письма с просьбой о помощи. Войска султана Келауна тем временем штурмовали и взяли Тир, Сидон, Тортосу, Кайфас и замок пилигримов. Последние три места принадлежали тамплиерам и стойко защищались, но их атаковал египетский флот на море и бесчисленные армии неверных на суше, и в конце концов они были вовлечены в общую гибель. Великий магистр Гаудини, переполненный горем и досадой из-за потери Святой земли и жалкого положения своего ордена, лишенного всех своих владений на азиатском континенте, умер в Лимиссо после непродолжительной болезни, и его сменил (1295 г. н. э.) брат Джеймс де Моле, из семьи лордов Лонгвик и Раон в Бургундии. Этот прославленный дворянин возглавлял английскую провинцию ордена в период своего избрания на звание Великого магистра. Сначала он был назначен генеральным визитером, затем Великим прецептором Англии, а после этого стал во главе всего братства. Во время своего пребывания в Британии он провел несколько глав или собраний братьев в лондонском Храме и в различных прецепториях, где разработал и ввел в действие различные правила и положения для управления братством в Англии.^[141] Вскоре после своего назначения на пост Великого магистра он переправился через море во Францию и имел честь держать у купели крещения младенца - сына Филиппа ле Бея. Затем он отправился на Кипр, захватив с собой многочисленную армию английских и французских рыцарей-тамплиеров и значительное количество сокровищ. Вскоре после прибытия он заключил союз со знаменитым Казан Чамом, императором могольских татар, королем Персии, потомком или преемником Чингисхана, и высадился в Сирии со своими рыцарями и войском, чтобы присоединиться к штандарту этого могущественного монарха. Касан женился на дочери Леона, царя Армении, христианской принцессе необыкновенной красоты, к которой он был очень привязан и которой было позволено наслаждаться и публично совершать христианские обряды. Император татар, естественно, благосклонно отнесся к христианам и пригласил Великого магистра Храма присоединиться к нему в экспедиции против султана Египта.

Весной 1299 года тамплиеры высадились в Суадии и соединились с татарскими войсками, расположившимися среди руин Антиохии. Могольский император отдал под командование Великого магистра тридцатитысячную армию, и объединенные силы двинулись вверх по долине Оронта к Дамаску. В великом сражении при Хемсе войска султанов Дамаска и Египта были полностью разбиты и с большой резней преследовались до наступления ночи. Алеппо, Хемс, Дамаск и все главные города сдались под победоносным оружием моголов, а тамплиеры вновь с триумфом вошли в Иерусалим, посетили Гроб Господень и отпраздновали Пасху на горе Сион. Казан отправил послов к папе и европейским государям, сообщая о победоносных успехах своего оружия, прося их о союзе и предлагая взамен владение Палестиной. Но христианские народы не вняли призыву, и никто всерьез не думал об экспедиции на восток, кроме генуэзских дам, которые, напуганные интердиктом, наложенным на их город, приняли крест как лучшее средство отвести божественное негодование. Великий магистр Храма дошел до Газы и изгнал сарацинов в песчаные пустыни Египта; но сарацинский вождь, назначенный татарами губернатором Дамаска, подстрекнул мусульманское население Сирии к восстанию, и великий магистр был вынужден отступить в Иерусалим. Там к нему присоединился татарский полководец Котулосс, которого Касан

отправил за Евфрат, чтобы поддержать его. Объединенные армии снова готовились к походу на Дамаск, когда внезапная болезнь Казана, которого лекари отдали в руки врачей, нарушила все их планы и лишила Великого магистра его татарских сил. Тамплиеры были вынуждены отступить к морскому побережью и погрузить свои силы на галеры. Великий магистр отплыл в Лимиссо, разместив сильный отряд своих воинов на острове Арадус, недалеко от Тортосы, который они укрепили; но на них быстро напал флот из двадцати судов и десяти тысячной армии, и после галантной обороны они были вынуждены оставить свои укрепления и были все убиты или взяты в плен.[142]

Так закончилось господство тамплиеров в Палестине, и тем самым завершилась долгая и яростная борьба между КРЕСТОМ и КРЕСТОМ! Немногих оставшихся в Святой Земле христиан гнали от руины к руине и истребляли. Церкви, дома и укрепления на морском побережье были разрушены, и все, что могло дать укрытие и безопасность или предупредить о приближении крестоносцев с запада, было тщательно уничтожено. Все дома были подожжены, деревья вырублены и сожжены, земля повсюду опустошена, а вся приморская страна от Лаодикии до Аскалона превратилась в пустыню. "Все следы франков, - говорит арабский летописец Ибн Ферат, - были уничтожены, и так будет продолжаться, угодное Богу, до судного дня!"[143]

Почти шесть веков прошло над Палестиной с момента окончания крестовых войн, а земля все еще остается *безлюдной*. Гордые памятники бывшего великолепия болезненно контрастируют с нынешними руинами и упадком, а остатки богатых и многолюдных городов древности окружены невозделанными пустынями. Бог сказал: "Я поражу землю *проклятием*. Я приведу худших из язычников, и они овладеют ею". "Терновник взойдет во дворцах ее, крапива и граб в крепостях ее, и город обороняемый будет оставлен, и жилище покинуто, и будет оставлено, как пустыня".

"Смоковница не расцветет, и на виноградной лозе не будет плода; труд маслины пропадет, и поля не дадут мяса; стадо будет отрезано от стада, и в стойле не будет стада". Но светлые и счастливые времена еще впереди, ибо Господь Бог также сказал: "К горам Израилевым, к холмам и рекам, к долинам и пустыням, и городам оставленным, которые сделались добычей и посмешищем для язычников. Вот Я за вас, Я обращусь к вам, и вы будете пахать и сеять, и Я умножу на вас людей, и они отстроят старые опустошенные города, запустение многих поколений!"

"В земле Вениамина, и в местах, прилегающих к Иерусалиму, и в городах Иуды *стада снова перейдут под руку того, кто скажет им, говорит Господь!*"

ГЛАВА VII.

Падение тамплиеров - причины этого - Великий магистр приезжает в Европу по просьбе папы - по приказу короля Филиппа он вместе со всеми тамплиерами заключен в тюрьму во Франции - их подвергают пыткам и выбивают из них признания в ереси и идолопоклонстве - Эдуард II, Король Англии выступает в защиту тамплиеров, но впоследствии преследует их по приказу папы - Заключение магистра Храма и всех его братьев в Англии - Их допрос по восьмидесяти семи ужасным и нелепым статьям обвинения перед иностранными инквизиторами, назначенными папой - Любопытные доказательства, приведенные относительно способа приема в орден, Тамплиеры во Франции, отказавшиеся от своих

вымученных признаний, рассматриваются как еретики и сжигаются на костре - Одинокое заключение тамплиеров в Англии в отдельных темницах - пытки - Признания и отречения - Магистр Храма в Лондоне умирает в Тауэре - Великий магистр сжигается на костре - Упразднение ордена и ликвидация его имущества.

В том месте, где я живу,
Et ne sait a tort ou a droit,
Они были искусителями, не знающими удержу,
Tous pris par le royaume de France.
В октябрьский день, в день праздника,
Et un vendredi fu le jor.

Chron. MS.

Теперь нам остается только рассказать о несчастной и жестокой судьбе оставшихся в живых братьев ордена Храма и о неблагодарности, с которой они столкнулись от рук своих братьев-христиан на Западе. После потери всех христианских территорий в Палестине и уничтожения всех серьезных надежд на восстановление и удержание Святого города, услуги тамплиеров перестали быть востребованными, а люди стали с жадностью смотреть на их огромные богатства и необъятные владения. Духовенство с ревностью и негодованием относилось к их выводу из-под обычной церковной юрисдикции, освобождению от десятины и привилегии совершать богослужения во время интердикта; враждебность к ордену проявлялась в неоднократных актах несправедливости, что вызвало множество суровых булл со стороны римских понтификов.^[144] Кроме того, тамплиеры стали непопулярны среди европейских государей и их вельмож. Доходы первых несколько уменьшились из-за иммунитетов, предоставленных ордену их предшественниками, а отцовские поместья вторых сократились в результате пожалования братству многих тысяч поместий, лордств и честных владений их благочестивыми и восторженными предками. Значительная неприязнь стала проявляться и к ежегодной передаче крупных денежных сумм, доходов тамплиеров, из европейских государств для расходования в далеких войнах, в которых христианство теперь не принимало сравнительно никакого участия.

Вскоре после падения Акко и полной потери Палестины Эдуард I, король Англии, конфисковал и конфисковал в свое пользование деньги, накопленные тамплиерами, чтобы направить их братьям на Кипре, утверждая, что имущество ордена было предоставлено ему королями Англии, его предшественниками и их подданными для защиты Святой земли, и что после ее потери нельзя найти лучшего применения этим деньгам, чем направить их на содержание бедных. Однако по настоятельной просьбе папы король разрешил впоследствии переводить их доходы на остров Кипр обычным способом. Король Эдуард и раньше проявлял сильное желание наложить руки на имущество тамплиеров. Вернувшись из победоносной кампании в Уэльсе и обнаружив, что не может выплатить задолженность по жалованью своим солдатам, он вместе с сэром Робертом Уолераном и несколькими вооруженными последователями отправился в Храм и, позвав казначея, сделал вид, что хочет увидеть драгоценности своей матери, которые там хранились. Получив допуск в дом, он намеренно вскрыл сундуки тамплиеров и унес с собой в Виндзорский замок десять тысяч фунтов. Его сын, Эдуард II, вступая на престол, совершил аналогичный акт несправедливости. Вместе со своим фаворитом Пирсом Гавестоном он отправился в Храм и забрал с собой пятьдесят тысяч фунтов серебра, а также множество золота, драгоценностей и драгоценных камней, принадлежавших епископу Честера. Безнаказанность, с которой

были совершены эти акты насилия, свидетельствует о том, что тамплиеры уже не пользовались той властью и уважением, которыми они обладали в древние времена.

По мере того как энтузиазм в пользу священной войны ослабевал, значительное число членов братства оставалось дома, в своих западных прецепториях, и принимало активное участие в политике Европы. Они вмешивались в распри христианских князей и даже обращали свои мечи против своих собратьев-христиан. Так, мы видим, что члены ордена принимали участие в войне между Анжуйским и Арагонским домами, а также помогали королю Англии в его войне против короля Шотландии. В битве при Фалкирке, состоявшейся 22 июля 1298 года, через семь лет после падения Акры, погибли и магистр лондонского храма, и его наместник, прецептор Шотландии. Все эти обстоятельства, вместе с потерей Святой земли и угасанием энтузиазма крестовых походов, снизили популярность тамплиеров. В это время списки английского парламента стали изобиловать жалобами и прошениями братства о нарушении их хартий, франшиз, вольностей и привилегий во всех частях королевства.^[145]

В период падения Акры трон Франции занимал Филипп Красивый, сын Людовика Святого. Он был нуждающимся и скупым монархом и в разные периоды прибегал к самым жестоким мерам, чтобы пополнить свою истощенную казну. После смерти папы Бенедикта XI (1304 г. н. э.) ему удалось, благодаря интригам французского кардинала Дюпре, возвести на папскую кафедру архиепископа Бордо, свою креатуру. Новый папа перенес святую кафедру из Рима во Францию; он созвал всех кардиналов в Лион и там был посвящен (1305 г. н. э.) под именем Климента V. в присутствии короля Филиппа и его вельмож. Из десяти новых кардиналов, созданных тогда, *девять* были французами, и во всех своих действиях новый папа проявлял себя послушным рабом французского монарха. Характер этого понтифика был обрисован римскими церковными историками в самых мрачных тонах.

6 июня 1306 года, через несколько месяцев после своей коронации, он направил из Бордо письма Великим магистрам храма и госпиталя в Лимиссо на острове Кипр, выражая искреннее желание посоветоваться с ними относительно мер, которые необходимо принять для восстановления Святой земли. Он говорит им, что именно они лучше всего подходят для того, чтобы дать совет по этому вопросу, а также для того, чтобы руководить и управлять этим предприятием, как в силу своего большого военного опыта, так и в силу того, что они заинтересованы в успехе экспедиции. "Мы приказываем вам, - говорит он, - прибыть сюда без промедления, с максимально возможной секретностью и с очень небольшой свитой, поскольку по эту сторону моря вы найдете достаточное количество ваших рыцарей, чтобы сопровождать вас". Великий магистр госпиталя отказался повиноваться этому вызову; но Великий магистр храма немедленно принял его и без колебаний отдал себя во власть папы и короля Франции. В начале 1307 года он высадился во Франции в сопровождении шестидесяти своих рыцарей и поместил сокровища ордена, которые он привез с собой с Кипра, в парижском храме. Он был с почетом принят королем, а затем отправился в Пуатье для беседы с папой.

Тайные агенты французского короля немедленно распространили различные мрачные слухи и одиозные донесения, касающиеся тамплиеров. Согласно некоторым писателям, Сквин де Флориан, гражданин Безье, который за свои беззакония был приговорен к смерти или вечному заключению в одном из королевских замков, предстал перед королем Филиппом, получил бесплатное помилование и был хорошо вознагражден, в обмен на обвинение под присягой, в котором тамплиеры обвинялись в ереси и совершении самых ужасных

преступлений. По словам других, Носсо де Флорентин, тамплиер-отступник, осужденный Великим прецептором и капитулом Франции на вечное заточение за нечестие и преступления, в своей темнице добровольно признался в грехах и мерзостях, в которых обвиняли орден. Как бы то ни было, на основании информации, полученной под присягой от осужденного преступника, король Филипп 14 сентября разослал тайные письма всем байям различных провинций Франции, обвиняя тамплиеров в неверности, в глумлении над священным образом Спасителя, в принесении жертв идолам, в предании себя нечистой практике и противоестественным преступлениям! "Нам поручено, - говорит он, - поддерживать веру; после совещания с папой, прелатами и баронами королевства, по просьбе инквизитора, из уже изложенных сведений, из сильных подозрений, из вероятных догадок, из законных предположений, задуманных против врагов неба и земли! И поскольку дело важное, и целесообразно доказать, что они справедливы, как золото в печи, путем тщательной проверки, постановили, что члены ордена, которые являются нашими подданными, должны быть арестованы и задержаны для суда церкви, и что все их недвижимое и личное имущество должно быть конфисковано в наши руки!" и т. д. Баи и сенешали должны были точно, с большой секретностью и не возбуждая подозрений, сообщить о количестве домов Храма в пределах их юрисдикции; обеспечить вооруженную силу, достаточную для преодоления любого сопротивления, и 13 октября заставить тамплиеров в их прецепториях и сделать их пленниками. Затем инквизиции предписывается собраться, чтобы допросить виновных и применить пытки, если это будет необходимо. "Прежде чем приступить к дознанию, - говорит Филипп, - вы должны сообщить им (тамплиерам), что папа и мы сами убедились, на основании безупречных свидетельств, в заблуждениях и мерзостях, сопровождающих их обеты и исповедание; вы должны обещать им *помилование* и *милость*, если они признают истину, но если нет, вы должны сообщить им, что они будут приговорены к смерти".

Как только Филипп издал эти приказы, он написал главным государям Европы, призывая их последовать его примеру, и отправил конфиденциального агента по имени Бернар Пелетин с письмом к молодому королю Эдуарду Второму, который только что взойшел на трон Англии, в котором в страшных красках описывались притворные грехи тамплиеров. 22 сентября (A. D. 1306 года) король Эдуард ответил на это письмо, отметив, что он рассмотрел упомянутые в нем вопросы и выслушал заявления этого благоразумного человека, магистра Бернарда Пелетина; что он заставил последнего изложить обвинения перед собой, многими прелатами, графами и баронами своего королевства, а также другими членами своего совета; Но они оказались настолько поразительными, что в них невозможно поверить; что о таких отвратительных и мерзких делах король и вышеупомянутые прелаты, графы и бароны никогда прежде не слышали, и поэтому вряд ли можно было ожидать, что им легко поверят. Однако английский монарх сообщает королю Филиппу, что по совету своего совета он приказал вызвать к себе сенешаля Агена, из уст которого, как говорят, исходили слухи, чтобы через он мог получить дополнительные сведения об этом; и он заявляет, что в подходящее время, после должного расследования, он предпримет такие шаги, которые будут способствовать прославлению Бога, а также чести и сохранению католической веры.^[146]

В ночь на 13 октября все тамплиеры во французских владениях были одновременно арестованы. Монахам было поручено проповедовать против них в общественных местах Парижа и в садах Пале-Рояля; воспользовавшись глупостью, суеверием и легковерием эпохи, против них были выдвинуты самые ужасные и экстравагантные обвинения. Их обвинили в поклонении идолу, покрытому старой кожей, забальзамированной и имеющей вид куска полированной ткани для масла. "В этом идоле, - уверяют нас, - было два карбункула вместо глаз, ярких, как небесное светило, и несомненно, что вся надежда

тамплиеров была возложена на него; это был их суверенный бог, и они верили в него всем сердцем". Их обвиняют в сожжении тел умерших братьев и превращении пепла в порошок, который они добавляли в пищу и питье младшим братьям, чтобы заставить их придерживаться своей веры и идолопоклонства; в приготовлении и запекании младенцев и помазании жиром своих идолов; в проведении тайных обрядов и мистерий, к которым приобщали юных и нежных девственниц, и во множестве мерзостей, слишком абсурдных и ужасных, чтобы их можно было назвать. Гийом Параден в своей истории Савойи серьезно повторяет эти чудовищные обвинения и заявляет, что у тамплиеров было "одно место в пещере или пещере на земле, очень мрачное, в котором они имели изображение в форме человека, на которое они наложили кожу человеческого тела и поставили два прозрачных и луизановых карбука вместо двух глаз. У этой ужасной статуи они заставляли приносить в жертву тех, кто желал быть приверженцем их проклятой религии, и перед всеми церемониями они противились тому, чтобы поклониться Иисусу Христу и наложить на себя руки, а после этого ужасного священнодействия, когда приносила в жертву женщин и девушек (соблазнительных для этой секты), они зажгли лампы и светильники, которые находились в этой пещере.... А когда от одного храмовника и одной крестьянки родился один сын, они бросились все вместе в один ряд и стали бить этого ребенка из главных рук в главные, не переставая бить его до тех пор, пока он не умер среди своих ног; а когда он умер, они стали вращаться (это было ужасно), и от грайса они стали оглядывать свою великую статую!" Характер обвинений, выдвинутых против тамплиеров, доказывает, что у их врагов не было серьезных преступлений, в которых можно было бы обвинить орден. Сами их добродетели были обращены против них, ибо нам говорят, что, "чтобы скрыть беззаконие своей жизни, они подавали много милостыни, постоянно посещали церковь, вели себя назидательно, часто причащались святых таинств и проявляли всегда большую скромность и мягкость поведения как в доме, так и на людях".

В течение двенадцати дней сурового заточения тамплиеры неизменно отрицали ужасные преступления, вменяемые братству. Обещания короля о помиловании не дали им признания вины, и тогда они были переданы на милость братьев Святого Доминика, которые были самыми изысканными и искусными мучителями того времени. 19 октября великий инквизитор вместе со своими мирмидонами отправился в парижский храм, и сто сорок тамплиеров один за другим были подвергнуты пыткам. Дни и недели ушли на допросы, и тридцать шесть тамплиеров погибли в руках своих мучителей, до последнего сохраняя непоколебимую уверенность в полной невиновности своего ордена! Многие из них лишились ног от пытки огнем, которая проводилась следующим образом: ноги закреплялись в железной раме, а подошвы ступней смазывались жиром или маслом; затем их ставили перед огнем, а экран отодвигали назад и вперед, чтобы умерить и регулировать жар. Эта операция по обжариванию доставляла такие муки, что жертва часто сходила с ума. Брат Бернард де Вадо, впоследствии отказавшийся от признания вины, вырванного у него подобным описанием мучений, говорит комиссару полиции, к которому его привели для допроса: "Они так долго держали меня перед яростным огнем, что плоть сгорела с моих пяток, а два куска кости отвалились, которые я вам и представляю".[147] Другой тамплиер, публично отказавшись от своего признания, заявил, что ему вырвали четыре зуба и что он признал себя виновным, чтобы спасти оставшиеся. Другие члены братства заявили, что их подвергали самым отвратительным и непристойным пыткам;[148] и, в дополнение ко всему этому, похоже, что заключенным показывали поддельные письма от Великого магистра, увещевая их признать себя виновными! Многие тамплиеры были вынуждены признать все, что от них требовалось, и признать себя виновными в совершении преступлений, которые на предыдущих допросах они категорически отрицали.

Эти жестокие действия привели в изумление всю Европу. 20 ноября король Англии вызвал к себе сенешаля Агена и допросил его об истинности ужасных обвинений, выдвинутых против тамплиеров; а 4 декабря английский монарх написал письма королям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии следующего содержания: "Великолепному принцу лорду Дионисию, милостью Божьей прославленному королю Португалии, его очень дорогому другу Эдуарду, по той же милости королю Англии, и т. д. Здоровье и процветание. Вполне уместно и правильно, поскольку это способствует чести Бога и возвышению веры, чтобы мы с благосклонностью преследовали тех, кого нам рекомендуют, благодаря напряженным трудам и непрестанным усилиям в защиту католической веры и для уничтожения врагов креста Христова. Истинно, некий клерк (Бернар Пелетин), приблизившись к нашему присутствию, всеми силами стремился к разрушению ордена братьев Иерусалимского храма. Он осмелился обнародовать перед нами и нашим советом некие ужасные и отвратительные преступления, противные католической вере, в ущерб вышеупомянутым братьям, пытаясь убедить нас своими собственными утверждениями, а также некоторыми письмами, которые он заставил направить нам с этой целью, что в силу этих предпосылок и без должного изучения вопроса мы должны заключить в тюрьму всех братьев вышеупомянутого ордена, пребывающих в наших владениях. Но, учитывая, что орден, прославившийся своей религией и честью и в давно минувшие времена учрежденный, как мы узнали, католическими отцами, демонстрирует, и с момента своего первого основания демонстрировал, всеобщую преданность Богу и его святой церкви, а также, вплоть до настоящего времени, оказывал помощь и защиту католической вере в заморских краях, нам показалось, что вряд ли стоит ожидать готовности поверить в подобное обвинение, доселе неслыханное против братства. Мы с любовью просим и требуем от вашего королевского величества, чтобы вы с должным усердием рассмотрели все обстоятельства и не обращали внимания на клевету недоброжелателей, которые, как мы полагаем, движимы не рвением к добродетели, а духом *корыстолюбия* и зависти, не позволяя причинять никакого вреда по неосторожности лицам или имуществу братьев вышеупомянутого ордена, проживающих в пределах вашего королевства, пока они не будут законно осуждены за преступления, вменяемые им в вину, или пока не будет принято иное решение относительно них в этих краях."

Через несколько дней после передачи этого письма король Эдуард написал Папе, выражая свое недоверие к ужасным и отвратительным слухам, распространяемым за границей о тамплиерах. Он представляет их его святейшеству как людей, пользующихся всеобщим уважением в его владениях за чистоту их веры и нравственности. Он выражает глубокое сочувствие по поводу страданий и бедствий, выпавших на долю магистра и братьев из-за распространившегося о них скандала, и настоятельно просит святого понтифика очистить, путем справедливого расследования, характер ордена от несправедливых и позорных клевет, брошенных на него.^[149] Однако 22 ноября, за две недели до этого, папа издал следующую буллу, адресованную королю Эдуарду. "Климент, епископ, слуга рабов Божьих, своему очень дорогому сыну во Христе Эдуарду, прославленному королю Англии, здоровье и апостольское благословение.

"Пребывая, хотя и недостойно, на престоле пастырского первенства, по расположению Того, Кто распоряжается всем, мы ревностно стремимся к одному, превышающему все остальные; мы с горячим желанием стремимся к этому, чтобы, стряхнув сон небрежности, присматривая за стадом Господним, устраняя то, что вредит, и заботясь о том, что приносит пользу, мы могли бы, с Божьей помощью, приводить души к Богу. По правде говоря, давным-давно, примерно в период нашего первого возведения на вершину апостольского сана, до нас дошли легкие слухи о том, что тамплиеры, хотя и сражаются якобы под прикрытием религии,

до сих пор тайно живут в вероломном отступничестве и отвратительном еретическом разврате. Но, принимая во внимание, что их орден в давно минувшие времена блистал благородством и честью, и что в течение долгого времени они пользовались огромным почтением верующих, и что тогда мы не слышали ни о каких подозрениях в их отношении, ни о дурных слухах против них; А также, что с самого начала своей религии они публично несли крест Христов, выставя свои тела и имущество против врагов веры, ради приобретения, удержания и защиты Святой Земли, освященной драгоценной кровью Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, мы не желали с готовностью согласиться с этим обвинением...."

Затем святой понтифик сообщает, что впоследствии, однако, те же самые ужасные сведения были переданы королю Франции, который, одушевленный живым рвением к делу религии, немедленно принял меры, чтобы удостовериться в их истинности. Он описывает различные признания вины в идолопоклонстве и ереси, сделанные тамплиерами во Франции, и требует от короля, чтобы все тамплиеры в его владениях были взяты под стражу в тот же день. Он предписывает ему держать их от имени папы в распоряжении Святого престола и передать все их недвижимое и личное имущество в руки определенных доверенных лиц, чтобы оно верно хранилось до тех пор, пока святой понтифик не даст дальнейших указаний относительно него. Король Эдуард получил эту буллу сразу после того, как отправил папе свое письмо, в котором увещевал его святейшество не слушать обвинений против ордена. Теперь молодой король либо был убежден в виновности тамплиеров, опираясь на высокий авторитет понтифика, либо надеялся обратить судебное разбирательство против них на выгодный счет, поскольку с готовностью и быстротой подчинялся понтификальным повелениям. В совете был отдан приказ об аресте тамплиеров и изъятии их имущества. Было приказано составить описи их имущества и вещей, а также предусмотреть посев и обработку их земель на время заключения.

26 декабря король написал Папе, уведомляя его святейшество, что он приведет его повеления в исполнение самым лучшим и быстрым способом, какой только сможет; и 8 января 1308 года н. э. тамплиеры были внезапно арестованы во всех частях Англии, а их имущество было конфисковано в руки короля. Брат Уильям де ла Мор в этот период был магистром Храма, или прецептором Англии. Он сменил магистра Брайана ле Джея, который, как уже говорилось, был убит в битве при Фалкирке, попал в плен вместе со всеми своими братьями из Храма в Лондоне и был заключен под стражу в замке Кентербери. После этого он был освобожден под залог по ходатайству епископа Даремского.[150]

12 августа папа направил английским епископам буллу *faciens misericordiam* следующего содержания: "Климент, епископ, слуга рабов Божьих, досточтимым братьям архиепископу Кентерберийскому и его прихожанам, здоровье и апостольское благословение. Сын Божий, Господь Иисус Христос, милостив к своему слуге, желает, чтобы мы были возведены в выдающееся зеркало апостольства, с той целью, чтобы, будучи, хотя и недостойными, его наместниками на земле, мы могли, насколько позволит человеческая слабость во всех наших действиях и поступках, следовать по его стопам". Он рассказывает о слухах, которые распространялись во Франции против тамплиеров, и о своем нежелании верить им, "поскольку маловероятно и не кажется правдоподобным, чтобы такие религиозные люди, которые постоянно проливали свою кровь за имя Христа и, как считалось, подвергали свои лица смертельной опасности ради него; и которые часто проявляли многие и великие знаки набожности, как в богослужениях, так и в постах и других обрядах, должны были настолько не заботиться о своем спасении, чтобы совершать подобные вещи; мы не желали слушать инсинуации и обвинения в их адрес, будучи научены этому примером того же нашего Господа и писаниями канонического учения. Но впоследствии наш дражайший сын во

Христе, Филипп, прославленный король франков, которому стали известны те же преступления, *не из корысти* (поскольку он не намерен присваивать себе часть владений тамплиеров, более того, он умыл от них руки!), но воспламененный ревностью к православной вере, следуя по знаменитым стопам своих предков, получив все сведения, какие только мог, по адресу, дал нам много наставлений по этому вопросу своими посланниками и письмами". Затем святой понтифик подробно рассказывает о различных признаниях, сделанных во Франции, и об отпущении грехов тем тамплиерам, которые действительно раскаялись и покаются; он выражает свое убеждение в виновности ордена и принимает меры для суда над братством в Англии. Король Эдуард тем временем начал свободно распоряжаться их имуществом, и папа 4 октября написал ему следующее:

"Ваше поведение вновь начинает доставлять нам не малый повод для огорчения, поскольку нам стало известно из донесений нескольких баронов, что, презрев Святой Престол и не боясь оскорбить Божественное Величество, вы по своей собственной власти раздали разным лицам имущество, ранее принадлежавшее ордену Храма в ваших владениях, которое попало в ваши руки по нашему повелению и должно было оставаться в нашем распоряжении..... Поэтому мы постановили, чтобы в ваше королевство и во все части света, где, как известно, тамплиеры имели собственность, были посланы определенные подходящие и надлежащие лица, чтобы они вступили во владение ею совместно с некоторыми прелатами, специально назначенными для этой цели, и провели инквизицию относительно отвратительных злоупотреблений, которые, как говорят, совершили члены ордена." [151] На это письмо верховного понтифика король Эдуард прислал следующий краткий и емкий ответ: "Что касается имущества тамплиеров, то мы ничего не делали с ним до настоящего времени и не собираемся делать с ним ничего, кроме того, что мы имеем право делать и что, как мы знаем, будет угодно Всевышнему".

13 сентября н. ст. 1309 года, король дал письма о безопасном поведении "тем благоразумным людям, аббату Ланьи, в епархии Парижа, и магистру Сикарду де Вору, канонику Нарбонны", инквизиторам, назначенным папой для допроса Великого прецептора и братьев Храма в Англии; И в тот же день он написал архиепископу Кентерберийскому и епископам Лондонскому и Линкольнскому, предписывая им лично присутствовать с папскими инквизиторами в их соответствующих соборах, как только эти инквизиторы или кто-либо из них будет продолжать свои расследования против тамплиеров. [152]

Среди заключенных, содержащихся в Тауэре, были брат Уильям де ла Мор, рыцарь, Великий прецептор Англии, иначе магистр Храма; Брат Гимберт Бланке, рыцарь, Великий прецептор Оверни, один из воинов-ветеранов, до последнего сражавшихся при защите Палестины, избежавший резни под Акко и сопровождавший Великого магистра с Кипра во Францию, откуда он переправился в Англию, и был вознагражден за свои заслуженные и памятные заслуги в защите христианской веры темницей в Тауэре. Брат *Радульф де Бартон*, священник ордена Храма, хранитель церкви Храма и настоятель Лондона; брат *Майкл де Баскевиль*, рыцарь, прецептор Лондона; брат *Джон де Сток*, рыцарь, казначей Храма в Лондоне; а также многие другие рыцари и служилые братья того же дома. Также в Тауэре находились рыцари-прецепторы прецепторий Юэлл в Кенте, Дейни и Доксворт в Кембриджшире, Гетингес в Глостершире, Камбе в Сомерсетшире, Шепли в Суррее, Сэмфорд и Бистелешэм в Оксфордшире, Гарви в Херефордшире, Крессинг в Эссексе, Паффлет, Хуплден и других прецепторий, а также несколько священников и капелланов ордена. По всей видимости, произошла всеобщая драка за обладание имуществом и вещами заключенных тамплиеров; и король, чтобы пресечь грабежи, назначил Алана де Голдингама и Джона де Медефельда, чтобы они выяснили стоимость похищенного имущества и

сообщили ему имена тех, кто завладел им. Шерифам разных графств также было предписано созвать присяжных, через которых можно было бы лучше узнать правду.[153]

22 сентября архиепископ Кентерберийский, повинаясь папскому повелению, еще до того, как в Англии был допрошен хоть один свидетель, приказал опубликовать во всех церквях и часовнях папскую буллу, в которой папа объявляет себя совершенно убежденным в виновности ордена и торжественно приговаривает к отлучению от церкви всех лиц, какого бы ранга, положения или состояния в жизни они ни были, будь то духовенство или миряне, кто сознательно окажет, публично или частным образом, помощь, совет или доброту тамплиерам, или осмелится дать им приют, или оказать им покровительство или защиту, а также наложит интердикт на все города, замки, земли и места, которые будут укрывать кого-либо из членов запрещенного ордена! В начале октября инквизиторы прибыли в Англию и сразу же опубликовали буллу о назначении комиссии, предписывающую приводить преступников и свидетелей и объявляющую самые суровые церковные кары непокорным и всем, кто осмелится препятствовать инквизиторам в исполнении их обязанностей. В соборе Святого Павла и во всех церквях церковной провинции Кентербери в конце высокой мессы были сделаны объявления, обязывающие тамплиеров предстать перед инквизиторами в определенное время и в определенном месте, а обвинительные статьи были переданы констеблю Тауэра на латинском, французском и английском языках, чтобы их прочли всем тамплиерам, заключенным в этой крепости.

В понедельник, 20 октября, после того как тамплиеры томились в английских тюрьмах более года и восьми месяцев, трибунал, учрежденный папой для ведения инквизиции в провинции Кентербери, собрался в епископском зале Лондона. В его состав входили епископ Лондона Дьедонне, аббат монастыря Ланьи в епархии Парижа, и Сикар де Воор, каноник из Нарбонны, капеллан папы и слушатель дел в папском дворце. Им помогали несколько иностранных нотариусов. После чтения папских булл и некоторых предварительных процедур были торжественно выставлены обвинительные статьи - памятник человеческой глупости, суеверия и легковерия. Против тамплиеров выдвигались следующие обвинения: "1. Что при первом приеме в орден или через некоторое время после этого, или как только представилась возможность, они были побуждены или наставлены теми, кто принял их в лоно братства, отрицать Христа или Иисуса, или распятие, или в одно время Бога, а в другое - Пресвятую Деву, а иногда и всех святых.-5. Что приемники говорили и наставляли тех, кто был принят, что Христос не был истинным Богом, или иногда Иисусом, или иногда распятым человеком.-7. Они говорили, что Он не страдал для искупления человечества и не был распят только за свои собственные грехи.-9. Они заставляли тех, кого принимали в орден, плевать на крест, или на знак, или фигуру креста, или изображение Христа.-10. Что они заставляли попирать ногами сам крест.-11. Что сами братья иногда попирали тот же крест.-12. Item quod mingeabant interdum, et alios mingere faciebant, super ipsam crucem.-14. Что они поклонялись кошке, которую ставили посреди общины.-16. Что они не верили ни в таинство алтаря, ни в другие таинства церкви.-24. Что они верили, и так им было сказано, что Великий магистр ордена может отпустить им грехи.-25. Что это может сделать посетитель.-26. Что прецепторы, среди которых было много мирян, могут это сделать.-36. Что приемы братьев проводились тайно.-37. Что никто не присутствовал, кроме братьев упомянутого ордена.-38. Что по этой причине против них долгое время существовали серьезные подозрения".

В последующих статьях тамплиеры обвиняются в преступлениях и мерзостях, слишком ужасных и отвратительных, чтобы их можно было назвать.

"46. Что у самих братьев в каждой провинции были идола, то есть головы; некоторые из них имели три лица, некоторые - одно, а некоторые - человеческий череп.-47. Что они поклонялись этому идолу или этим идолам, особенно на своих больших собраниях и главах-48. Что они поклонялись им.-49. Как своему Богу.-50. Как своему Спасителю.-51. Что некоторые из них так поступали52. Что большая часть так поступала53. Они говорили, что эти головы могут спасти их.-54. Что они могут принести богатство.-55. Что они отдали ордену все его богатства.-56. Что они заставили землю приносить семена57. Что они заставляют деревья питаться.-58. Что они связали или коснулись голов упомянутых идов шнурми, которыми они обвязали себя вокруг своих рубах или шкур.-59. Что при их приеме вышеупомянутые маленькие шнуры или другие такой же длины были переданы каждому из братьев.-60. Что они делали это, поклоняясь своим идолам.-61. Что им было предписано опоясываться упомянутыми маленькими шнурами, как уже говорилось, и постоянно носить их.-62. Что братья ордена обычно принимались таким образом63. Что они делали это из набожности.-64. Что они делали это повсеместно.-65. Что большая часть так поступала.-66. Что те, кто отказывался от вышеупомянутых вещей при их приеме или соблюдении их впоследствии, были убиты или брошены в тюрьму."^[154] Остальные статьи, числом двадцать одна, касаются в основном способа исповеди, практикуемого в братстве, и вопросов еретической испорченности.- Подобное обвинение, справедливо замечает Вольтер, уничтожает само себя.

Брат Уильям де ла Мор и еще тридцать его братьев, будучи допрошены перед инквизиторами, положительно отрицали вину ордена и утверждали, что тамплиеры, которые сделали признание, упомянутое во Франции, *солгали*. Их приказали привести отдельно для допроса. 23 октября брат Уильям Равен, будучи допрошен о способе своего приема в орден, заявил, что его принял брат Уильям де ла Мор, магистр храма в Темпл-Комбе, в епархии Бата; что он обратился к братьям храма с просьбой, чтобы они сообразовали принять его в орден для служения Богу и Пресвятой Деве Марии и закончить свою жизнь в их служении; что его спросили, есть ли у него твердое желание так поступить; он ответил, что есть; Тогда два брата объяснили ему строгость и суровость ордена и сказали, что ему не позволят действовать по своей воле, но он должен следовать воле наставника; что если он захочет сделать одно, ему прикажут сделать другое; и что если он захочет быть в одном месте, его пошлют в другое; Пообещав так поступать, он поклялся на святых Евангелиях Божьих повиноваться наставнику, не иметь собственности, хранить целомудрие, никогда не соглашаться на то, чтобы у кого-либо несправедливо отнимали его имущество, и никогда не поднимать руки на кого-либо, кроме как в целях самообороны или против сарацин. Он утверждает, что клятва была дана ему в часовне прецептории Темпл-Комб, в присутствии только братьев ордена; что правило было зачитано ему одним из братьев, и что ученый брат по имени Джон де Уолпол в течение месяца наставлял его по вопросам, содержащимся в нем. Затем заключенного отвели обратно в Тауэр и приказали строго отделить его от братьев и не позволять ему разговаривать ни с кем из них.

Следующие два дня (24 и 25 октября) были заняты аналогичным допросом братьев Хью де Тадекастра и Томаса ле Чемберлейна, которые дали точно такой же отчет о своем приеме, как и предыдущий свидетель. Брат Хью де Тадекастр добавил, что он поклялся всеми силами помогать Святой Земле и защищать ее от врагов христианской веры; и что после того, как он принес обычные клятвы и три обета целомудрия, бедности и послушания, в церкви в присутствии магистра, рыцарей и братьев ему вручили орденскую мантию с крестом и коиф, причем все светские лица были исключены. Брат Томас ле Чемберлейн добавил, что в

Англии существует такой же способ приема, как и за морем, и такой же способ принятия обетов; что все светские лица исключены, и что когда он сам вошел в церковь Темпл, чтобы исповедоваться, дверь, через которую он вошел, была закрыта за ним; что есть еще одна дверь, выходящая на кладбище, но никто посторонний не может войти через нее. На вопрос, почему никому, кроме братьев ордена, не разрешается присутствовать при приеме и исповедании братьев, он ответил, что не знает причины, но что так написано в их книге правил.

В период с 25 октября по 17 ноября были допрошены тридцать три рыцаря, капеллана и служащих братьев, и все они положительно отрицали все статьи, обвиняющие их орден в преступлении или неверности. Когда брата Гимберта Бланке спросили, почему они сделали прием и исповедание братьев тайной, он ответил: "По нашей собственной непостижимой глупости". Они признались, что носят маленькие шнуры вокруг рубашек, но не с плохой целью; они заявили, что никогда не прикасались ими к идолам, но носили их в знак покаяния, или, как сказал один рыцарь сорока трех лет от роду, по наставлению святого отца святого Бернарда. Брат Ричард де Голдингам говорит, что не знает о них ничего, кроме того, что они назывались поясами целомудрия. В них говорится, что принимающий и принимаемая сторона целовали друг друга в лицо, но все остальное относительно поцелуев было ложным, отвратительным и никогда не делалось.

Радульф де Бартон, священник ордена Храма и кастос или опекун церкви Храма в Лондоне, заявил по поводу статьи 24, что Великий магистр в главе может отпустить братьям грехи, совершенные против правил и соблюдения ордена, но не частные грехи, поскольку он не является священником; что совершенно верно, что принимаемые в орден клянутся не разглашать тайны капитула, и что когда кого-либо наказывают в капитуле, присутствующие при этом не должны сообщать об этом отсутствующим; но если какой-либо брат раскроет способ своего приема, он будет лишен своих покоев, или же его лишат привычки. Он заявляет, что братьям не запрещалось исповедоваться священникам, не принадлежащим к ордену Храма; и что он никогда не слышал о преступлениях и беззакониях, упомянутых в статьях расследования до его ареста, за исключением обвинений, выдвинутых против ордена Бернардом Пелетином, когда он прибыл в Англию от короля Филиппа Французского. Он утверждает, что в течение десяти лет был смотрителем церкви Темпл в Лондоне, а последние два года носил сан прецептора в том же месте. Его спросили о смерти брата Уолтера ле Бачелора, рыцаря, бывшего прецептора Ирландии, который умер в лондонском Храме, но он заявил, что ничего об этом не знает, кроме того, что упомянутый Уолтер был закован в цепи и помещен в тюрьму, где и умер; что он, конечно, слышал, что по отношению к нему применялась большая строгость, но не вмешивался в это дело из-за опасности; он также признал, что вышеупомянутый Уолтер не был похоронен на кладбище Храма, поскольку считался отлученным от церкви за неповиновение своему начальнику и правилам ордена.

Многие из испытуемых братьев состояли в ордене от двадцати до тридцати, сорока, сорока двух и сорока трех лет, а некоторые были старыми воинами-ветеранами, которые долгие годы сражались на иссохших равнинах Палестины. Брат Гимберт Бланке, рыцарь, прецептор Оверни, состоял в ордене тридцать восемь лет. Он был принят в городе Тир, вел постоянные войны с неверными и до последнего сражался при защите Акры. Брат Роберт ле Скотт, рыцарь, брат двадцати шести лет от роду, был принят в Замке Пилигримов, знаменитой крепости рыцарей-тамплиеров в Палестине, Великим магистром, братом Уильямом де Божо, героем, который так славно погиб во главе своих рыцарей при последней осаде и штурме Акко. Он утверждает, что по легкомыслию покинул орден после того, как его изгнали из

Палестины, и отсутствовал два года, в течение которых прибыл в Рим и исповедовался папскому пенитенциарию, который наложил на него тяжелую епитимью и велел вернуться к братьям на Восток, и что он вернулся и возобновил свой обычай в Никосии на острове Кипр, и был вновь принят в орден по повелению Великого магистра Джеймса де Моле. Он также добавляет, что брат Химберт Бланке (предыдущий свидетель) присутствовал на его первом приеме в Замке пилигримов.

На 22-й день расследования в протоколе заседаний была сделана следующая запись:

"Меморандум. Братьям Филиппу де Мьюзу, Томасу де Бертону и Томасу де Стаундону советовали и убедительно увещевали отказаться от своей религиозной профессии, на что они каждый раз отвечали, что скорее умрут, чем сделают это". 19 и 20 ноября в часовне монастыря Святой Троицы перед инквизиторами предстали семь свидетелей-мирян, не связанных с орденом. Магистр Уильям ле Дортюрер, нотариус, заявил, что тамплиеры вставали в полночь и проводили свои собрания до рассвета, и он *считает*, что тайна и секретность приемов объясняется скорее дурными, чем хорошими побуждениями, но заявил, что он никогда не замечал, чтобы они приобрели или пытались приобрести что-либо нечестным путем. Мастер Гилберт де Брюэр, клерк, сказал, что никогда не подозревал их в чем-то худшем, чем чрезмерное исправление братьев. Уильям Ламберт, бывший "посланник Храма", не знал ничего плохого о тамплиерах и считал их совершенно невиновными во всех делах, о которых шла речь. А Ричард де Бартон, священник, и Радульф де Рейндон, старик, заявили, что не знают об ордене и его членах ничего, кроме хорошего и благородного.

25 ноября в соборе Святого Павла собрался провинциальный совет церкви, состоящий из епископов, аббатов, приоров, глав коллегий и всего основного духовенства, и была зачитана папская булла, в которой святой понтифик самым патетическим образом останавливается на ужасных грехах тамплиеров и их великом и огромном падении с их прежнего высокого положения. До сих пор, говорит он, они были прославлены во всем мире как особые поборники веры и главные защитники Святой Земли, дела которой в основном регулировались этими братьями. Церковь, преследуя их и их орден во всей полноте своей особой благосклонности и уважения, вооружила их эмблемой креста против врагов Христа, возвысила их многими почестями, обогатила их богатством и укрепила их различными свободами и привилегиями. Святой понтифик приводит печальные сведения об их грехах и беззакониях, которые достигли его слуха, наполнили его горечью и печалью, нарушили его покой, поразили его ужасом, повредили его здоровье и привели к истощению его тела! Он долго рассказывает о преступлениях, вменяемых ордену, о признаниях и показаниях, которые были сделаны во Франции, а затем впадает в пароксизм скорби и заявляет, что это меланхоличное дело глубоко тронуло всех верующих, что все христианство проливает горькие слезы, переполнено горем и одето в траур. В заключение он предписывает собрать общий совет церкви во Вьенне, чтобы объявить об упразднении ордена и определить порядок распоряжения его имуществом, на который английское духовенство должно направить своих представителей.

Тем временем в Шотландии были возбуждены аналогичные дела против ордена. 17 ноября брат Уолтер де Клифтон был допрошен в приходской церкви Святого Креста в Эдинбурге перед епископом Св. Эндрюса и Джоном де Солерио, капелланом папы, заявил, что братья ордена Храма в королевстве Шотландия получали свои ордена, правила и обряды от магистра Храма в Англии, а магистр в Англии получал правила и обряды ордена от Великого магистра и главного монастыря на Востоке; что Великий магистр или его заместитель имел обыкновение посещать орден в Англии и других местах; созывать главы и принимать правила для поведения братьев и управления их имуществом. Когда его спросили о способе приема, он заявил, что когда Уильям де

ла Мор, магистр, проводил свой капитул в прецептории Темпл Бруэр в графстве Линкольн, он попросил у собравшихся братьев привычку и общение ордена; они сказали ему, что он мало понимает, о чем просит, желая быть принятым в их сообщество; что ему, который в то время был сам себе хозяином, будет очень тяжело стать слугой другого и не иметь собственной воли; но, несмотря на их заверения в строгости их правил и соблюдения, он все равно продолжал искренне стремиться к их привычке и общению. Он утверждает, что затем они привели его в покои Мастера, где они проводили свои главы, и что там, на согнутых коленях и со сцепленными руками, он снова молился о привычке и общении Храма; что Мастер и братья затем потребовали от него ответить на следующие вопросы: - Имеет ли он спор с кем-либо или задолжал ли какие-либо долги? обручен ли он с какой-либо женщиной? и не страдает ли он какой-либо тайной телесной немощью? или не знает ли он чего-либо, что могло бы помешать ему оставаться в лоне братства? И, удовлетворительно ответив на все эти вопросы, магистр затем спросил окружающих братьев: "Даєте ли вы свое согласие на прием брата Уолтера?", которые единодушно ответили, что да; и тогда магистр и братья, встав, приняли его, упомянутого Уолтера, таким образом. Стоя на коленях и соединив руки, он торжественно пообещал, что будет вечным слугой магистра, ордена и братьев, чтобы защищать Святую землю. Сделав это, магистр взял из рук брата-капеллана ордена книгу святых Евангелий, на которой был изображен крест, и, положив руку на книгу и на крест, поклялся Богу и Пресвятой Деве Марии быть впредь целомудренным, послушным и жить без имущества. Затем магистр дал ему белую мантию, возложил на голову капитул и допустил его к целованию уст, после чего заставил сесть на землю и напутствовал следующим образом: что отныне он должен спать в рубашке, кальсонах и чулках, подпоясавшись через рубашку небольшим шнуром; что он никогда не должен оставаться в доме, где есть женщина, никогда не должен присутствовать при бракосочетании или очищении женщин; а также проинструктировал и сообщил ему о некоторых других вещах. Когда его спросили, где он провел время после своего приема, он ответил, что прожил три года в прецептории Бланкрадок в Шотландии; три года в Храме Ньюсома в Англии; один год в Храме в Лондоне и три года в Эслэйкби. Когда его спросили о других братьях в Шотландии, он заявил, что Джон де Юфлет был прецептором Бланкрадока, главного дома ордена в этой стране, и что он и другие братья, услышав об аресте тамплиеров, бросили свои привычки и бежали, и что с тех пор он ничего не слышал о них.

Сорок один свидетель, в основном аббаты, приоры, монахи, священники, а также служители и помощники ордена в Шотландии, были допрошены по различным вопросам, но ничего криминального выяснить не удалось. Монахи отметили, что приемы других орденов были публичными и отмечались как большие религиозные торжества, на них приглашались друзья, родители и соседи тех, кто собирался дать обет; тамплиеры же, напротив, окутывали свои действия тайной и секретностью, и потому их *подозревали* в самом худшем. Священники считали их виновными, потому что они всегда выступали против церкви! Другие осуждали их за то, что, по их словам, тамплиеры закрывали свои двери от бедных и смиренных и оказывали гостеприимство только богатым и сильным мира сего. Аббат монастыря Святого Креста в Эдинбурге заявил, что они присваивают себе имущество своих соседей, правильно или неправильно. Аббат Дамферлин ничего не знал против них, но много *слышал* и еще больше *подозревал*. Служилые люди и землепашцы ордена утверждали, что главы проводились иногда ночью, иногда днем, с необычайной секретностью; а некоторые из свидетелей слышали, как старики говорили, что тамплиеры никогда бы не потеряли Святую землю, если бы были добрыми христианами!

9 января 1310 года н. э. допрос свидетелей возобновился в Лондоне, в приходской церкви Святого Дунстана, недалеко от Храма. Настоятель церкви Святой Марии де ла Строуд заявил, что у него есть сильные *подозрения* в виновности тамплиеров; однако он часто бывал в церкви Темпл и

заметил, что священники совершают там богослужение точно так же, как и в других местах. Уильям де Камбрук из церкви Святого Климента, расположенной неподалеку от Темпла, викарий церкви Святого Мартина-ин-филдс и многие другие священники и клирики различных церквей Лондона заявили, что им нечего предъявить ордену.

27 января брат Джон де Сток, служащий брат ордена Храма, семнадцати лет от роду, будучи допрошен инквизиторами в часовне Пресвятой Марии Беркингерской в Лондоне, заявил, среди прочего, что светским лицам разрешалось присутствовать при погребении тамплиеров; что все братья ордена принимали церковные таинства в свой последний час, а до могилы их сопровождал капеллан Храма. Будучи допрошен относительно погребения рыцаря-тамплиера брата Уолтера ле Бачелера, Великого прецептора Ирландии, который был заключен в покаянную келью в Храме за неповиновение начальству и, как сообщалось, был там уморен голодом до смерти, он утверждает, что упомянутый рыцарь был похоронен как любой другой христианин, за исключением того, что его похоронили не на кладбище, а во дворе дома Храма в Лондоне; что он исповедовался брату Ричарду де Графтону, священнику ордена, находившемуся тогда на острове Кипр, и причастился, как он полагает, к таинству. Он утверждает, что он сам и брат Радульф де Бартон отнесли его в могилу на рассвете дня, и что покойный рыцарь находился в тюрьме, как он полагает, в течение восьми недель; что он не был похоронен по обычаю своего ордена и был погребен без кладбища братьев, поскольку считался отлученным от церкви, в соответствии, как он полагает, с правилом или уставом тамплиеров, согласно которому каждый, кто тайно похитил имущество ордена и не признал своей вины, считался отлученным от церкви.

30 марта папские инквизиторы открыли свою комиссию в Линкольне, и в здании кафедрального собора были допрошены многочисленные тамплиеры, среди которых были некоторые из ветеранов Палестины, оросившие своей кровью далекие равнины Дальнего Востока. Брат Уильям де Винчестер, член ордена с двадцатилетним стажем, заявил, что был принят в орден в замке *Рока Гиль*, в провинции Армения, граничащей с Сирией, доблестным Великим магистром Уильямом де Божо. Он утверждает, что там существовал тот же способ приема, что и в Англии, и повсюду в ордене. Брат Роберт де Гамильтон заявляет, что пояса, которые, как говорят, носили братья, назывались назаретскими, поскольку их прижимали к колонне Девы Марии в этом месте, и их носили в память о благословенной Марии.

В Йорке допрос начался 28 апреля и продолжался до 4 мая, в течение которого двадцать три тамплиера, заключенные в Йоркском замке, были допрошены в капитуле собора и последовали примеру своих братьев, подтвердив свою невиновность. Брат Томас де Стэнфорд, член ордена с тридцатилетним стажем, был принят на Востоке Великим магистром Уильямом де Божье, а брат Радульф де Ростона, священник ордена с двадцатитрехлетним стажем, был принят в прецептории Лентини на Сицилии братом Уильямом де Канелло, Великим прецептором Сицилии. Брат Стефан де Раденхолл отказался раскрыть способ приема, поскольку это было частью секретов капитула, и если бы он их раскрыл, то лишился бы своей палаты, был бы лишен мантии или отправлен в тюрьму.^[155]

В то же время во Франции процессы против ордена приняли самый кровопролитный характер. 28 марта (1310 г. н. э.) пятьсот сорок шесть тамплиеров, упорно отстаивавших невиновность своего ордена, были собраны в саду епископского дворца в Париже, чтобы выслушать зачитанные им обвинительные статьи, и комитет из их числа был уполномочен составить письменную защиту. Они попросили о беседе с Великим магистром и главами ордена, но в этом им было отказано. Общее число тамплиеров, заключенных в парижские тюрьмы, составило девятьсот человек. В ходе допроса перед папскими комиссарами брат Лоран де Бом предъявил письмо, которое было

отправлено ему и его товарищам по заключению в Сенсе, предостерегая их от отказа от своих признаний в следующих выражениях: "*Зарубите себе на носу, что наш отец не отказался от своих признаний, что в них нет ничего страшного, что они будут прокляты и уничтожены в огне*". Эта угроза была приведена в исполнение, и брат Лоран де Бом стал одной из первых жертв. Защита, составленная братьями и представленная комиссарам братом Петром де Болонья, начинается с изложения происхождения и целей их учреждения, обетов, которым они себя подвергали, и способа приема людей в братство. Они рассказывают о страшных пытках, которым их подвергали, и заявляют, что те, кому удалось спастись от рук мучителей, были либо испорчены здоровьем, либо изувечены умом, и что, поскольку рыцарям, готовым признаться в содеянном, свободно предлагалось помилование и прощение, не удивительно, что были сделаны ложные признания. Они отметили, что огромное количество рыцарей умерло в тюрьме, и призвали комиссаров допросить стражников, тюремщиков и палачей, а также тех, кто видел их в последние минуты жизни, на предмет заявлений и признаний, которые они сделали на страх своей душе, умирая. Они утверждали, что весьма необычно, что столько рыцарей знатного происхождения и благородной крови, членов самых прославленных семейств Европы, должны были с раннего возраста и до самой смерти оставаться членами ордена и никогда, ни в дни болезни, ни в час смерти, не раскрыть ни одного из ужасных беззаконий и мерзостей, в которых его обвиняли.^[156] Все тамплиеры, сделавшие признания, быстро последовали примеру друг друга, отказываясь от них и утверждая свою невиновность, и король поспешил остановить неблагоприятный ход событий.

После смерти архиепископа Сенса, чья церковная власть распространялась на Парижскую епархию, король добился назначения на освободившуюся кафедру Филиппа де Мартиньи, своего креатура, который был введен в должность в апреле месяце. В письме Клименту, настаивающему на этом назначении, Филипп напоминает святому понтифику, что новый архиепископ должен будет председательствовать на провинциальном соборе, где будет решаться множество вопросов, которые непосредственно касаются славы Божьей, стабильности веры и святой церкви. Сразу же после возведения на престол этого нового архиепископа в Париже был созван провинциальный совет Санса, и 10 мая все тамплиеры, отрекшиеся от своих признаний и выступившие в защиту невиновности своего ордена, предстали перед ним, и архиепископ вынес им смертный приговор в следующих выражениях: - "Вы признали, - сказал он, - что братья, принятые в орден Храма, вынуждены отречься от Христа и плюнуть на крест, и что вы сами участвовали в этом преступлении; вы признали, что впали в грех *ереси*. Своей исповедью и покаянием вы заслужили отпущение грехов и вновь примирились с Церковью. Поскольку вы отозвали свое исповедание, Церковь больше не считает вас примирившимся, но вернувшимся к своим первым заблуждениям. Поэтому вы - *рецидивисты, еретики*, и как таковые мы осуждаем вас на костер!" Как только комиссары получили сведения об этом чрезвычайном указе, они отправили гонцов к архиепископу и его ставленникам, моля их отсрочить исполнение приговора, поскольку многие утверждали, что тамплиеры, умершие в тюрьме, до последнего вздоха провозглашали невиновность своего ордена. Но эти заверения оказались бесполезными. Архиепископ, расплачивавшийся за свое возвышение с жестким кредитором, принял за дело.

Уже на следующее утро (вторник, 12 мая) пятьдесят четыре тамплиера были переданы светской власти и выведены на казнь офицерами короля. На рассвете их вывели на открытую местность в окрестностях парижского порта Сент-Антуан-де-Шампс и привязали к вбитым в землю кольям, обложив их опилками и древесным углем. В таком положении они увидели зажженные факелы и приближение палачей для выполнения своей задачи, и им снова предложили помилование и

милость, если они признают *вину* своего ордена; они упорствовали в отстаивании своей *невиновности* и были сожжены до смерти самым жестоким образом перед медленным огнем! Все историки с восхищением говорят о героизме и бесстрашии, с которыми они встретили свою судьбу. Многие сотни других тамплиеров были вытащены из парижских подземелий перед архиепископом Сен-Сансом и его советом. Тех, кого не смогли одолеть ни муки пыток, ни страх смерти, но кто во время всех испытаний упорно отстаивал свою невиновность, приговорили к вечному заточению как *непримиримых еретиков*; а те, кто, сделав требуемые признания вины, продолжали упорствовать в них, получили отпущение грехов, были объявлены примиренными с церковью и отпущены на свободу.^[157]

Восемнадцатого августа еще четыре тамплиера были осуждены Сенским собором как еретики и сожжены Портой Сент-Антуан; утверждается, что сто тринадцать тамплиеров от первого до последнего были сожжены на костре в Париже. Многие другие были сожжены в Лотарингии, в Нормандии, в Каркассоне, а девять, или, по мнению некоторых авторов, двадцать девять, были сожжены архиепископом Реймским в Сенлисе! Офицеры короля Филиппа, не довольствуясь бесчеловечной жестокостью по отношению к живым, вторглись в святость гробницы; они притащили мертвого тамплиера, который был казначеем

93.

Храма в Париже, из могилы и сожгли его труп как еретика. В разгар всех этих кровавых злодеяний продолжались экзамены в церковных трибуналах. Многие пожилые и прославленные воины, заслуживавшие лучшей участи, предстали перед своими судьями бледными и дрожащими. Сначала они отказывались от своих признаний, заявляли о своей невиновности и отправлялись в тюрьму; затем, охваченные паникой, они требовали, чтобы их снова привели к папским комиссарам, и тогда они отказывались от своих отказов, настаивали на своей прежней *вине*, смиренно выражали свою скорбь и раскаяние, а затем были помилованы, отпущены и примирены с церковью! Пытки все еще продолжали применяться, и из тридцати трех тамплиеров, заключенных в замке д'Але, четверо умерли в тюрьме, а остальные двадцать признались, среди прочего, в следующих нелепостях: что в провинциальном капитуле ордена, проходившем в Монпелье, тамплиеры установили голову и поклонялись ей; что дьявол часто появлялся там в виде кошки, беседовал с собравшимися братьями и обещал им хороший урожай, обладание богатством и всеми видами мирской собственности. Некоторые утверждали, что голова, которой поклонялось братство, имела длинную бороду; другие - что это была женская голова; а один из заключенных заявил, что, когда поклонялись этой чудесной голове, множество дьяволов появлялись в виде прекрасных женщин...!!!

Теперь мы должны раскрыть темную страницу в истории ордена в Англии. Все тамплиеры, содержащиеся под стражей в этой стране, были допрошены по отдельности и, несмотря на это, дали одинаковые показания, рассказали о своем приеме в орден и о клятвах, которые они давали. Любой здравомыслящий и беспристрастный ум, следовательно, убедился бы в правдивости их заявлений; но целью инквизиторов было получить не доказательства *невиновности*, а доказательства *вины* ордена. Сначала король Эдуард Второй, к своей чести, запретил применять пытки к прославленным членам Храма в своих владениях - людям, которые сражались и проливали кровь за христианство, и о благочестии и нравственности которых он незадолго до этого дал столь подробные свидетельства главным государям Европы. Но добродетельная решимость слабого короля была быстро преодолена всемогущим влиянием римского понтифика, который в июне написал ему письмо, упрекая его за то, что он не позволил инквизиторам подвергнуть тамплиеров дисциплине дыбы. Под влиянием наставлений папы и просьб духовенства король Эдуард отправил приказ констеблю Тауэра передать тамплиеров неким тюремщикам, назначенным инквизиторами, дабы инквизиторы могли делать с телами тамплиеров все, что сочтут нужным, в соответствии с церковным законом. Затем собрался

церковный совет и приказал снова заключить тамплиеров в отдельные камеры; подготовить новые допросы, чтобы выяснить, можно ли с их помощью добиться *правды*, и если с помощью стеснения и заключения они *не признаются ни в чем*, то применить пытку; но было предусмотрено, что допрос под пыткой должен проводиться без ЛИШНЕГО искалечения или отсечения какой-либо конечности и без насильственного выливания крови! А инквизиторы и епископы Лондона и Чичестера должны были сообщить о результатах архиепископу Кентерберийскому, чтобы тот вновь созвал собрание для вынесения приговора - либо об отпущении грехов, либо об осуждении.

Затем король послал свежие инструкции констеблю Тауэра и шерифам Лондона, сообщая им, что король, из уважения к святому апостольскому собору, предоставил инквизиторам право пыточного допроса тамплиеров, и строго предписывая им выдавать тамплиеров инквизиторам и принимать их обратно, когда того потребуют. Затем король уведомил мэра, ольхов и простолюдинов своего верного города Лондона, что из почтения к Папе он уполномочил инквизиторов, присланных его святейством, допрашивать тамплиеров пытками; и повелел им, в случае если инквизиторы сообщат им, что тюрем, предоставленных шерифами, недостаточно для их целей, непременно приобрести в городе или вблизи него подходящие и удобные дома для осуществления задуманных мер. Вскоре после этого он снова написал мэру, олдерменам и простолюдинам Лондона, уведомляя их о том, что шерифы вернули ему предписание о том, что четверо ворот (тюрем) города не находятся в их ведении и что поэтому они не могут получить их для требуемых целей; и он приказывает мэру, олдерменам и простолюдинам предоставить эти четверо ворот в распоряжение шерифов. Вскоре после этого был отдан приказ надеть на всех тамплиеров, содержащихся под стражей в Лондоне, цепи и кандалы; мирмидонам инквизиторов было разрешено периодически наносить визиты, чтобы убедиться, что заключение осуществляется должным образом, и им было позволено подвергать тела тамплиеров любым пыткам, которые они сочтут нужными.^[158]

30 марта 1311 года н. э. в церквях Святого Мартина Ладгейта и Святого Ботольфа Бишопсгейта в присутствии инквизиторов и епископов Лондона и Чичестера был возобновлен допрос. Тамплиеры находились в тюрьме в Англии уже три года и несколько месяцев. Всю предыдущую зиму они провели в цепях в подземельях Лондона, вынужденные получать скудную пищу от офицеров инквизиции, страдать от холода, голода и пыток. Они были вынуждены терпеть все ужасы одиночного заключения, и им некого было утешить или ободрить в течение долгих часов их тоскливого плена. Они были уже коллективно осуждены папой как члены еретического и идолопоклоннического общества, и до тех пор, пока они продолжали упорствовать в истинности своих первых признаний и клясться в своей невиновности, к ним относились как к упрямым, непримиримым еретикам, живущим в состоянии отлучения от церкви и обреченным после смерти на вечное наказание в аду. Они слышали о несчастной судьбе своих братьев во Франции и знали, что тех, кто признавался в преступлениях, в которых никогда не был виновен, немедленно примиряли с церковью, отпускали на свободу, и они знали, что свободу, помилование и мир можно немедленно купить признанием вины; Несмотря на все это, каждый тамплиер на последнем допросе упорно утверждал свою невиновность и отрицал всякое знание или участие в преступлениях и ересь, вменяемых ордену. Поэтому их снова отправили в темницы и надели на них цепи, а инквизиторы, не получив желаемых признаний, обратились к врагам ордена за необходимыми доказательствами вины.

В течение апреля в доме главы Святой Троицы были допрошены семьдесят два свидетеля. Почти все они были монахами, кармелитами, августинцами, доминиканцами и миноритами; все их показания были получены со слов, и их характер можно понять из следующих примеров: Генри Танет, ирландец, *слышал*, что некий прецептор замка Пилигримов имел привычку заставлять всех

братьев, которых он принимал в орден, отречься от Христа. Он также *слышал*, что у некоего тамплиера хранится медная голова с двумя лицами, которая отвечает на все заданные ей вопросы! Магистр Джон де Нассингтон *слышал*, что тамплиеры раз в год устраивают торжественный праздник, на котором поклоняются *теленку*!-Джон де Эвр, рыцарь, шериф графства Йорк, показал, что однажды он пригласил брата Уильяма де ла Фенна, прецептора Вездалла, отобедать с ним, и что после ужина прецептор достал из своей груди книгу и передал ее даме рыцаря для прочтения, которая обнаружила вложенный в книгу лист бумаги, на котором были написаны отвратительные еретические учения о том, что Христос не был Сыном Божиим, не родился от девы, но был зачат от семени Иосифа, мужа Марии, по примеру других людей, и что Христос был не истинным, а лжепророком, и был распят не для искупления человечества, а за свои собственные грехи; и многое другое, противоречащее христианской вере. После предъявления этих важных доказательств брат Уильям де ла Фенн был вызван и допрошен; он признал, что обедал с шерифом Йорка и дал его даме почитать книгу, но поклялся, что не знал о бумажке, вложенной в книгу, и о ее содержании. Оказалось, что шериф Йорка хранил это открытие в тайне в течение шести лет!

Уильям де ла Форд, священник, настоятель прихода Крофтон в епархии Йорк, *слышал*, как Уильям де Рейнбур, священник ордена св. Августина, который в то время уже умер, что тамплиер, брат Патрик из Риппона, сын Уильяма из Глостера, признался ему, что при вступлении в орден его, одетого только в рубашку и штаны, провели через длинный проход в тайную камеру и там заставили отречься от своего Бога и Спасителя; затем ему показали изображение распятия и сказали, что поскольку он раньше почитал эту эмблему, то теперь должен обесчестить ее и плюнуть на нее, что он и сделал. "Item dictum fuit ei quod, depositis brachis, dorsum verteret ad crucifixum", и это он сделал, горько плача. После этого принесли изображение, как бы теленка, поставленное на алтарь, и сказали ему, что он должен поцеловать это изображение и поклониться ему, что он и сделал; после всего этого ему закрыли глаза и повели его по кругу, целуя и будучи поцелованным всеми братьями, но он не мог вспомнить, в какой части. Достойного священника спросили, когда он *впервые услышал* обо всем этом, и он ответил, что *после* ареста братьев по приказу короля!

Роберт Отерингемский, старший из ордена миноритов, рассказал, что однажды он принимал гостей тамплиеров в прецептории Рибстейн в Йоркшире, и когда после ужина была произнесена молитва, капеллан ордена сделал братьям выговор, сказав: "Дьявол вас сожжет"; и, услышав шум, он встал и, насколько он помнит, увидел одного из братьев Храма: "Brachis depositis, tenentem faciem versus occidentem et posteriora versus altare!" Затем он рассказывает, что примерно за двадцать лет до этого времени он был гостем тамплиеров в прецептории Уэтерби в Йоркшире, и когда наступил вечер, он услышал, что прецептор не придет к ужину, так как он приводил в порядок некоторые реликвии, которые он привез с собой из Святой Земли, а после этого в полночь он услышал непонятный шум в часовне, и, встав, он посмотрел в замочную скважину, и увидел там большой свет, то ли от огня, то ли от свечей, а наутро он спросил у одного из братьев Храма имя святого, в честь которого они ночью справляли столь великий праздник, и тот брат, ужаснувшись и побледнев, подумав, что видел, что среди них творилось, сказал ему: "Иди своей дорогой, и если ты любишь меня или дорожишь своей жизнью, никогда не говори об этом деле!" Брат Джон де Ведерель, другой минорит, заявил, что недавно *слышал* в деревне, что тамплиера по имени Роберт де Байсат однажды видели бегущим по лугу и произносящим: "Увы, увy, увy, увy, что я вообще родился, ибо я отречься от Бога и продал себя дьяволу!" Брат Н. де Шинон, еще один минорит, *слышал*, что у одного тамплиера был сын, который подглядывал через щель в стене комнаты главы и видел человека, который собирался исповедоваться, убитого за то, что он

не отрекся от Христа, после чего отец предложил мальчику стать тамплиером, но тот отказался, и его тут же постигла та же участь. Двадцать других свидетелей, которых допрашивали в присутствии друг друга, рассказывали о подобных нелепостях.

На этой стадии процесса папский инквизитор Сикар де Воор представил два вырванных из дыбы признания тамплиеров, полученных во Франции. Первое - от Робера де Сен-Жюста, который был принят в орден братом Гимбертом, Великим прецептором Англии, но был арестован во Франции и там подвергнут пыткам. В этом признании Робер де Сен-Жюст утверждает, что, приняв обеты Храма, он отрекся от Христа и плюнул *рядом с крестом*. Второе признание было вырвано у Джеффри де Гонвиля, рыцаря ордена Храма, прецептора Аквитании и Пуату. В этом признании (которое было отозвано, но о котором инквизиторы не сообщили) Джеффри де Гонвиль утверждает, что был принят в орден в Англии в доме Храма в Лондоне братом Робертом де Торвилем, рыцарем, магистром всей Англии, примерно за двадцать восемь лет до этого времени; что магистр показал ему на миссале изображение Иисуса Христа на кресте и велел отречься от распятого; что, ужасно встревоженный, он воскликнул: "Увы! господин мой, почему я должен это делать? Я ни за что не сделаю этого". Но магистр сказал ему: "Делай это смело; я клянусь тебе, что этот поступок никогда не повредит ни твоей душе, ни твоей совести"; и затем он сообщил ему, что этот обычай был введен в орден неким дурным Великим магистром, который был заключен в тюрьму неким султаном и смог выйти из нее только при условии, что он установит в своем ордене такую форму приема и заставит всех принимаемых отречься от Христа Иисуса! Но заявитель остался непреклонен; он отказался отречься от своего Спасителя, спросил, где его дядя и другие добрые люди, которые привели его туда, и получил ответ, что все они ушли; наконец между ним и магистром был достигнут компромисс, который заставил его дать клятву, что он скажет всем своим братьям, что прошел через обычную форму, и никогда не откроет, что она была отменена! Он также утверждает, что цере мония была учреждена в память о святом Петре, который трижды отрекся от Христа! Этот рыцарь был подвергнут пыткам в парижском храме братьями св. Доминика в присутствии великого инквизитора, и он сделал свое признание, когда страдал на дыбе; после этого он отозвал его, а затем под пытками отказался от своего отзыва, несмотря на это, инквизитор заставил несчастного вместе с другими поставить свою подпись под следующим допросом: "Interrogatus, utrum vi vel metu carceris aut tormentorum immiscuit in suâ depositione aliquam falsitatem, dicit quod non!"

Феринсий ле Марешаль, светский рыцарь, будучи допрошен, заявил, что его дед вступил в орден Храма, деятельный, здоровый и чистый, как птицы и собаки, но на третий день после принятия обетов он умер, и, как он *теперь подозревает*, был убит, потому что отказался участвовать в беззакониях, совершаемых братьями. Один августинский монах заявил, что слышал, как тамплиер говорил, что у человека после смерти душа не больше, чем у собаки. Брат Иоанн де Гертia, минорит, *слышал* от некой женщины по имени Какока! которая узнала от Эксвалеттуса, прецептора Лондона, что один из слуг тамплиеров вошел в зал Храма, где проходил капитул, и скрылся, а после того как дверь была закрыта и заперта последним вошедшим тамплиером, а ключ от нее был принесен им настоятелю, собравшиеся тамплиеры вскочили и пошли в другую комнату, и открыли шкаф, и достали оттуда некую черную фигуру с сияющими глазами и крест, и поставили крест перед магистром, а "culum idoli vel figuræ" положили на крест и поднесли к магистру, который поцеловал упомянутый образ (in ano), и все остальные сделали то же самое вслед за ним; И когда они закончили целовать, все трижды плюнули на крест, кроме одного, который отказался, сказав: "Я был плохим человеком в мире, и поставил себя в этот порядок для спасения моей души; что я могу сделать хуже? Я не сделаю этого"; и тогда братья сказали ему: "Внимай себе и делай, как видишь, что делает орден"; но он ответил, что не сделает этого, и тогда

они положили его в колодец, который стоял посреди их дома, и закрыли колодец, и оставили его погибать. На вопрос о том, когда женщина услышала эту историю, свидетель ответил, что она рассказала ему ее лет четырнадцать назад в Лондоне, где она держала лавку своего мужа, Роберта Котакота!

Джон Уолби де Буст, другой минорит, *слышал, как Джон де Дингстон* рассказывал, что *слышал*, будто в одном из тайных мест дома тамплиеров в Лондоне хранится позолоченная голова, и что когда один из магистров был на смертном одре, он созвал к себе нескольких прецепторов и сказал им, что если они желают власти, и господства, и почестей, то должны поклониться этой голове. Гаспар де Наффертон, капеллан прихода Райда, заявил, что он служил у тамплиеров, когда Уильям де Покелингтон был принят в орден; он хорошо помнит, что упомянутый Уильям явился в Храм в воскресенье вечером, в снаряжении и привычках члена ордена, в сопровождении брата Уильяма де ла Мора, магистра Храма, брата Уильяма де Графтона, прецептора Риббестана и Фонтебригга, и других братьев: что в ту же ночь, во время первой вахты, они собрались в церкви и разбудили депонента для совершения мессы; что после совершения мессы они заставили депонента с его клерком выйти в зал за монастырем, а затем послали за человеком, который должен был быть принят; И когда он вошел в церковь, один из братьев немедленно закрыл все двери, выходящие в монастырь, так что никто из обитателей покоев не мог выйти, и так они оставались до рассвета; но что делалось в церкви, депонент не знал; на следующий день, однако, он видел упомянутого Уильяма в одежде тамплиера, с очень печальным видом. Он также заявил, что угрожал подглядеть за происходящим через потайную дверь, но его предупредили, что это неизбежная смерть. Он утверждает, что на следующее утро зашел в церковь и обнаружил, что книги и кресты убраны с тех мест, на которых он их ранее оставил.

Свидетельства, данные в этом папском трибунале, служат печальным доказательством безнравственности, легковерия и распутства эпохи. Перед инквизиторами предстали брошенные женщины, которых не стеснясь заставляли рассказывать в присутствии архиепископа Кентерберийского и английских епископов о самых отвратительных и нелепых преступлениях; показания записывались нотариусами и спокойно выслушивались самими учеными и выдающимися представителями эпохи, что в наши дни вызвало бы презрение и насмешки почти у всех судов христианства. [159] 22 апреля все тамплиеры, содержащиеся под стражей в Тауэре и в тюрьмах города, были собраны перед инквизиторами и епископами Лондонским и Чичестерским в церкви Святой Троицы, чтобы услышать публичное чтение показаний свидетелей. Тамплиеры потребовали копии этих показаний, которые были им предоставлены, и им было дано восемь дней с того момента, чтобы выдвинуть любые защиты или привилегии, которые они хотели бы использовать. Затем, до истечения этих восьми дней, в Тауэр был послан офицер епископа Лондонского с подьячими и свидетелями, чтобы узнать, будут ли они выдвигать какие-либо аргументы в свою защиту, на что тамплиеры ответили, что они неграмотные люди, не знающие законов, и что все средства защиты им недоступны, поскольку им не разрешено нанимать тех, кто мог бы дать им хороший совет и консультацию. Однако они отметили, что желают публично провозгласить веру, религию свою и ордена, к которому принадлежат, показать привилегии, дарованные им главными понтификами, и свои собственные показания, данные перед инквизиторами, и все это, по их словам, они хотели бы использовать в своей защите.

На восьмой день, в четверг 29 апреля, они предстали перед папскими инквизиторами и епископами Лондонским и Чичестерским в церкви Всех Святых в Беркингерше и представили им следующую декларацию, которую они составили между собой как единственную защиту от несправедливости, тирании и преследований своих могущественных угнетателей; добавив, что если они в чем-то провинились, то готовы подчиниться приказам церкви. Эта декларация написана на нормандском французском языке того времени и звучит следующим образом

"Conue chese seit a nostre honorable père, le ercevesque de Canterbiere, primat de toute Engleterre, e a touz prelaz de seinte Elise, e a touz Cristiens, qe touz les frères du Temple que sumes ici assemblez et chescune singulere persone par sen sumes cristien nostre seignur Jesu Crist, e creoms en Dieu Père omnipotent, qui fist ciel e terre, e en Jesu soen fiz, qui fust conceu du Seint Esperit, nez de la Virgine Marie, soeffrit peine e passioun, morut sur la croiz pour touz peccheours, descendist e enfers, e le tierz jour releva de mort en vie, e mounta en ciel, siet au destre soen Père, e vendra au jour de juise, juger les vifs, e les morz, qui fu saunz commencement, e serra saunz fyn; e creoms comme seynte eglise crets, e nous enseigne. E que nostre religion est foundée sus obedience, chasteté, vivre sans propre, aider a conquere la seint terre de Jerusalem, a force e a poer, qui Dieu nous ad preste. E nyoms e firmement en countredioms touz e chescune singulere persone par sei, toutes maneres de heresies e malvaistes, que sount encountre la foi de Seinte Eglise. E prioms pour Dieu e pour charité a vous, que estes en lieu nostre seinte père l'apostoile, que nous puissoms aver lez drettures de seinte église, comme ceus que sount les filz de sainte église, que bien avoms garde, e tenu la foi, e la lei de seinte église, e nostre religion, la quele est bone, honeste e juste, solom les ordenaunces, e les privilèges de la court de Rome avons grauntez, confermez, e canonizez par commun concile, les qels privilèges ensemblement ou letablissement, e la règle sount en la dite court enregistrez. E mettoms en dur e en mal eu touz Cristiens sauue noz anoisourz, par la ou nous avoms este conversaunt, comment nous avoms nostre vie demene. E se nous avoms rien mesprys de aucun parole en nos examinacions par ignorance de seu, si comme nous sumez genz laics prest sûmes, a ester a lesgard de seint eglise, comme cely que mourust pour nouz en la beneite de croiz. E nous creoms fermement touz les sacremenz de seinte église. E nous vous prioms pour Dieu e pour salvacioun de vous almes, que vous nous jugez si comme vous volez respoundre pour vous et pour nous devaunt Dieu: e que nostre examenement puet estre leu e oïi devaunt nous e devaunt le people, salom le respouns e le langage que fust dit devaunt vous, e escrit en papier."

"Да будет известно нашему достопочтенному отцу, архиепископу Кентерберийскому, примасу всей Англии, и всем прелатам святой церкви, и всем христианам, что все мы, братья Храма, собравшиеся здесь, и каждый из нас - христианин, и верим в Спасителя нашего Иисуса Христа, в Бога Отца всемогущего, и т.д., и т.п., и т.п. И мы верим во все, во что верит и чему учит нас святая церковь. Мы заявляем, что наша религия основана на обетах послушания, целомудрия и бедности, а также на содействии в завоевании Святой Земли Иерусалима со всей силой и мощью, которую нам дает Бог. И мы решительно отрицаем и опровергаем, все до единого, всевозможные ереси и злые дела, противоречащие вере святой церкви. И из любви к Богу и из милосердия мы умоляем вас, представляющего нашего святого отца папу, чтобы с нами обращались как с истинными детьми церкви, ибо мы хорошо охраняли и хранили веру, и закон церкви, и нашу собственную религию, то, что хорошо, честно и справедливо, согласно постановлениям и привилегиям римского двора, дарованным, подтвержденным и канонизированным общим собором; эти привилегии, вместе с правилом нашего ордена, зарегистрированы в указанном дворе. И мы хотели бы привлечь всех христиан (кроме наших врагов и клеветников), с которыми мы общаемся и среди которых мы проживали, чтобы они рассказали, как и каким образом мы проводили свою жизнь. И если в ходе наших экзаменов мы сказали или сделали что-либо не так по незнанию какого-либо слова, поскольку мы неграмотные люди, мы готовы пострадать за святую церковь, как тот, кто умер за нас на благословенном кресте. И мы верим во все таинства церкви. И мы умоляем вас, из любви к Богу и в надежде на спасение, чтобы вы судили нас так, как вам придется отвечать за себя и за нас перед Богом; и мы молимся, чтобы наш экзамен был прочитан и услышан перед нами и всем народом на том же языке и в тех же словах, на которых он был дан вам, и записан на бумаге".

Вышеупомянутую декларацию представили брат Уильям де ла Мор, магистр Храма; рыцари-тамплиеры Филипп де Мьюз, прецептор Гарви; Уильям де Бартон, прецептор Камбе; Радульф де Мезон, прецептор Юэлла; Майкл де Баскевиль, прецептор Лондона; Томас де Вотроп, прецептор

Бистелешема; Уильям де Варвик, священник, и Томас де Бартон, капеллан ордена; а также двадцать служащих братьев. В тот же день инквизиторы и два епископа отправились в разные тюрьмы города, чтобы спросить, не желают ли заключенные в них узники представить что-либо в защиту ордена, на что те ответили, что примут и будут придерживаться заявления, сделанного их братьями в Тауэре. В тюрьме Олдгейт содержались брат Уильям де Сотр, рыцарь, прецептор Сэмфорда; брат Уильям де ла Форд, прецептор Дейни; брат Джон де Конингстон, прецептор Гетинга; Роджер де Норрейс, прецептор Крессинга; Радольф де Бартон, священник, приор Нового храма; и несколько служащих братьев ордена. В тюрьме Крепелгейт содержались Уильям де Эгендон, рыцарь, прецептор Шепли; Джон де Мун, рыцарь, прецептор Доксворта; и четверо служащих братьев. В тюрьме Ладгейт находились пять служивых братьев; а в Ньюгейте был заключен брат Химберт Бланке, рыцарь, великий прецептор Оверни.

Вышеприведенное заявление о вере и невиновности далеко не устроило папских инквизиторов, которые потребовали признания *вины*, и пытки снова было приказано применить. Король направил мэру и шерифам Лондона новые приказы, предписывающие поместить тамплиеров в отдельные темницы, нагрузить их цепями и кандалами, разрешить мирмидонам инквизиторов наносить периодические визиты, чтобы убедиться, что желания и намерения инквизиторов в отношении суровости заключения должным образом выполняются; и, наконец, подвергать тела тамплиеров пыткам и вообще делать все, что будет сочтено нужным и целесообразным, в соответствии с церковным законом. В соответствии с этими приказами, как мы узнаем из протокола судебного разбирательства, тамплиеры были помещены в одиночные камеры в отвратительных подземельях; их кормили хлебом и водой и периодически навещали агенты инквизиции; Что их переводили из тюрьмы в тюрьму и из темницы в темницу, обращались то со строгостью, то со снисхождением, а затем их посещали ученые прелаты и доктора теологии, которые увещеваниями, уговорами и угрозами пытались всеми возможными способами вырвать у них требуемые показания! Мы узнаем, что в ход были пущены все орудия террора, которыми располагала церковь, и что пытки применялись безжалостно, "*usque ad iudicium sanguinis!*" Местами, где разыгрывались эти жестокие сцены, были Тауэр, тюрьмы Альд , Ладгейт, Ньюгейт, Бишопгейт и Крепелгейт, дом, ранее принадлежавший Джону де Бангелю, и поместья, некогда принадлежавшие братьям покаяния.^[160] Оказывается, для применения пыток к несчастным пленникам были посланы несколько французских монахов, которые в присутствии нотариусов допрашивали и допрашивали их, подвергая мучениям на дыбе. Неустанная настойчивость и непрекращающиеся усилия иностранных инквизиторов были наконец вознаграждены великолепным триумфом над силой выносливости двух бедных служивых братьев и одного капеллана ордена, которые наконец-то были вынуждены дать долгожданные признания.

23 июня брат Стефан де Степлбрюгге, описанный как отступник и беглец из ордена Храма, схваченный королевскими офицерами в городе Солсбери, дал показания в доме главного тюремщика Ньюгейта, в присутствии епископов Лондонского и Чичестерского, канцлера архиепископа Кентерберийского, Хью де Уокенеби, доктора богословия, и других духовных свидетелей, что в ордене Храма существовало два способа исповедания, один из которых был хорошим и законным, а другой противоречил христианской вере; что сам он был принят в орден братом Брайаном ле Джеем, Великим прецептором Англии, в Диннесли, и его провели в часовню, дверь которой была закрыта, как только он вошел; что перед магистром было поставлено распятие, а по обе стороны от него стоял брат Храма с обнаженным мечом; что магистр сказал ему: "Видишь ли ты это изображение распятия?", на что он ответил: "Виджу, господин мой"; затем Учитель сказал ему: "Ты должен отрицать, что Христос Иисус был Богом и человеком и что Мария была его матерью, и ты должен плюнуть на этот крест"; что заявитель, под непосредственным страхом смерти, сделал ртом, но не сердцем, и он плюнул *рядом* с крестом, а не на него; И затем упал на колени, с поднятыми глазами, со сцепленными руками, с горькими слезами, вздохами и

благочестивыми восклицаниями, он молил о милости и благосклонности святой церкви, заявляя, что его не волнует ни смерть тела, ни покаяние, но только спасение души!

В субботу, 25 июня, брат Томас Точки де Торольдеби, служащий брат ордена Храма, описанный как вероотступник, сбежавший из Линкольна после допроса в этом месте папскими инквизиторами, но затем сдавшийся королевским чиновникам, предстал перед епископами Лондона и Чичестера, архидиаконом Солсбери и другими священнослужителями в церкви Св. Мартина в Винетрии; и, будучи вновь допрошен, он повторил показания, сделанные им в первый раз, но добавил некоторые детали в отношении епитимьи и отпущения грехов, произнесенных в капитуле, показывая разницу между грехами и проступками, причем священник должен был заниматься одним, а магистр - другим. Он заявил, что маленькие шнуры носят из благородных побуждений, и рассказал историю о том, как он участвовал в сражении с сарацинами, в котором потерял свой шнур, и был наказан Великим магистром за то, что вернулся домой без него. Он рассказывает о тайне капитула так же, как и все остальные братья, утверждает, что членам ордена было запрещено исповедоваться у монахов-мендикантов и предписано исповедоваться у своих собственных капелланов; Что они не делали ничего, противоречащего христианской вере, а что касается их стремления содействовать продвижению ордена любыми средствами, правильными или неправильными, то все было как раз наоборот, поскольку в ордене существовал устав, согласно которому, если кто-либо будет уличен в том, что приобрел что-либо нечестным путем, он должен быть лишен своего обычая и изгнан из ордена. Когда его спросили, что побудило его стать отступником и бежать из ордена, он ответил, что это было из-за страха смерти, потому что аббат Ланьи (папский инквизитор), когда он осматривал его в Линкольне, спросил его, не признается ли он в чем-нибудь еще, и он ответил, что не знает, в чем еще признаться, разве что в том, что он говорит то, что неправда; И тогда *аббат, положив руку ему на грудь, поклялся словом Божьим, что заставит его исповедаться, прежде чем покончит с ним!* И что, ужасно испугавшись, он затем подкупил тюремщика замка Линкольн, дав ему сорок флоринов, чтобы тот позволил ему бежать.

Аббат Ланьи оказался верен своему слову, и 29 июня, через четыре дня после этого неосторожного заявления, брат Томас Точки де Торольдеби был доставлен обратно в церковь Св. Мартина, и там, в присутствии тех же сторон, он сделал третье признание, в котором заявил, что, принуждаемый двумя тамплиерами с мечами в руках, он отрекся от Христа устами, но не сердцем; плюнул *рядом* с крестом, но не на него; что от него требовали плюнуть на образ Девы Марии, но он ухитрился вместо этого поцеловать ее в ногу. Он утверждает, что слышал, как Брайан ле Джей, магистр лондонского храма, сто раз повторял, что Иисус Христос - не истинный Бог, а человек, и что самый маленький волосок из бороды одного сарацина имеет большую ценность, чем все тело любого христианина. Он рассказывает, что однажды стоял в присутствии брата Брайана, когда несколько бедняков просили у него милостыню ради любви к Богу и нашей госпоже, благословенной Деве Марии; а он ответил: "*Que dame, alez vous pendre a vostre dame*" - "Какая госпожа, иди и будь повешена для своей госпожи", - и, с силой бросив полпенни в грязь, заставил бедняков охотиться за ним, хотя это было в разгар суровой зимы. Он также рассказывает, что на главах священник стоял как зверь, и ему ничего не оставалось делать, как повторять псалом "Боже, будь милостив к нам и благослови нас", который читался при закрытии главы. (Тамплиеры, кстати, должны были быть странными идолопоклонниками, чтобы завершать свои главы, в которых их обвиняют в доставке кошки, головы человека и черного идола, чтением прекрасного псалма "Боже, будь милостив к нам, и благослови нас, и покажи нам свет лица Твоего, дабы путь Твой был известен на земле, Твое спасительное здоровье среди всех народов" и т. д., Псалом lxxvii). Далее этот свидетель утверждает, что священник не имел права налагать более тяжкую епитимью, чем однодневный пост на хлебе и воде, и даже этого не мог сделать без разрешения братьев. Его также заставляют рассказать, что тамплиеры всегда благоволили сарацинам в

священных войнах в Палестине и притесняли христиан! И он заявляет, говоря о себе, что в течение трех лет до этого он никогда не видел тела Христа, не думая о дьяволе, и не мог удалить эту злую мысль из своего сердца молитвой или любым другим известным ему способом; но в то самое утро он с великой набожностью отслушал мессу и с тех пор думал только о Христе, и считает, что в ордене Храма нет никого, чья душа была бы спасена, если не произойдет реформации.

До этого времени вновь собрался церковный совет, и, когда эти последние показания брата Стефана де Стапельбрюгге и Томаса Точчи де Торольдеби были перед ними, торжественный фарс их признания и отречения был немедленно публично разыгран. В протоколе заседания он описывается так: "К похвале и славе имени Отца Всевышнего, и Сына, и Святого Духа, к смущению еретиков и укреплению всех верных христиан, начинается публичный отчет о примирении раскаявшихся еретиков, вернувшихся к ортодоксальной вере, опубликованный на соборе, состоявшемся в Лондоне в 1311 году. Во имя Господа, аминь. В год воплощения Господа нашего, 1311, в двадцать седьмой день месяца июня, в зале дворца епископа Лондонского, перед досточтимыми отцами лорда Роберта милостью Божией архиепископа Кентерберийского, примаса всей Англии, и его суффраганами в провинциальном совете, собравшимися, явился брат Стефан де Стапельбрюгге, из рыцарского ордена Храма; и, показав отрицание Христа и Пресвятой Девы Марии, его матери, плевков на крест, а также ереси и заблуждения, признанные и исповеданные им в его показаниях, тот же Стефан утверждал в полном собрании, перед народом города Лондона, собранным по этому случаю, что все эти вещи, так показанные им, истинны, и что он полностью придерживается этого исповедания; Смиренно исповедуя свою ошибку на согнутых коленях, со сцепленными руками, с большим плачем и многими слезами, он снова и снова молил о милости и жалости святой матери-церкви, предлагая отречься от всех ересей и заблуждений и моля их наложить на него соответствующую епитимию, а затем ему в руки была дана книга святых евангелий, и он отрекся от вышеупомянутых ересей в такой форме: - "Я, брат Стефан де Стапельбрюгге, из рыцарского ордена Храма, торжественно исповедую," и т.д., и т.д., (он повторяет свое признание, делает свое отречение, а затем продолжает;) "и если в любое время в будущем мне случится вернуться к тем же ошибкам, или отклониться от любого из пунктов веры, я буду считать себя *ipso facto* отлученным; я буду осужден как явный лжесвидетельствующий еретик, и наказание, положенное лжесвидетельствующим еретикам, будет немедленно наложено на меня без дальнейшего суда или осуждения!!!"

Затем его привели к присяге на святом Евангелии, чтобы он подтвердил приговор церкви в этом деле, после чего брат Томас Точчи де Торольдеби был выведен вперед для прохождения той же церемонии, которая была завершена, и этих двух бедных служащих братьев ордена Храма, которые были настолько невежественны, что не могли писать, заставили поставить свой знак на записи об их отречении. "И тогда наш господин архиепископ Кентерберийский, с целью отпущения грехов и примирения с единством церкви вышеупомянутых Томаса и Стефана, уступил свою власть и власть всего собора епископу Лондонскому, в присутствии меня, нотариуса, специально вызванного по этому случаю, в таких словах: "Мы предоставляем тебе власть Бога, блаженной Марии, блаженного Фомы Мученика, нашего покровителя, и всех святых Божьих (*sanctorum atque sanctarum Dei*), нам уступленную, а также власть настоящего собора нам переданную, с той целью, чтобы вы могли примирить в единстве Церкви этих несчастных, отлученных от нее своим отречением от веры, а теперь вновь возвращенных в ее лоно, оставляя за собой и за собором право налагать надлежащее покаяние за их проступки!" И поскольку кающихся было двое, епископ Чичестерский был соединен с епископом Лондонским для произнесения отпущения грехов, и оба епископа, надев свои митры и понтифики, при содействии двенадцати священников в священнических облачениях, расположились на местах у западного входа в соборную церковь св. Павла, а кающиеся, согнув колени, смиренно молились на ступенях перед дверью церкви, члены совета и жители города стояли вокруг; и псалом "*Помилуй меня,*

Боже, по великой благодати Твоей", прочитанный от начала до конца, и приложенные молитвы и проповедь были пройдены, они отпустили указанных кающихся и приняли их обратно в единство церкви в следующей форме: - "Во имя Господа, аминь. Поскольку из твоего исповедания мы узнали, что ты, брат Стефан де Стапельбрюгге, отрекся от Христа Иисуса и Пресвятой Девы Марии, и плюнул *рядом с крестом*, и теперь, приняв лучший совет, желаешь вернуться в единство святой церкви с истинным сердцем и искренней верой, как ты утверждаешь, и все еретические пороки были для этого ранее отринуты вами по форме церкви, мы, властью собора, освобождаем вас от уз отлучения, которыми вы были связаны, и примиряем вас с единством церкви, если вы вернулись к ней в искренности сердца и подчинились ее предписаниям, наложенным на вас." Брат Томас Точки де Торольдеби был отпущен и примирен с церковью обычным образом, после чего были пропеты различные псалмы (Gloria Patri, Kyrie Eleyson, Christe Eleyson, &c. &c.) и вознесены молитвы, а затем церемония была завершена.

1 июля инквизиторы вырвали признание вины у брата Джона де Стока, капеллана ордена, который, представ перед епископами Лондонским и Чичестерским в церкви Св. Мартина, подтвердил, что был принят в том порядке, о котором он говорил на первом экзамене; но через год и пятнадцать дней после этого приема, находясь в прецептории Гарви в епархии Херефорда, он был вызван в покои брата Джеймса де Моле, Великого магистра ордена, который в присутствии двух других тамплиеров иностранного происхождения сообщил ему, что желает доказать его послушание, и приказал ему занять место у изножья кровати, что и было сделано. Затем Великий магистр послал в церковь за распятием, и два брата-служителя с обнаженными мечами в руках расположились по обе стороны от дверного проема. Как только распятие появилось, Великий магистр, указав на прибитую на нем фигуру Спасителя, спросил у поклоняющегося, чей это образ, и тот ответил: "Образ Иисуса Христа, пострадавшего на кресте ради искупления человечества"; но Великий магистр воскликнул: "Ты говоришь неправильно и сильно ошибаешься, ибо он был сыном некой женщины и был распят за то, что называл себя Сыном Божиим, и я сам был в том месте, где он родился и был распят, и ты должен теперь отрицать того, кого изображает этот образ." Депонент воскликнул: "Далеко мне до того, чтобы отречься от моего Спасителя!" Но Великий Магистр сказал ему, что он должен это сделать, иначе его посадят в мешок и отвезут в место, которое он не найдет приятным, а в комнате были мечи, и братья, готовые их применить, и т. д. и т. д.; и депонент спросил, был ли таков обычай ордена, и все ли братья поступали так же; и получив утвердительный ответ, он, под страхом немедленной смерти, отрекся от Христа *языком*, но не *сердцем*. Когда его спросили, в кого ему было велено уверовать после отречения от Христа Иисуса, он ответил: "В великого Всемогущего Бога, сотворившего небо и землю!"

В понедельник, 5 июля, по просьбе церковного совета епископ Чичестерский имел беседу с сэром Уильямом де ла Мором, магистром Храма, взяв с собой нескольких ученых юристов, богословов и подьячих. Он увещевал и убедительно просил его отказаться от ересей, в которых он был осужден, по его собственным признаниям и признаниям его братьев, относительно отпущений, произнесенных им на соборах, и подчиниться распоряжению церкви; но магистр заявил, что он никогда не был виновен в упомянутых ересьях и что он не откажется от преступлений, которых никогда не совершал; поэтому он был отправлен обратно в свою темницу. На следующий день епископы Лондонский, Винчестерский и Чичестерский беседовали в Саутварке с рыцарем тамплиеров Филиппом де Мьюзом, прецептором Гарви, и некоторыми служащими братьями Нового храма в Лондоне, и сказали им, что они явно виновны в ереси, как явствует из булл папы и показаний, взятых против ордена в Англии и Франции, а также из их собственных признаний относительно отпущений, произнесенных на их кафедрах, объяснив им, что они жестоко заблуждались, полагая, что магистр Храма, который был простым мирянином, имел власть отпускать им грехи, произнося отпущение, и предупредили их, что если они будут упорствовать в

этом заблуждении, то будут осуждены как еретики, и что, поскольку они не могут очистить себя от этого, они должны отречься от всех ересей, в которых их обвиняли. Тамплиеры ответили, что готовы отречься от заблуждения, в которое они впали относительно отпущения грехов и всех ересей любого рода, перед архиепископом Кантерским bury и прелатами собора, когда бы от них этого ни потребовали, и они смиренно и благоговейно подчинились предписаниям церкви, моля о помиловании и милости. Затем с большинством тамплиеров, находившихся под стражей в Лондоне, был заключен своего рода компромисс. От них потребовали публично повторить форму исповеди и отречения, составленную епископами Лондона и Чичестера, а затем торжественно отпустили грехи и примирились с церковью.

9 июля брат Майкл де Баскевиль, рыцарь, прецептор Лондона, и семнадцать других тамплиеров были отпущены и примирены в полном составе в Епископальном зале Лондонского собора, в присутствии огромного количества горожан. 10 числа того же месяца прецепторы Доксворта, Гетинга и Сэмфорда, хранитель церкви Темпл в Лондоне, брат Радульф де Ившем, капеллан, и другие священники, рыцари и служащие братья ордена были отпущены епископами Лондона, Эксетера, Винчестера и Чичестера, в присутствии архиепископа Кентерберийского и всего церковного совета. На следующий день многие другие члены братства публично примирились с церковью на ступенях перед южной дверью собора Святого Павла, а затем присутствовали на праздновании высокой мессы в интерьере священного здания, когда они, обливаясь слезами, шли к главному алтарю и, упав на колени, благочестиво целовали священные эмблемы христианства. На следующий день (12 июля) девятнадцать других тамплиеров были публично отпущены и примирены с церковью в том же месте, в присутствии графов Лестера, Пемброка и Уорика, а затем таким же образом помогали во время празднования высокой мессы. Священники ордена произносили свои признания и отречения на латыни, рыцари - на нормандском французском, а служащие братья по большей части повторяли их на английском. Огромное скопление людей могло понять очень мало из того, что было произнесено, то время как появление кающихся братьев и публичное зрелище их отречения отвечало взглядам папских инквизиторов и, несомненно, внушало простолюдинам убежденность в виновности ордена. Многие из тамплиеров были слишком *больны* (от последствий пыток), чтобы спуститься в собор Святого Павла, и поэтому были отпущены и примирены с церковью епископами Лондона, Винчестера и Чичестера в часовне Святой Марии возле Тауэра. Среди этих последних было много старых воинов-ветеранов, находящихся на последней стадии дряхлости и разложения. "Они были так стары и так немощны, - говорит государственный нотариус, регистрировавший процесс, - что не могли стоять"; поэтому их исповеди были сделаны перед двумя магистрами богословия; затем их провели к западной двери часовни и публично примирили с церковью епископ Чичестерский; после этого их внесли в священное здание и поставили на колени перед главным алтарем, который они благочестиво целовали, в то время как слезы текли по их изборозженным щекам. Все эти раскаявшиеся тамплиеры были выпущены из тюрьмы и направлены на покаяние в различные монастыри. Точно такая же процедура была проведена в Йорке; примирение и отпущение грехов совершались перед южной дверью собора.^[161]

В то же время подобные меры были предприняты против тамплиеров во всех частях христианства. 18 марта папа обратился к королям Кастилии, Леона, Арагона и Португалии с письмом, в котором жаловался на то, что в их владениях тамплиеры не подвергаются пыткам. "Епископы и делегаты, - говорит святой понтифик, - неосмотрительно пренебрегли этими средствами получения истины; поэтому мы прямо приказываем им применить пытки к рыцарям, чтобы истина могла быть получена быстрее и полнее!" Приказ о пытках тамплиеров был передан Константинопольскому патриарху, епископу Негропонта и герцогу Ахайскому; а через моря - королю Кипра и епископам Фамагусты и Никосии! Соборы Таррагоны и Арагона, применив пытки, объявили орден свободным от ереси. В Португалии и в Германии тамплиеры были объявлены невиновными: ни в

одном месте, находящемся вне сферы влияния короля Франции и его креатуры папы, ни один тамплиер не был приговорен к смерти.[162]

16 октября в Вьенне, близ Лиона во Франции, собрался генеральный собор церкви, созданный папой, чтобы объявить об упразднении ордена. Его открыл лично святой понтифик, который заставил зачитать перед собравшимися дворянами и прелатами различные признания и клятвы тамплиеров. Хотя орден был уже разгромлен, а лучшие и храбрейшие его члены либо погибли в огне, либо томились в темницах, девять беглых тамплиеров отважились предстать перед советом и потребовать, чтобы их выслушали в защиту своего ордена, заявив, что они являются представителями от полутора до двух тысяч тамплиеров, которые скитались в окрестностях Лиона как беглецы и преступники. Месье Рейнуар, к счастью, обнаружил письмо папы королю Филиппу, в котором излагается этот факт, а также сообщается, как поступил святой понтифик, узнав о появлении этих защитников ордена. Климент приказал бросить их в тюрьму, где они томились и умерли. Он полагал, что его жизни угрожает опасность из-за большого количества тамплиеров, и немедленно принял меры для обеспечения безопасности своей персоны.

Собравшиеся отцы, к их чести, выразили свое неодобрение этим вопиющим актом несправедливости, и весь совет, за исключением итальянского прелата, племянника папы, и трех французских епископов Реймского, Сенского и Руанского, все креатуры Филиппа, которые по отдельности приговорили большое количество тамплиеров к сожжению на костре в своих епархиях, были единодушны во мнении, что прежде чем пресечь деятельность столь знаменитого и прославленного ордена, оказавшего столь великие и значительные услуги христианской вере, члены его должны быть выслушаны в свою защиту.[163] Однако такое решение не устроило папу и короля Филиппа, и собрание было резко распущено святым понтификом, который заявил, что, поскольку они не желают принимать необходимые меры, он сам, в силу полноты папской власти, восполнит все недостатки. Поэтому в начале следующего года папа созвал частную консисторию, и, получив в свое распоряжение нескольких кардиналов и французских епископов, святой понтифик упразднил орден апостольским постановлением, навечно запретив впредь вступать в него, принимать или носить его обычай, а также выдавать себя за тамплиеров под страхом отлучения.[164]

3 апреля папа открыл вторую сессию совета во Вьенне. На заседании присутствовали король Филипп и три его сына в сопровождении большого количества войск, а перед собранием был опубликован папский декрет об упразднении ордена. По всей видимости, члены совета были созваны лишь для того, чтобы услышать оглашение декрета. История не сообщает нам о каких-либо обсуждениях по этому поводу, равно как и о проведении голосования. Через несколько месяцев после завершения этого процесса брат Уильям де ла Мор, магистр Храма в Англии, умер от разрыва сердца в своей одиночной темнице в Тауэре, до последнего вздоха продолжая отстаивать невиновность своего ордена. Король Эдуард, сжалившись над его несчастьем, приказал констеблю Тауэра передать его имущество и вещи, оцененные в 4l. 19s. 11d., его душеприказчикам, чтобы те использовали их для погашения его долгов, и повелел Джеффри де ла Ли, опекуну земель тамплиеров, выплатить задолженность по тюремному содержанию (2s. per diem) душеприказчику Роджеру Хансингону.

В числе рукописей Коттона - список магистров Храма, иначе Великих Приоров или Великих Прецепторов Англии, составленный под руководством настоятеля госпиталя Святого Иоанна в Клеркенвелле, чтобы братья этого братства могли поминать древних магистров Храма в своих молитвах.[165] Несколько имен были опущены, и мы приводим их здесь. Магистр Р. де Пуантон. Роцелинус де Фосса. Ричард де Гастингс (1160 г. н. э.). Ричард Маллебенч. Джеффри, сын Стефана, (1180 г. н. э.). Томас Берард, (1200 г. н. э.). Амарик де Сен-Мор, (1203 г. н. э.). Алан Марсель, (1224 г. н. э.). Амберальдус, (1229 г. н. э.). Роберт Маунтфорд, (1234 г. н. э.). Роберт Санфорд, (1241 г. н.

э.). Амадей де Морестелло, (1254 г. н. э.). Гимберт Перау, (1270 г. н. э.). Роберт Турвиле, (1290 г. н. э.). Гвидо де Фореста, (1292 г. н. э.). Джеймс де Моле, (1293 г. н. э.). Брайан ле Джей, (1295 г. н. э.). Уильям де ла Мор Мученик.[166]

Единственный тамплиер в Англии, чья судьба заслуживает особого внимания, - брат Гимберт Бланке, Великий прецептор Оверни. Судя по всему, он был рыцарем высокой чести и суровой непреклонной гордости. От первого до последнего он смело протестовал против жестоких действий инквизиторов и бесстрашно отстаивал, несмотря на все испытания, свою собственную невиновность и невиновность своего ордена. Этот прославленный тамплиер сражался под началом четырех Великих магистров в защиту христианской веры в Палестине, а после падения Акры лично возглавил несколько дерзких экспедиций против неверных. За эти заслуги он был вознагражден следующим образом: после пяти лет пыток и полуголодного существования в английских тюрьмах он был приговорен, поскольку не признавал своей вины, к заточению в отвратительной темнице, к двойным цепям и периодическим посещениям агентами инквизиции, чтобы убедиться, что он *больше ни в чем не признается*. [167] В таком жалком положении он оставался до тех пор, пока смерть не положила конец его страданиям.

Джеймс де Моле, Великий магистр Храма, Ги, Великий прецептор, дворянин с выдающимся происхождением, брат принца Дофине, Хью де Перальт, генеральный визитатор ордена, и Великий прецептор Аквитании, томились в тюрьмах Франции уже пять с половиной лет. Тайны их мрачных подземелий так и не были раскрыты, но 18 марта 1313 года перед соборной церковью Нотр-Дам в Париже был воздвигнут публичный эшафот, и горожане были созваны, чтобы услышать, как орден Храма устами своих главных служителей осуждается за грехи и беззакония, в которых его обвиняют. Затем четыре рыцаря, обвешанные цепями и окруженные стражей, были приведены на эшафот проректором, и епископ Альбы прочитал их исповедь вслух в присутствии собравшегося народа. Затем папский легат, повернувшись к Великому магистру и его спутникам, призвал их повторить перед народом те признания, которые они ранее дали в виновности своего ордена. Хью де Перальт, генеральный визитатор и прецептор Аквитанского храма, выразили свое согласие со всем, что от них требовалось, но Великий магистр, подняв к небу скованные цепями руки и подойдя к краю эшафота, громким голосом заявил, что говорить неправду - преступление перед Богом и людьми. "Я признаю свою вину, которая заключается том, что я, к своему стыду и бесчестию, под пытками и страхом смерти позволил себе произнести неправду, вменяя скандальные грехи и беззакония прославленному ордену, который благородно служил делу христианства. Я не желаю влачить жалкое и позорное существование, накладывая очередную ложь на изначальную". Тут его прервал прокурор и его офицеры, и Гай, Великий прецептор, начал с решительных заверений в его невиновности, после чего их обоих поспешили вернуть в тюрьму.

Не успели королю Филиппу сообщить о результатах, как он в первом порыве своего негодования, не посоветовавшись ни с папой, ни с епископом, ни с церковным советом, приказал немедленно казнить обоих этих галантных дворян. В тот же день в сумерках их вывели из темниц и медленно и томительно сожгли на небольшом костре из углей, разожженном на маленьком островке в Сене, между королевским садом и монастырем Святого Августина, недалеко от того места, где сейчас стоит конная статуя Анри IV. [168] Так погиб последний Великий магистр Храма.

Судьба гонителей ордена небезынтересна.

Через год и один месяц после этой ужасной казни на Папу напала дизентерия, и его поспешно свели в могилу. Мертвое тело перевезли в Карпентрас, где в то время находился римский двор; ночью его поместили в церковь, которая загорелась, и бранные останки святого понтифика почти полностью сгорели. Его родственники рассорились из-за огромных сокровищ, которые он оставил после себя, и огромная сумма денег, которая была вложена для безопасности в церковь в Лукке,

была украдена дерзкой бандой немецких и итальянских разбойников. В конце того же года король Филипп скончался от затяжной болезни, которая поборола все искусство его врачей, а осужденный преступник, на основании информации которого тамплиеры были первоначально арестованы, был повешен за новые преступления. "История свидетельствует, - говорит месье Рейнуар, - что все те, кто был первым в преследовании тамплиеров, пришли к безвременной и несчастной смерти. Последние дни Филиппа были омрачены несчастьем; его вельможи и духовенство объединились против него, чтобы противостоять его притязаниям; жены трех его сыновей были обвинены в прелюбодеянии, и двое из них были публично осуждены за это преступление. Злоключения Эдуарда Второго, короля Англии, и его ужасная смерть в замке Беркли слишком хорошо известны, чтобы упоминать о них далее".

"Главной причиной разорения тамплиеров, - справедливо замечает Фуллер, - было их необычайное богатство. Как виноградник Навота был главным основанием для его богохульства, и как в Англии сэр Джон Корнуолл, лорд Фэнхоуп, весело заявил, что не он, а его величественный дом в Ампишле, в Бедфордшире, виновен в государственной измене, так, несомненно, их богатство было главной причиной их низвержения..... Мы можем поверить, что король Филипп никогда бы не лишил их жизни, если бы мог забрать их земли, не предавая их смерти, но беда в том, что он не мог получить мед, если не сжег пчел". Король Филипп, папа и европейские государи, похоже, избавились от всего личного имущества тамплиеров, украшений, драгоценностей и сокровищ их церквей и капелл, и в течение пяти лет, на которые растянулось разбирательство против ордена, они оставались в фактическом получении огромной ренты и доходов братства. Король Филипп предъявил претензии к их землям во Франции на сумму в двести тысяч фунтов стерлингов для покрытия расходов на судебное преследование, а Людовик, его сын, потребовал еще шестьдесят тысяч фунтов стерлингов: "Я не обращаю внимания, - говорит Вольтер, - на то, что происходит с папой, но я вижу, что расходы кардиналов, инквизиторов и чиновников на проведение этого потрясающего судебного процесса составляют огромные суммы". Святой понтифик, согласно его собственному рассказу, получал лишь *небольшую часть* личного имущества ордена, но другие источники говорят о нем как о крупном участнике благ братства.^[169]

После заточения тамплиеров в Англии лондонский храм и все зависящие от него прецептории с поместьями, фермами, домами, землями и доходами ордена были переданы под наблюдение Казначейского суда, и было предписано произвести их опись, после чего они были переданы под опеку неких доверенных лиц, названных "Хранителями земель тамплиеров", которые должны были отчитываться за ренту и прибыль перед королевским казначейством. Этим опекунам было предписано выплачивать различные пенсии старым слугам и прислужникам тамплиеров, проживающим в различных прецепториях, а также покрывать расходы на судебное преследование ордена; в разное время им предписывалось снабжать вином королевские замки и крепости. В феврале 1312 года король отдал храмовые поместья Эттон и Кейв Дэвиду, графу Атолу, поручив опекунам земель и владений тамплиеров в графстве Йорк передать графу все зерно в этих поместьях, волов, телят, плуги и все имущество и вещи тамплиеров, находящиеся в них, вместе с украшениями и утварью часовни храма. Но 16 мая папа направил буллы королю, а также всем графам и баронам королевства, в которых излагаются материалы Вьеннского собора и публикация папского декрета, передающего имущество, ранее принадлежавшее тамплиерам, братьям госпиталя святого Иоанна, и повелевает им немедленно передать его во владение членам этого ордена. Буллы были также адресованы архиепископам Кентерберийскому и Йоркскому и их суффраганам, повелевая им добиваться исполнения папских повелений с помощью церковных судов. Король Эдуард и его вельможи оказали достойное сопротивление этому указу, и 21 августа король написал настоятелю госпиталя Святого Иоанна в Клеркенвелле, сообщив ему, что притязания папы на распоряжение имуществом в пределах Английского

королевства без согласия парламента унижают достоинство короны и королевской власти. В следующем году король подарил лондонский храм с церковью и всеми постройками в нем Аймеру де Валенсу, графу Пембруку; а 5 мая того же года он распорядился, чтобы несколько купцов, у которых он занял деньги, получили во владение многие поместья тамплиеров.[170]

Уступив, однако, наконец, увещаниям и угрозам папы, король 21 ноября 1313 года пожаловал имущество госпитальерам и разослал приказы хранителям земель тамплиеров и различным влиятельным баронам, владевшим поместьями, повелевая им передать их определенным лицам, назначенным Великим магистром и главой Госпиталя Святого Иоанна для их получения. В этот период многие наследники дарителей, чей титул был признан законом, владели этими землями, и судьи решили, что король не имел права единолично передавать их ордену Госпиталя. Вследствие этого громы Ватикана были энергично использованы, и все захватчики собственности были обречены римским понтификом на вечное проклятие. Папа Иоанн в одной из своих булл, датированной 1322 годом, горько сетует на то, что все подданные короля игнорируют папские повеления. Он сетует на то, что они ожесточили свои сердца и презрели приговор об отлучении, вынесенный в их адрес, и заявляет, что его сердце разрывается от горя, когда он обнаруживает, что даже церковники, которые должны были быть защитной стеной для госпитальеров, сами были гнусно виновны в этом.[171]

Наконец (1324 г. н. э.) папе, епископам и госпитальерам совместными усилиями удалось добиться принятия парламентского акта, передающего все имущество, принадлежавшее тамплиерам, братьям госпиталя Святого Иоанна, чтобы намерения дарителей могли быть осуществлены путем передачи его на защиту Святой земли и поддержку христианского дела на Востоке. Это постановление вызвало сильнейшее недовольство. Наследники дарителей обратились в парламент с просьбой отменить его, утверждая, что он был принят вопреки закону, разуму и мнению судей; многие из крупных баронов, владевших имуществом на основании титула, признанного общим правом, успешно противостояли притязаниям Госпитального приказа, утверждая, что парламент не имеет права вмешиваться в права частной собственности и распоряжаться их имуществом без их согласия. Эта борьба между наследниками дарителей, с одной стороны, и госпитальерами - с другой, продолжалась еще долго; и в правление Эдуарда Третьего было сочтено необходимым принять еще один акт парламента, подтверждающий предыдущий статут в их пользу, и шерифам были разосланы предписания (А. 1334 г.), повелевающие им обеспечить исполнение законодательных актов и вступить во владение от имени короля всем имуществом, несправедливо удерживаемым у братьев госпиталя св.[172]

В то время как огромные владения, ранее принадлежавшие тамплиерам, продолжали оставаться предметом споров, к оставшимся в живых братьям этого распущенного ордена продолжали относиться крайней бесчеловечностью и пренебрежением. Церковный совет назначил каждому из них пенсию в размере четырех пенсов в день на пропитание, но эти небольшие деньги не выплачивались, и поэтому они подвергались большой опасности умереть от голода. Король, сочувствуя их бедственному положению, написал настоятелю госпиталя Святого Иоанна в Клеркенвелле, убедительно прося его принять их тяжелую участь к своему серьезному рассмотрению и не допустить, чтобы они нищенствовали на улицах. Архиепископ Кентерберийский также проявил активность в их защиту и направил письма владельцам имущества, упрекая их в невыплате положенных стипендий. "Эта бесчеловечность, - говорит он, - пробуждает наше сострадание и проникает в нас самой живой скорбью. Мы молим и призываем вас по доброте душевной снабдить их, из любви к Богу и милосердия, средствами к существованию". Архиепископ Йоркский распорядился, чтобы многих из них содержали в различных монастырях его епархии.[173]

Мы уже видели (ante, [p. 298](#)), что лондонский Темпл, главный дом английской провинции ордена, был пожалован (1313 г.) королем Эдуардом Вторым Аймеру де Валансу, графу Пембруку. Однако, поскольку Томас граф Ланкастер, кузен короля и первый принц крови, претендовал на Темпл по выморочному праву, граф Пемброк 3 октября 1315 года, по просьбе короля и в обмен на пожалование ему государем других земель, уступил собственность графу Ланкастеру. Этот граф Ланкастер был президентом совета, самым могущественным и богатым подданным королевства, и нам рассказывают, что студенты и профессора общего права заинтересовались его жильем в Темпле и впервые закрепились там в качестве его *арендаторов*. Они завладели старым залом и мрачными кельями военных монахов и превратили их в великий и самый древний Университет общего права в Англии. С того времени и до настоящего убежища религиозных воинов были посвящены "ученым и красноречивым ходатаям по делам", новому виду тамплиеров, которые, как причудливо замечает Фуллер, теперь "защищают одного христианина от другого, как старые защищали христиан от язычников".

После этого события право собственности или наследство на это место переходило последовательно через разные руки. После памятного убийства и позорной казни графа Ланкастера в его собственном замке оно вернулось к короне и было вновь пожаловано Аймеру де Валансу, графу Пембруку, который вскоре после этого был убит в Париже. Он умер без потомства, и Храм, соответственно, снова перешел к короне.[\[174\]](#) Затем он был пожалован королевскому фавориту Хью ле Деспенсеру Младшему, а после его убийства и казни ланкастерской фракцией перешел в руки молодого короля Эдуарда Третьего, только что вступившего на престол, и был передан им на хранение мэру Лондона, его эсквайру в городе. Мэр закрыл ворота, ведущие к берегу воды, которые находились в нижней части нынешнего Миддл-Темпл-лейн, что значительно затрудняло движение юристов из Темпла в Вестминстер и обратно. По этому поводу были поданы жалобы королю, который во второй день ноября третьего года своего правления (1330 г. н. э.) написал мэру следующее: "Король - мэру Лондона, своему эсквайру в том же городе. Поскольку нам дали понять, что должен быть свободный проход через двор Нового храма в Лондоне к реке Темзе для наших судей, клерков и других лиц, которые могут пожелать проехать по воде в Вестминстер для ведения своих дел, и что вы держите ворота храма закрытыми днем и таким образом препятствуете тем же судебским, клеркам нашим и другим пер сыновьям, проходить через середину упомянутого двора к берегу воды, из-за чего наши собственные дела, как и дела нашего народа в целом, часто сильно задерживаются, мы приказываем вам держать ворота упомянутого Храма открытыми днем, чтобы наши судьи и клерки, и другие лица, желающие отправиться по воде в Вестминстер, могли это сделать тем путем, к которому они до сих пор привыкли." В следующем году (1331 г. н. э.) король написал мэру, своему эсквайру в городе Лондоне, сообщая ему, что ему дали понять, что пристань в упомянутом дворе Храма, ведущая к реке, настолько сломана и обветшала, что его клерки, служители закона и другие люди больше не могут перебраться через нее и, следовательно, лишены возможности проехать по воде в Вестминстер. "Поэтому, - продолжает он, - желая обеспечить должное средство от этого зла, мы приказываем вам сделать все необходимое для ремонта упомянутой пристани и покрыть расходы на это из доходов от земель и ренты, относящихся к упомянутому храму и находящихся в вашем ведении; и когда нам сообщат о том, что сделано по этому вопросу, расходы будут разрешены вам в счет тех же доходов".[\[175\]](#)

Через два года после этого (6 Е. III., 1333 г.) король передал управление Храмом "своему любимому клерку" Уильяму де Лангфорду, "и передал ему ренту и доходы от нее на десять лет с рентой в 24 *фунта* в год, причем упомянутый Уильям обязался содержать все дома и владения в порядке и ремонте и передать их по истечении срока". Тем временем, однако, папа и епископы

активно добивались передачи имущества ордену рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна. Госпитальеры подали королю прошение, в котором говорилось, что церковь, монастыри и другие места в Храме были освящены и посвящены служению Богу, что они были несправедливо захвачены и отняты у них Хью ле Деспенсером Младшим и, благодаря его наговору, недавно перешли в руки короля, и они просили короля передать их им во владение. Король Эдуард приказал мэру Лондона, своему эсквайру в этом городе, провести расследование по поводу этих помещений.

Из этого дознания и его результатов следует, что многие из основателей церкви Темпл и многие братья ордена рыцарей-тамплиеров были похоронены в церкви и на кладбище Темпл; что епископ Ели имел в Темпле свое жилище, известное под названием палаты епископа Ели; что там была часовня, посвященная св. Томасу-а-Бекету, которая простиралась от дверей Храмового зала до древних ворот Храма; а также клуатр, который начинался у покоев епископа Эли и шел в восточном направлении; и что существовала стена, которая шла в северном направлении до упомянутого королевского шоссе; что в передней части кладбища к северу, граничащей с королевским шоссе, находились тринадцать домов, возведенных ранее с согласия и разрешения магистра и братьев Храма Роджером Бломом, посланником Храма, для хранения светильников и украшений церкви; что земля, на которой были построены эти дома, кладбище, церковь и все пространство, заключенное между часовней Св. Томаса, церковью, клуатрами и стеной, идущей в северном направлении, и все здания, возведенные на них, вместе с залом, клуатрами и часовней святого Томаса, были освященными местами, посвященными Богу; что Хью ле Деспенсер занял и удерживал их несправедливо, и что благодаря его отлучению и конфискации, а не иным образом, они попали в руки короля.^[176]

После возвращения этой инквизиции указанные освященные места были переданы настоятелю и братьям госпиталя Святого Иоанна; и король 11 января десятого года своего правления, н. ст. 1337 года, направил свое предписание баронам из Ex chequer, повелевая им провести расследование стоимости упомянутых освященных мест, переданных госпитальерам, и остатков Храма, и заверить это за своими печатями королю, дабы в ренту Уильяма де Лэнгфорда было внесено разумное сокращение. Из расследования, проведенного во исполнение этого предписания перед Джоном де Шордичем, бароном Казначейства, следует, что на упомянутом остатке Храма на земле, остававшейся тогда в ведении Уильяма де Лангфорда, и внутри больших ворот Храма находились еще один зал и четыре палаты, связанные с ним, кухня, сад, конюшня и палата за большими воротами; также восемь магазинов, семь из которых стояли на Флит-стрит, а восьмой - в пригороде Лондона, без бара Нового Храма; что годовая стоимость этих магазинов варьировалась от десяти до тринадцати, пятнадцати и шестнадцати шиллингов; что фрукты из сада Храма продавались за шестьдесят шиллингов в год брутто; что семь из тринадцати домов, возведенных Роджером Бломом, имели годовую стоимость одиннадцать шиллингов каждый; и что восьмой, расположенный за воротами входа в церковь, стоил четыре марки в год. Кроме того, оказывается, что общий годовой доход храма в то время составлял 73л. 6s. 11d., что равнялось примерно 1 000 фунтов наших современных денег, и что Уильям де Лэнгфорд был лишен 12л. 4s. 2d. из указанной ренты.^[177]

Через три года после принятия этой инквизиции и в тринадцатый год своего правления, н. э. 1340 года, король Эдуард Третий, в обмен на сумму в сто фунтов, которую приор рыцарей-госпитальеров обещал выплатить ему в качестве расходов на его экспедицию во Францию, пожаловал указанному приору все остатки храма, остававшиеся в то время в руках короля, чтобы они вместе с кладбищем, монастырями и другими освященными местами

принадлежали указанному приору и его братьям и их наследникам, королю и его наследникам, для благотворительных целей на вечные времена. Из этого пожалования следует, что привратник Храма получал шестьдесят шиллингов и десять пенсов в год и два пенса в день жалования, которое ему должны были выплачивать госпитальеры. В этот период Филипп Тан был настоятелем Госпиталя; он прилагал все усилия, чтобы придать богослужению в храмовой церкви то достоинство и великолепие, которым она обладала во времена тамплиеров. С единодушного согласия и одобрения всего капитула Госпиталя он пожаловал Хью де Личфилду, священнику, и его преемникам, опекунам Храмовой церкви, для улучшения освещения и проведения богослужений в ней, все земли, называемые Фикетсфельд, и сад, называемый Коттерелл Гарден; А через два года после этого он еще раз пожаловал упомянутому Хью и его преемникам тысячу фаготов в год, которые будут вырезаться из леса Лиллестона и перевозиться в Новый Темпл для поддержания огня в упомянутой церкви.[178]

Король Эдуард III на тридцать пятом году своего правления, в 1362 году, несмотря на передачу Храма госпитальерам, воспользовался правом назначения на должность привратника и своей грамотой назначил Роджера Смолла на эту должность на срок его жизни, в обмен на добрую службу, оказанную ему этим Роджером Смоллом.[179]

Судя по всему, в этот период юристы в Темпле имели своего поставщика провизии, как и в настоящее время, и в то время держали коммуны или обедали вместе в зале. Поэт Чосер, родившийся в конце правления Эдуарда II, в 1327 году, и пользовавшийся большой популярностью при дворе в царствование Эдуарда III, так отзывается о Мансипле, или поставщике провизии у юристов в Храме: - "A gentil Manciple, or the purveyor of provisions of the lawyers in the Temple.

"В Храме служил один знатный человек,
С которого ачатуры могли брать пример,
Чтобы быть мудрым в приобретении виталий.
Ибо платил ли он или брал по хвосту,
Алгат так ждал в своем ачате,
что всегда был в хорошем состоянии.
Не это ли Божья милость,
Чтоб сгладить задерганный ум,
Мудрость целой кучи образованных людей?"
"Мастеров у него было больше десяти,
Которые были знатны и любопытны;
Из них в том доме была доза
Достойных быть стюардами ренты и лондов
Любого лорда, что в Энгллонде,
Чтобы он жил своим добром,
В чести, но если бы он был деревянным,
Или жить так страшно, как он пожелает;
И способным помочь всему ширу,
В любой случай, что может упасть или случиться;
И все же этот ученик поставил ее на место".[180]

В период распада ордена тамплиеров в Храме проживали многие из остатков древних рыцарей, получавших пенсию от короны. Они относились к классу свободных слуг, занимали свои должности пожизненно и, не будучи членами ордена, не попадали под общее

запрещение братства. После захвата шерифами и королевскими чиновниками имущества их древних хозяев они оказались в тяжелом положении и обратились к королю с просьбой о выплате им положенного жалованья. Эдуард II пожаловал Роберту Стайффорду, клерку, капеллану церкви Темпл, два динара в день на содержание в доме Темпл в Лондоне и пять шиллингов в год на предметы первой необходимости, если он будет служить в церкви Темпл; если же он не сможет этого делать, то должен получать только еду и жилье. Джеффри Талавер, Джеффри де Кейв, клерк, и Джон де Шелтон, также, каждый из них, должны были получать за свои добрые услуги ежегодные пенсии на срок их жизни. Некоторые из этих служителей, в дополнение к их различным пособиям, должны были ежегодно получать платье из класса свободно служащих братьев ордена Храма; одну старую одежду из запасов старой одежды, принадлежащей братьям; одну марку в год на обувь и т. д.; их сыновья также получали столько-то *суточных*, при условии, что они выполняли повседневную работу по дому.[181] Эти домочадцы и прислужники древнего братства рыцарей-тамплиеров, похоже, передали свои услуги ученому обществу юристов, созданному в Храме, и продолжили и сохранили среди них многие из древних обычаев и обрядов старых рыцарей. Капеллан храмовой церкви принимал пищу в зале вместе с юристами, как это было принято у рыцарей-тамплиеров; правило их ордена, предписывающее "есть вдвоем и по двое" и "все осколки отдавать в братском милосердии домочадцам", соблюдалось и соблюдается по сей день; прислуга за столом по-прежнему называлась и называется *панирами*, как и во времена рыцарей-тамплиеров.[182]

В шестой год правления Эдуарда III, (A. D. В 1333 году, через несколько лет после того, как юристы обосновались в монастыре Темпл, судьи Суда общей юрисдикции были произведены в рыцари,[183] - самый ранний случай пожалования рыцарского звания за чисто гражданские заслуги, а профессора общего права, которые имели исключительную привилегию практиковать в этом суде, принимали титул или степень FRERES SERJENS или FRATRES SERVIENTES, так что орден рыцарей и слуг-братьев был самым любопытным образом возрожден в Храме и введен в профессию юриста. Правда, слово *serviens*, *serjen* или *serjeant* применялось к профессорам права задолго до правления Эдуарда III, но не для обозначения *привилегированного братства*. Оно применялось к юристам вместе со всеми, кто выполнял какую-либо работу для другого, начиная с *serviens domini regis ad legem*, который вел дела короны в суде графства, и заканчивая *serviens* или *serjen*, который ходил с тростью перед наложницей патриарха Ираклия по улицам Иерусалима. Священник, работавший на Господа, назывался *serjen de Dieu*, а любовник, служивший даме своей привязанности, - *serjen d'amour*. Именно в храмовых порядках слово *freres serjens* или *fratres servientes* впервые стало означать почетный титул или степень и обозначало влиятельное привилегированное сословие братьев. *Братья-оруженосцы* или *братья-оруженосцы*, принадлежавшие к рыцарству Храма, имели ранг джентльменов. Они объединяли в своих лицах монашеский и воинский характер, им выделялась одна лошадь на каждого, они носили на груди крест ордена Храма, участвовали во всех привилегиях братства и имели право на сан прецептора. Светские люди, не получившие рыцарского звания, часто давали большие суммы денег, чтобы быть принятыми в этот высокочтимый орден. Эти *братья* Храма носили льняные *кафтаны* и красные шапочки.[184] Во время церемонии принятия в братство магистр Храма возлагал на их головы коиф, а на плечи набрасывал белую мантию Храма; затем он заставлял их сесть на землю и давал им торжественное наставление относительно обязанностей и ответственности их профессии. Рыцари и сержанты общего права, с другой стороны, всегда составляли привилегированное *братство* и всегда обращались друг к другу с ласковым словом "*брат*". Любопытен и примечателен религиозный характер древней церемонии принятия в это юридическое братство, которая проходила в церкви Храма, и ее поразительное сходство с древним способом приема в братство Храма. "Capitalis

Justitiarius", - говорится в древнейшем документе, повествующем о создании сержантов-законников, - "monstrabat eis plura bona exempla de eorum prædecessoribus, et tunc. posuit les coyfes super eorum capitibus, et induebat eos singulariter de capital de skarletto, et sic creati fuerunt *servientes ad legem*." В своем назидательном увещании главный судья показывает им моральные и религиозные обязанности их профессии. "Ambulate in vocatione in quâ vocati estis.... Disce cultum Dei, *reverentiam superioris, misericordiam pauperi*". Он говорит им, что плащ - это эмблема чистоты и добродетели, и начинает часть своего разговора на языке Писания, использованном папой в знаменитой булле, дающей тамплиерам их огромные духовные и мирские привилегии: "*Omne datum optimum et omne donum perfectum desursum est descendens a patre luminum*", и т. д. и т. п.[185] Предполагается, что коиф был впервые введен клерикальными практиками общего права, чтобы скрыть *тонзуру* тех священников, которые практиковали в суде общей юрисдикции, несмотря на церковный запрет. Но это было не так. На ранних портретах наших судей они изображены в коифах гораздо большего размера, чем те, которые сейчас носят сержанты-юристы, гораздо большего размера, чем необходимо для того, чтобы скрыть *тонзуру священнослужителя*. Покрывало для этой цели было бы просто абсурдным.

Из инквизиции о состоянии Храма, проведенной 10 Е. III., 1337 г. н. э., следует, как мы уже видели, что во времена рыцарей-тамплиеров в Храме было ДВА зала, один из которых был залом рыцарей, а другой - залом *братьев-сержантов*, или служилых братьев ордена. Один из этих залов, нынешний Иннер Темпл Холл, был передан в год, предшествующий инквизиции, настоятелю и братьям Госпиталя Святого Иоанна, вместе с церковью, клуатрами и т.д., как уже упоминалось, в то время как другой зал оставался в руках короны и не был предоставлен госпитальерам до 13 Е. III., 1340 г. н.э. Вероятно, вскоре после этого Госпитальеры уступили *обе залы* профессорам права, и последние, перестав обедать отдельно и в разных залах, в конце концов разделились на два общества. Когда юристы первоначально пришли в Храм в качестве арендаторов графа Ланкастера, они обнаружили выгравированные на древних зданиях гербы ордена Храма, которые представляли собой: на щите *argent*, простой крест *gules*, и (*brochant sur le tout*) святой агнец, несущий знамя ордена, над которым возвышается красный крест. Этот герб оставался эмблемой Храма до пятого года правления королевы Елизаветы, когда, к несчастью, общество Внутреннего храма, поддавшись совету и уговорам мастера Герарда Ли, члена Коллегии герольдов, отказалось от древнего и почетного устройства рыцарей-тамплиеров и приняло вместо него галопирующего крылатого коня, называемого Пегасом, или, как нам объяснили, "коня, ударяющего копытом по земле, или *Пегаса-луну на поле аргентом!*" Мастер Джерард Лей, как нам рассказывают, "украсил их драгоценными камнями и планетами, и этим странным оружием он хотел обозначить, что знания, приобретенные в семинарии Внутреннего храма, вознесут профессоров права к высшим почестям, добавив в качестве девиза, *volat ad æthera virtus*, и он намеревался намекнуть на то, что считается более либеральными науками, дав им Пегаса, бьющего копытом о камень, образующий фонтан Гиппокрены, как надлежащую эмблему того, что юристы становятся поэтами, как Чосер и Гоуэр, которые оба были воспитанниками Храма!"

Общество Миддл Темпл, обладая лучшим вкусом, все еще сохраняет в той части Темпла, на которую распространяется его власть, широко известный и проверенный временем значок древнего ордена Темпла.

После роспуска ордена госпиталя Святого Иоанна (32 Неп. 8) Темпл вновь вернулся к короне, а юристы снова стали непосредственными арендаторами государя. Однако в правление Якова I некий шотландец попытался получить от его величества дарственную на простое

владение или наследство Храма, о чем стало известно двум юридическим обществам, и они тут же подали "смиренный иск" королю и добились передачи имущества в свою собственность. По жалованной грамоте, датированной в Вестминстере 13 августа в шестой год своего правления, 1609 г., король Яков предоставил Темпл бенчерам двух обществ, их наследникам и правопреемникам на вечные времена для проживания, приема и обучения профессоров и студентов, изучающих законы Англии, при этом бенчеры должны были выплачивать королю, его наследникам и правопреемникам по десять фунтов в год за особняк, называемый Внутренним Темплом, и по десять фунтов в год за Средний Темпл.^[186]

От древних рыцарей-тамплиеров в Храме за пределами церкви осталось совсем немного. Нынешний зал Внутреннего храма был древним залом рыцарей, но в разные периоды он подвергался таким изменениям и ремонтам, что утратил почти все следы и остатки древности. В 1816 году он был почти перестроен, и следующая выдержка из "Отчет и замечания казначея о недавнем ремонте Внутреннего Храмового зала" может оказаться интересной, поскольку показывает состояние здания до этого периода. "Судя по пропорциям, состоянию разрушения, материалам восточной и южной стен, контрфорсам южного фасада, остроконечной форме крыши и арок, а также грубой скульптуре на двух дверях общественного входа, зал, очевидно, имеет очень большую древность..... Северная стена, похоже, была перестроена, за исключением двух ее крайних частей, в современное время, но на старом фундаменте..... Крыша, как выяснилось, находится в очень ветхом и шатком состоянии. По-видимому, она подвергалась ремонту в три отдельных периода времени, в каждый из которых древесина добавлялась без необходимости, так что в итоге накопился вес, который выпирал из северной и южной стен. Поэтому возникла необходимость удалить все деревянные элементы крыши и заменить их более легкими. При снятии старой обшивки западной стены была обнаружена перпендикулярная трещина значительной высоты и ширины, которая в любой момент грозила обрушением этой части здания вместе с нависающей над ней крышей..... Башенка часов и южный фасад зала обложены только камнем; это было сделано в 1741 году, и выполнено очень плохо. Конструкция башенки, сложенная из мела, тряпичного камня и бутового камня (того же материала, что и стены церкви), кажется очень древней..... Деревянный купол колокола настолько обветшал, что пропускал дождь, и его пришлось обновить в форме, согласующейся с другими частями южного фасада."

"Несмотря на готический характер здания, в 1680 году, во время казначейства сэра Томаса Робинсона, протонотария К. Б., была возведена греческая ширма дорического ордера, над которой возвышались головы львов, конусы и другие несочетаемые приспособления. В 1741 году, во время казначейства Джона Бленкоу, эскайра, на южном фасаде появились низкие окна римской архитектуры. Даты этих нововведений можно узнать из надписей с именами соответствующих казначеев".

Этот старинный зал был знаменитой трапезной рыцарей-тамплиеров и сценой их гордого и пышного гостеприимства. В его почтенных стенах они в разные периоды принимали короля Иоанна, короля Генриха Третьего, надменных легатов римских понтификов и послов иностранных держав. Старый обычай, о котором упоминает Мэтью Пэрис (ante, [p. 203](#)), развешивать по стенам щиты и гербы древних рыцарей, сохранился до сих пор, и каждый последующий казначей Храма продолжает водружать свой герб на стену, как в высокие и величественные дни воинственных монахов древности. Во времена рыцарей-тамплиеров здесь наказывали непокорных братьев, бичевали их по голым спинам кожаными ремнями. Здесь же хранился, согласно показаниям свидетелей, выдвинувших столь мрачные и

страшные обвинения против тамплиеров перед церковным трибуналом, собравшимся в Лондоне, знаменитый черный идол с сияющими глазами и позолоченной головой, которому поклонялись тамплиеры! Отсюда же был взят непокорный рыцарь, который, отказавшись плюнуть на крест, был ввергнут в колодец, стоявший посреди храмового двора! В зале Храма часто проводились общие собрания тамплиеров, а викарий церкви Святого Клеменца в Сэндвиче поклялся перед папскими инквизиторами, собравшимися в Лондоне, что слышал, будто тамплиеры убили в Храме мальчика, который тайком пробрался в зал, чтобы наблюдать за действиями собравшихся братьев.

В западном конце зала сохранились значительные остатки древнего монастыря рыцарей. Выемчатая готическая арка того же стиля архитектуры, что и самая старая часть церкви Темпл, образует крышу нынешней маслобойни, а в квартире за ней находится выемчатый сводчатый потолок большой красоты. Ребра арок в обеих комнатах изящно вылеплены, но печально изуродованы толстым слоем штукатурки и варварской побелкой. В подвалах под этими комнатами сохранились старые стены огромной толщины, остатки древнего окна, любопытный камин и несколько изящных остроконечных готических арок, соответствующих потолкам наверху; но теперь они, увы, окутаны мраком, загромождены современными кирпичными перегородками и лестницами, испачканы сыростью и пылью многих веков. Эти интересные остатки образуют верхний и нижний этажи, причем пол верхнего этажа находится на одном уровне с полом зала, а пол нижнего этажа - на одном уровне с террасой с южной стороны. Раньше они были связаны с церковью крытым коридором или клуатром, который проходил под прямым углом к ним на месте нынешних клуатральных палат и соединялся с верхним и нижним этажами часовни Святой Анны, которая раньше стояла на южной стороне церкви. Через этот коридор и часовню братья Храма имели частный доступ в церковь для выполнения своих строгих религиозных обязанностей и тайных церемоний принятия новичков в обеты ордена. В 9-м Иак. I., 1612 г., над этим древним монастырем Фрэнсис Тейт, эсквайр, возвел несколько кирпичных зданий высотой в три этажа, И, будучи сожженными через несколько лет после этого, интересный крытый ход, соединявший церковь с древним монастырем, был вовлечен в общее разрушение, как явствует из следующей надписи на нынешних зданиях: *-Vetustissima Templariorum porticu igne consumpta, anno 1678, Nova hæc, sumptibus Medii Templi extructa, anno 1681, Gulielmo Whitelocke armigero, thesaurario.* "Древний портик тамплиеров сгорел в 1678 году, а эти новые здания были возведены за счет Миддл Темпл в 1681 году, во время казначейства Уильяма Уайтлока, эсквайра".

Монастыри тамплиеров служили средством связи между залами церкви и кельями служащих братьев ордена. Во время строительства нового входа в Темпл у церкви, в нижней части переулочка Иннер Темпл, значительная часть кирпичной кладки старых домов была снесена, и обнаружилась древняя стена большой толщины. Она состояла из мела, тряпичного камня и щебня, в точности повторяя стены церкви. Она шла в направлении на восток и запад и, судя по всему, являлась крайней северной границей старого монастыря. Точное местоположение оставшихся зданий древнего храма сейчас невозможно определить с уверенностью.

Среди множества интересных объектов, которые можно увидеть в древней церкви рыцарей-тамплиеров, до сих пор сохранившейся в прекрасном состоянии, - Покаянная келья, мрачное место одиночного заключения, сформированное в толстой стене здания, длиной всего четыре фута шесть дюймов и шириной два фута шесть дюймов, настолько узкое и маленькое, что взрослый человек не может в нем лечь.^[187] В этой тесной тюрьме непокорные братья древних тамплиеров были временно заключены в цепи и оковы, "чтобы их души могли быть спасены от вечной адской тюрьмы". До сих пор сохранились петли и

засов двери, прочно прикрепленной к дверному проему этой мрачной камеры, а внизу лестницы находится каменная ниша или шкаф, где для узника ставили хлеб и воду. Говорят, что в этой камере брат Уолтер ле Бачелор, рыцарь, Великий прецептор Ирландии, был уморен голодом до смерти.

КОНЕЦ.

ЛОНДОН:

Г. ДЖ. ПАЛМЕР, САВОЙ-СТРИТ, СТРЭНД.

ССЫЛКИ:

[1] *Will. Tyr. lib. i. cap. 2, lib. viii. cap. 3. Jac. de Vit. Hist. Hierosol. cap. lxii. p. 1080. D'Herbelot Bib. Orient. p. 270, 687, ed. 1697.*

[2] *Procopius de ædificiis Justiniani, lib. 5.*

[3] *Will. Tyr. lib. xii. cap. 7, lib. viii. cap. 3. Hist. Orient. Jac. de Vit. apud Thesaur. Nov. Anecd. Martene, tom. iii. col. 277. Phocæ descript. Terr. Sanct. cap. 14, col. 1653.*

[4] *Chrysost. Henriq. de Priv. Cist. p. 477.*

[5] См. также Hoveden apud X script. стр. 479. Hen. Hunting. ib. page 384.

[6] *Will. Tyr. lib. xiii. cap. 26; Anselmus, lib. iii. epistolarum, epist. 43, 63, 66, 67.*

[7] *Reg. Cart. S. Joh. Jerus. in Bib. Cotton. Nero E. b. No. xx. fo. 118.*

[8] *Odo de Diogilo de Ludov. vii. profectio in Orientem, p. 67.*

[9] *Duchesne hist. franc. scrip. tom. iv. p. 512; epist. 58, 59.*

[10] *Dugd. Monast. vol. vii. p. 838; vol. ii. p. 820, 843, ed. 1830. Baronage, tom. i. p. 122.*

[11] *Will. Tyr. lib. xvii. cap. 21, cap. 9.*

[12] *Registr. epist. apud Martene, tom. ii. col. 647.*

[13] *Will. Tyr. lib. xvii. cap. 27; lib. xviii. cap. 14; lib. xix. cap. 8.*

[14] Keightley's Crusaders. Достоинства Нуреддина воспеты арабским историком Бен-Шуной, Аззеддином Эбн-аль-Атиром, Хондемиром, а также в работе под названием "Цветы двух садов" Омаддеддина Катеба. См. также *Will. Tyr. lib. xx. cap. 33.*

[15] *Алвакиди в переводе Оккли, Hist. Saracen. Cinnamus, lib. iv. num. 22.*

[16] *His. de Saladin, per M. Marin, tome i. p. 120, 1. Gibbon, cap. 59.*

[17] *Hist. Franc. Script. tom. iv. p. 692, 693. Gesta Dei, epist. xiv. p. 1178, 9.*

[18] *Martene, vet. Script., tom. ii. col. 846, 847, 883. Gesta Dei, tom. i. p. 1181-1184. Duchesne. Hist. Franc. script. p. 698.*

[19] *Will. Tyr. lib. xxii. cap. 5.*

[20] *Will. Tyr. lib. xviii. cap. 4, 5. lib. xx. cap. 5. Hoveden in Hen. 2, p. 622. De Vertot, Hist. des Chevaliers de Malte, liv. ii. p. 150 - 161, ed. 1726.*

[21] *Will. Tyr.* lib. xxi. cap. 29.

[22] Académie des Inscriptions, tom. xvii. p. 127, 170.

[23] Adjecit etiam et alia *a spiritu superbiæ*, quo ipse plurimum abundabat, dictata, quæ præsentī narrationi non multum necessarium est interserere. - *Will. Tyr.* lib. xx. cap. 32.

[24] *Will. Tyr.* lib. xx. xxi. xxii.

[25] *Will. Tyr.* lib. xx-xxii. *Abulpharadge Chron. Syr.* p. 379-381.

[26] *Hemingford*, cap. 33. *Hoveden*, ad ann. 1185; *Radulph de Diceto*, p. 622-626. *Concil. Mag. Brit.* tom. iv, p. 788. *Matt. West.* ad ann. 1185; *Guill. Neubr.* tom. i. lib. iii. cap. 12, 13.

[27] *Speed. Hist. Britain*, p. 506. 1185 Г. Н. Э.

[28] Обзор *Стоува. Таннер*, Нотит. *Monast. Dugd. Orig. Юрид. Herbert*, *Antiq. Судебные трактаты*.

[29] *Дард. Monast. Angl.* vol vi. part ii. p. 820.

[30] *Will. Tyr.* lib. xii. cap. 7.

[31] *Will. Tyr.* lib. xx. cap. 21. *Rob. de Monte*, appen. ad chron. Sig. p. 631. *Marin, Sanut.* p. 221. *Bernard*, *Thesaur.* p. 768. *Matt. Par.* p. 142.

[32] *Roccus Pyrrhus*, *Sicil. Antiq.* tom. iii. col. 1000, 1093, 4, 5, 6, 7, &c.

[33] *Маруан*, de. reb. *Hist. lib. ii.* cap. 23.

[34] *Script. rer. Germ.* tom. ii. col. 584.

[35] Константиноп. *Christ. lib. iv.* p. 157.

[36] *Hist. Gen. de Languedoc. Hist. de la ville de Paris*, tom. i. p. 174. *Gall. christ. nov.* tom. vi., tom. vii. col. 853.

[37] *Dugd. Monast. Angl.* vol. vi. part 2, p. 800 - 817. *Concil. Magnæ Britanniae*, tom. iii. p. 333 - 382. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 279, 288, 291, 295, &c.

[38] *Nichol's Hist. of Leicestershire*.

[39] *Clutterbuck's Hist. of Hertfordshire. Acta Rymeri*, tom. iii. p. 133, 134. *Dodsworth, MS.* vol. xxxv.

[40] *Morant's Hist. Эссекс. Rymer*, tom. iii. p. 290 - 294.

[41] *Inquis. terrar. ut sup. MS Пэка в Museo Britannico*, vol. iv. fol. 95. *Dodsworth, MS.* vol. xx. p. 65, 67. *Дард. Baron*, tom. i. p. 70.

[42] *Monast. Англ. Hasted. Hist. Кент. Manning's Surrey. Atkyn's Gloucestershire*; см. ссылки в *Tanner. Nash's Worcestershire. Bridge's Northamptonshire*, vol. ii. p. 100.

[43] *Thoroton's Nottinghamshire. Burn and Nicholson's Westmoreland. Worsley's Isle of Wight. Mat. Par.* p. 615, ed. Lond. 1640.

[44] *Dugd. Monast. Angl.* p. 838.

- [45] *Dugd. Monast.* p. 844.
- [46] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 30-32, 54, 298, 574, 575.
- [47] 2 *Inst.* p. 432, 465.
- [48] *Stat. Westr.* 2, cap. 43, 13 Ed. I.
- [49] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 335, 339, 340, 355, 356. *Monast. Angl.* p. 818.
- [50] MS. *Peck's MS.* in *Museo Brittannico*, vol. iv. p. 65.
- [51] *Nicholl's Hist. Leicestershire*, vol. iii. pl. cxxvii. fig. 947, p. 943; vol. ii. pl. v. fig. 13.
- [52] *Rot. claus.* 49. H. III. m. xi. d. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 802.
- [53] *L'Histoire des Cisteaux*, *Chrisost Henriques*, p. 479.
- [54] Жизнь Генриха II" лорда Луттлтона. том ii. p. 356. *Hoveden*, 453. *Chron. Gervasii*, p. 1386, apud X. script.
- [55] *Lansdowne MS.* 207 E. fol. 467. *Ibid.* fol. 201.
- [56] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 442, 4, 5. *Уилкинс. Concilia*, tom. ii. p. 230.
- [57] *Matt. Par.* p. 381.
- [58] *Matt. Par.* p. 253, 645.
- [59] *Уилкинс. Concilia Magnæ Britanniae*, tom. ii. p. 19, 26, 93, 239, 253, 272, 292.
- [60] *Muratori script. rer. Ital.* p. 792. *Cotton MS. Nero E. vi.* p. 60, fol. 466.
- [61] *Radulph de Diceto*, p. 626. *Matt. Par.* ad ann. 1185. *Hoveden*, p. 636, 637.
- [62] Приведенный выше отрывок почти дословно переведен из *Chron. Джоан. Бромтон*, *Abbatis Jorنالensis*, script. X. p. 1144, ad ann. 1185.
- [63] *Contin. hist.* apud *Martene*, tom. v. col. 606.
- [64] *Contin. Hist. Will. Tyr.* apud *Martene*, tom. v. col. 585, 593-596. Эта ценная старинная хроника, по-видимому, была написана жителем Палестины. Она была переведена на латынь Фрэнсисом Пайпером и опубликована Муратори интер пер Италика. скрипт. том. vii. как хроника Бернарда Казначей. *Assizes de Jerusalem*, cap. 287, 288.
- [65] *Rad. Cogg.* apud *Martene*, tom. v. col. 550-552. *Contin. Hist.*, ib. col. 599, 600.
- [66] *Bohadin ib'n Sjeddadi*, apud *Schultens*, ex. MS. Arab. Pref.
- [67] *Rad. Cogg.* col. 552, 553. *Абульфед. Хрон. Hejir.* 582.
- [68] *Мухаммед, Ф. Мухаммед, Н. Копейср. Ispahan*, apud *Schultens*, p. 18.
- [69] *Омад'эддин Катеб*, в книге под названием *Fatah. Extraits Arabes, Michaud. Radulph Coggleshale. Chron. Terr. Sanct.* apud *Martene*, tom. v. col. 552 - 559. *Contin. Hist.* ib. col. 602-608. *Bohadin*, p. 70. *Jac. de Vit.* cap. xciv. *Abulfeda*, cap. 27. *Abulpharag. Chron. Syr.* p. 399, 401, 402. *Gesta Dei*, tom. i. p. 1150, 1. *Vinisauf.* apud *Gale*, p. 15.
- [70] *Hoveden*, rer. Angl. script. post Bedam, p. 636, 637. *Хрон. Gervas. ib.* col. 1562.

- [71] Contin. Hist. col. 611. *Jac. de Vit.* cap. xc. *Vinisauf*, p. 257. *Michaud*, Extr.
- [72] *Rad. Cogg.* col. 567, 568.
- [73] *Ибн-Алацыр*. Extraits par *M. Michaud*. Bib. des Croisades, p. 464.
- [74] *Rad. Cogg.* col. 570-573. Contin. Hist. Bell. Sacr. col. 614, 615, 621. *Bohadin*, cap. xxxvi. и арабские экстракты, apud *Schultens*, cap. xxvii. p. 42, 43.
- [75] *Hoveden*, Rer. Angl. script. post Bedam, p. 645, 646.
- [76] *Bohadin* apud *Schultens*, cap. 36. *Abulfeda*, ib. cap. xxvii. p. 43. *Wilken* Comment. p. 148.
- [77] Хотбех, или проповедь *Мухаммеда Бен Зеку*. - *Michaud*, Extraits Arabes.
- [78] *Michaud*, Pieces justificatives, No. ix. 485.
- [79] *Hoveden*, p. 646. Contin. Hist. col. 623. *Ibn-Alatsyr*, p. 474-477.
- [80] Ipse meis vidi oculis, uno eorum cadente, alter mox eundem locum occuparet, immotique, perstarent ad instar muri. *Bohadin* apud *Schultens*, p. 85. *Michaud*, Extraits, p. 487, 488.
- [81] *Ibn Alatsyr*, ut sup. p. 479-484, 492. *Bohadin*, cap. 41-44, 48, 49.
- [82] *Радульф де Дуцето*, apud X. script. p. 642.
- [83] *Vinisauf* apud *Gale* XV. script, vol. 2. p. 270. *Rad. Cogg.* col. 574. *Gesta Dei*, tom. 1, part 2, p. 1165. *Radulph de Diceto* col. 649.
- [84] *Ducange*, Gloss, tom. vi. p. 1036. Cotton MS. Nero E. vi. p. 60, fol. 466.
- [85] *Bohadin*, cap. 55-58, 75-84. *Ibn Alat.* ut sup. p. 499, 500, 510-514. *Vinisauf*, apud *Gale* XV. script. cap. 58-60. *D'Herbelot*, Bib. Orient, p. 743.
- [86] *Rad. Cogg.* col. 557. *Vinisauf*, cap. 64, 74. *L'Art de Verif.* tom. 4, p. 59, ed. 1818.
- [87] Hist. de la maison de Sablè, liv. vi. chap. 5. p. 174, 175. Cotton MS. Nero, E. vi. p. 60. folio 466, где он назван Робертом де Самбеллом. *L'Art de Verif.* tom. v. p. 347.
- [88] *Jac. de Vit.* *Gesta Dei*, cap. 65.
- [89] *Michaud*, Hist. des Croisades, tom. ii. p. 383, 384.
- [90] *Bohadin*, cap. 95-110, 112. *Ibn Alat.* p. 520. *Bohadin*, cap. 115. Contin. Hist. col. 634, 635.
- [91] Континент. Hist. col. 633. *Trivet* ad ann. 1191. Chron. de S. Denis, lib. ii. cap. 7.
- [92] Itinerarium regis Anglorum Ricardi et aliorum in terram Hierosolymorum auctore *Gaufrido de Vinisauf*. *Gale's scriptores Historiæ Anglicanæ*, tom. ii. p. 247-429.
- [93] Erat autem perelegans ea et per sane venusta, validissimis mœnibus, celsissimis ædificiis, ita ut terrorem quendam gravitate et firmitate incuteret. *Bohadin*, apud *Schultens*, pp. 100-201. *Ibn Alat.* p. 523-525. *Vinisauf*, lib. iv.
- [94] *Bohadin*, apud *Schultens*, cap. 156, p. 235, 236.
- [95] *Винусауф*, lib. vi. *Bohadin*, p. 238. *Abulfeda*, p. 51. Contin. Hist. col. 638, 641.
- [96] Cotton MS. Nero E. VI. 23, i.

- [97] *Jac. de Vitry*, Gest. Dei, tom i. pars. 9, p. 1113.
- [98] *Michaud*, Hist. des Croisades, tom. iii. p. 39.
- [99] *Othonis de S. Blazio*, apud *Martene*, tom. vi. p. 886. Contin. Hist. ib. tom. v.
- [100] Lib. i. ii. epistolarum. *Inn. III.*, epist. 138, 567.
- [101] Cotton MS. Nero E. VI., p. 60, fol. 466. *Ducange*, Gloss. tom. vi. p. 1036.
- [102] *Bernardus Thesaurarius*, Script. rer. Italicar. tom. vii. cap. 187. p. 823.
- [103] *Коммон*, MS. Nero E. VI. fol. 23 i.-p. 60, fol. 466. *Ducange*, Gloss. tom. vi. col. 1036.
- [104] *Bern Thesaur.* cap. 190-200, Script. Ital. tom. viii. *Jac. de Vitry*. p. 1135-1143. *Мармене*. Thesaur. anec. tom. iii. col. 294, &c. *Ibn Ferat* p. 770. *Ibn Alat*. p. 538. *Oliverii*, Hist. Damiatana, tom. ii. cap. 31.
- [105] Epist. apud *Matt. Par.* p. 312, 313. *Martene*, tom. v. col. 1480.
- [106] *Matt. Par.* p. 314. См. также другое письмо, p. 313.
- [107] *Ибн Шунах*, ad ann. Hejir 626. *Tyr. Contin. Hist.* col. 695-699. *Marin Sanut.* p. 213.
- [108] *Od Rainald*, ad ann. 1229.
- [109] *Хлопковский* MS. Nero E. VI. 23 i. p. 60, fol. 466. *L'Art de Verif.* tom. v. p. 351.
- [110] *Matt. Par.* p. 615. *Tyr. Contin. Hist.* col. 722-725. *Marin Sanut.* cap. 15. *Michaud*, Extr. p. 549. *Ibn Schunah*, Hejir. 638.
- [111] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 134, 165, 170, 194, 195, 208, 209. *Matt. Par.* p. 234-237, 253. *Matt. West.* p. 271.
- [112] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 234, 258, 270, 275, 311, 373, 380.
- [113] Храмовая церковь *Эддисона*.
- [114] Cart. 11, *Hen.* 3, m. 33. *Дард.* Monast. Angl. vol. vi. part 2. p. 844.
- [115] *Plac. de Quo Warranto* temp. Edw. 1, rot. 4, d. p. 191. *Spelman*, Gloss p. 251.
- [116] *Djermal'eddeen*, ad ann. Hejir. 841. *Michaud*, Extraits Arabes, p. 549.
- [117] *Смеф.* *Baluz*, Miscell. lib. vi. p. 357, de constructione Castri Saphet.
- [118] *Conder's Modern Traveller.*-Palestine, p. 335, 337-339.
- [119] *Марин. Sanut.* p. 217. *Тур.* Contin. Hist. col. 731, 732. *Michaud*, Extraits, p. 551, 718. *Matt. Par.* 631, 632.
- [120] *Matt. Par.* p. 631 - 633. *Abulpharag*, p. 486. *D'Herbelot*, Bib. Orient. p. 357, 628.
- [121] Cotton MS. Nero E. VI. p. 60, fol. 466. *L'Art de Verif.* tom. v. 552. *Matt. Par.* p. 618-620.
- [122] *Matt. Par.* p. 711.
- [123] *Matt. Par.* p. 733.
- [124] *Matt. Par.* p. 736, et in additamentis, p. 161, ad ann. 1247.

- [125] *Matt. Par.* in additamentis, p. 168, 169.
- [126] *Joinville*, p. 47.
- [127] *Ибн Шунах*, ad ann. Hejir, 648.
- [128] *Joinville*, p. 58. *Matt. Par. Chron. Nan.* p. 790.
- [129] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 473.
- [130] *Gal. Christ. nov.* tom. ii. col. 1008. *Tyr. Contin.* col. 735.
- [131] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 474, 557, 558. *Matt. Par.* p. 899.
- [132] *Reg. et constit. ord. Cisterc.* p. 480. *Acta Rymeri*, tom. i. p. 575-582.
- [133] *Od. Rainald*, ad ann. 1257. *Tyr. Contin.* col. 732, 735-737.
- [134] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 698.
- [135] *Ib.* p. 730, 878, 879.
- [136] *Tyr. Contin. Hist.* col. 737, 742. *Sanut.* p. 220-222. *Abulfeda*, apud *Wilkins*, p. 223. *Ибн Ферат Chron. Arab* ad ann. Hejir. 662, 664. *Мохиддин*, автор *Шафи ибн Али Аббас. Michaud Extraits*, 668, 669, 673, 674.
- [137] *Ибн Ферат. Хеджир.* 666. *Michaud, Extr.* 675-785. *Tyr. Contin.* col. 743
- [138] *Tyr. Contin.* col. 745. *Sanut*, p. 224. *Michaud*, p. 757. *Тривет*, ad ann. 1272. *Walsingham*, p. 43. *Acta Rymeri*, tom. i. p. 885, 889; tom. ii. p. 2.
- [139] *Tyr. Contin.* col. 746, 747. *Acta Rymeri*, tom. ii. p. 34.
- [140] *De excidio urbis Acconis* apud *Martene*, tom. v. col. 757, 782. *De Guignes*, *Hist. des Huns*, tom. iv. p. 162. *Abulfarag. Chron. Syr.* p. 595. *Wilkins*, *Comment. Abulfed. Hist.* p. 231-234. *Марин. Санут. Torsell*, lib. iii. pars 12, cap. 21, 22. *Макриси*, ad ann. Hejir. 689, 690. *Hermann Cornarius, Collect. d'Ekard Michaud, Bib. des Croisades*, tom. ii.
- [141] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 350-352, 387, 388. *Cotton MS. Nero E. VI.* 23 i. p. 60, fol. 466. *L'Art de Verif.* tom. i. p. 523, ed. 1783. *Rainald*, tom. xiv. ad ann. 1294.
- [142] *Haiton*, *Hist. Tartar.* cap. 43. *Chron. de Nangis Rainald*, ad ann. 1299, 1300, n. 34. *Marin. Sanut.* p. 242. *De Guignes*, tom. iv. p. 184.
- [143] *Ибн Ферат*, ad ann. Hejir. 690. *Sanut.* p. 232.
- [144] *Acta Rymeri*, tom. i. p. 575-579, 582, tom. ii. p. 529. *Martene*, tom. vii. col. 156.
- [145] *Acta Rymeri*, tom. ii. p. 683. *Hemingford*, vol. i. p. 159, 244. *Rolls of Parliament*, vol. i. p. 2. *Ib.* No. 7.
- [146] *Dupuy*, tom. ii. p. 309. *Хрон. Сен-Дени. Acta Rymeri*, tom. iii. p. 18.
- [147] *Ostendens duo ossa quod dicebat illa esse quæ ceciderunt de talis suis. Processus contra Templarios. Raynouard*, *Monumens Historiques*, p. 73, ed. 1813.
- [148] *Ponderibus appensis in genitalibus, usque ad exanimationem.* *Ib.* p. 35.

[149] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 35, 37.

[150] *Knyghton*, apud X. script. col. 2494, 2531. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 30-32, 34, 35, 45.

[151] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 100-103, 111, 121, 122.

[152] *Acta Rymeri*, p. 168, 169.

[153] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 346, 347. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 174, 175, 178, 179.

[154] Оригинальный проект этих обвинительных статей с исправлениями и изменениями хранится в Трезор де Шартр. *Raynouard*, *Monumens Historiques*, p. 50, 51. Судебный процесс против тамплиеров в Англии сохранился в MS. в Британском музее, Harl. No. 252, 62, f. p. 113; No. 247, 68, f. p. 144. Биб. Коттон. Julius, b. xii. p. 70; а также в Бодлианской библиотеке и Ашмолеанском музее. Основная их часть была опубликована Уилкинсом в *Concilia Magnæ Britanniae*, том ii. p. 329-401, и Дагдейлом в *Monast. Angl.* vol. vi. part ii. p. 844-848.

[155] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 350-383. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 179, 180.

[156] *Raynouard*, p. 52, 57, 75, ed. 1813. *Dupuy*, p. 138, 139, 174, ed. 1700.

[157] Хрон. Cornel. *Zanflet* apud *Martene*, tom. v. col. 159. *Bocat.* de cas. vir. illustr. lib. ix. cap. 21. *Joan. Can. Sti. Vict.* Contin. de *Nangis*, ad ann. 1310. *Rayn.*

[158] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 194, 195, 224, 225, 227, 230-235. *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 305-314; tom. iii. p. 228, 229.

[159] Agnes Lovecote dixit quod ... fratres aperuerunt quandam voltam et perduxerunt de illo loco monstrum quoddam ad formam seu imaginem diaboli, habens loco oculorum lapides rutilantes et illuminantes capitulum, cujus culum osculabantur omnes, primo Magister, et postea alii, et postea ponebant unam crucem nigram ad culum dicti monstri, et spuebant omnes in crucem...! Deponit se audivisse à quâdam *dominâ* Agnete, quæ dicebat se audivisse à sorore cujusdam Templarii, quod cum ipsa soror denudasset fratrem suum post mortem, credens invenire signa salutis, invenit in braccis dicti Templarii fratris sui crucem pendentem contra anum...! *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 350-364.

[160] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 290. MS. Bodl. F. 5, 2. *Concil.* p. 364, 365. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 228, 231, 232.

[161] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 383-391, 394-401.

[162] *Concilia Hispaniæ*, tom. v. p. 223. *Raynouard*, p. 199-204.

[163] *Secund. vit. Clem. 5*, p. 43. *Rainald*, ad ann. 1311, n. 55. *Walsingham*, p. 99. *Antiq. Britann.* p. 210.

[164] *Maratorii collect.* tom. iii. p. 448; tom. x. col. 377. *Mariana*, tom. iii. p. 157. *Raynouard*, p. 191, 192.

[165] *Cotton MS. Nero E. vi.* 23 i. lb. p. 60, fol. 466. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 380.

[166] *Lansdown MS.* 207, E. vol. v. fol. 162, 163, 201, 284, 317, 467. *Acta Rymeri*, tom. i. p. 134, 342, 344, 345, part 3, p. 104. *Matt. Par.* p. 253-255, 258, 270, 314, 615, et in ad. p. 480. *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 340; tom. xi. p. 335, 339, 341, 343, 344. *Prynne*, collect. 3, 143.

[167] *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 393.

[168] *Villani*, lib. viii. cap. 92. *Dupuy*, ed. 1700, p. 71, 128, 139. *Raynouard*, p. 60, 209, 210.

[169] *Dupuy*, p. 179, 184. *Raynouard*, 197-199. *De Vertis*, liv. iii.

[170] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 130, 134, 139, 279-297, 321-327, 337, 409, 410. *Dodsworth*, MS. vol. xxxv. p. 65, 67.

[171] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 451, 454, 455, 457, 459-463, 956-959. *Dugd. Monast. Angl.* vol. vi. part 2, p. 809, 849, 850. *Rolls of Parliament*, vol. ii. p. 41. *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 499.

[172] *Statutes at Large*, vol. 9. Appendix, p. 23. *Rolls of Parliament*, vol. ii. p. 41, No. 52. *Monast. Angl.* p. 880.

[173] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 472. *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. *Walsingham*, p. 99.

[174] Pat. 8, E. 2. m. 17. Древний MS. рассказ о Храме, ранее принадлежавшем лорду Сомерсу, а затем Николлсу, знаменитому антиквару. *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 936, 940. *Lel. coll.* vol. i. p. 668. *Rot. Escaet.* 1, E. 3. *Dugd. baron.* vol. i. p. 777, 778.

[175] *Acta Rymeri*, tom. iv. p. 406, 464.

[176] *Rot. Escaet.* 10, E. 3, 66. *Claus.* 4, E. 3, p. 1, m. 10.

[177] Sunt etiam ibidem claustrum, capella Sancti Thomæ, et quædam platea terræ eidem capellæ annexata, cum una aula et camera supra edificata, quæ sunt loca sancta, et Deo dedicata, et dictæ ecclesiæ annexata, et eidem Priori per idem breve liberata..... Item dicunt, quod præter ista, sunt ibidem in custodia Wilielmi de Langford, infra Magnam Portam dicti Novi Templi, extra metas et disjunctiones prædictas una aula et quatuor cameræ, una coquina, unum gardinum, unum stabulum, et una camera ultra Magnam Portam prædictam, &c. In memorandis Scacc. inter recorda de Termino Sancti Hilarii. 11 E. 3, in officio Remembratoris Thesaurarii.

[178] *Dugd. Monast.* vol. vii. p. 810, 811. *lb.* tom. vi. part 2, p. 832.

[179] Pat. 35 E. 3, p. 2, m 33.

[180] Пролог к "Кентерберийским рассказам". Жалование подмастерьев Храма при Генрихе VIII составляло xxxvis. Генриха VIII, составляло xxxvis. в год. Биб. Хлопок. Vitellius, с. 9, f. 320, a.

[181] *Acta Rymeri*, tom. iii. p. 292, 294, 331, 332.

[182] Томас из Уотропа на суде над тамплиерами в Англии не смог рассказать о приеме некоторых братьев в орден, так как он был панетариум и не смог вернуться на свой пост. *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 355. Ita appellabant officialem domesticum, qui mensæ panem, mappas et manutergia subministrabat. *Ducange*, Gloss. verb. Panetarius. *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 371-373. MS. Библиотека Inner Temple, div. 9, shelf 5, vol. xvii. fol. 393.

[183] *Dugd. Orig. Jurid.* cap. xxxix. p. 102.

[184] *Will. Tyr.* lib. i. p. 50, lib. xii. p. 814. *Dugd. Hist. Warwickshire*, p. 704. Et tune Magister Templi dedit sibim antellum, et imposuit pileum capiti suo, et tune fecit eum sedere ad terram, injungens sibi, &c. *Acta contra Templarios.* *Concil. Mag. Brit.* tom. ii. p. 300. См. также p. 335.

[185] Ex cod. MS. apud sub-thesaurarium Hosp. Medii Templi, f. 4, a. *Dugd. Orig. Jurid.* cap. 43, 46.

[186] *Hargrave*, MS. No. 19, 81, f. 5, fol. 46.

[187] О церкви Темпл и ее древностях см. в книге Аддисона "Церковь Темпл".

Примечание транскриптора:

Были приложены все усилия для максимально точного воспроизведения этого текста, включая несоответствия в арабской транскрипции. Были внесены некоторые изменения. Они перечислены ниже.

В оригинале отсутствуют ссылки на сноски [14] и [71]. Они были добавлены.

Ниже приведен список изменений, внесенных в оригинал. Первая строка - оригинальная, вторая - исправленная.

Страница vi:

Генрих II, король Англии, посещает храм в Париже
Генрих III, король Англии, посещает храм в Париже

Страница 3:

но как современные историки Палестины, описывающие подвиги
но как современные историки Палестины, которые описывают подвиги

Страница 8:

себя в различных неприступных замках и крепостях,
себя в различных неприступных замках и крепостях,

Страница 10:

Полумесяц был сорван крестоносцами с вершины
Полумесяц был снесен крестоносцами с вершины

Страница 14:

устроен святым Бернардом и одобрен святыми отцами
организованный святым Бернардом и санкционированный святыми отцами

Стр. 16:

XLI. Никому из братьев не дозволяется принимать
"XLI. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы кто-либо из братьев получал

Страница 17:

"LXVIII. Необходимо следить за тем, чтобы ни один брат, сильный или слабый
"LXVIII. Необходимо следить за тем, чтобы ни один брат, сильный или слабый,

Страница 20:

В таких случаях не безопасно ни убивать, ни быть убитым".
В таких случаях небезопасно ни убивать, ни быть убитым.

Страница 23:

и поведать о чудесных вещах, которые совершаются в тебе".
и Расскажи о чудесных вещах, которые совершаются в тебе.

Страница 26-я:

его министр и наместник, знаменитый Сугер, аббат Сен-Дени
его министр и наместник, знаменитый Сугер, аббат Сен-Дени:

Страница 31:

полезнее, чем два двухмесячных поста и молитвы.
приносит больше пользы, чем два месяца поста и молитвы.

Страница 32-я:

визирь, проводивший послов, отложил свой сциметар,
Визирь, проводивший послов, отложил свой скимитар,

Страница 35:

не вложили в руки оружие, чтобы совершать завоевания; но
не вложили оружие в руки, чтобы совершать завоевания"; но

Страница 39:

О смерти Нурдедина, султана Дамаска (1175 г. н. э.)
О смерти Нуреддина, султана Дамаска (1175 г. н. э.)

Страница 52:

Во Франции главные прецептории находились в Безансоне, Доле, Салине,
Во Франции главные прецептории находились в Безансоне, Доле, Салине,

Страница 53:

Непосредственная юрисдикция Мастера Храма в Париже.
непосредственной юрисдикции Мастера Храма в Париже.

Сноска на странице 54:

Dudg. Monast. Angl. vol. vi. part 2, p. 800 - 817.
Dugd. Monast. Angl. vol. vi. part 2, p. 800 - 817.

Сноска на странице 58:

Dug. Monast. Angl. p. 838.
Dugd. Monast. Angl. p. 838.

Страница 66:

лучшие вещи, под страхом отстранения и отлучения.
лучшие вещи, под страхом отстранения и отлучения".

Стр. 68:

королевский кающийся должен исполнить свой обет и совершить покаяние;
Королевский кающийся должен исполнить свой обет и совершить покаяние;

Стр. 70:

"Неудивительно, - сказал патриарх, - ведь они приходят от божества",
Неудивительно, - сказал Патриарх, - ибо из девиц они приходят,

и вернулись в Святую Землю с отвращением и разочарованием.
и вернулись в отвращении и разочаровании в Святую Землю.

Страница 77:

he became, through his gallant bearing and demeanour,
он стал, благодаря своей галантной осанке и поведению,

Стр. 86:

теперь стремительно проносится по ландшафту, как дождевые тучи
теперь стремительно проносится по ландшафту, как дождевые тучи

Страница 87:

все, кроме Великого Магистра Госпиталя,
каждый из них, кроме Великого Магистра Госпиталя,

Страница 89:

и почерневшие трупы, нагроможденные один на другой, как камни.
и почерневшие трупы, наваленные один на другой, как камни.

Страница 98-я:

Место, сдавшееся после короткой осады; укрепления
Место, сдавшееся после короткой осады; укрепления

и на том месте, где Авраам принес семь овов,
и на том месте, где Авраам принес семь овов,

Страница 108:

Затем он сошел с кафедры и помолился в Михре.
Затем он сошел с кафедры и помолился в михрабе.

Страница 118-я:

Тамплиеры, мужественно защищая себя и своих братьев
Тамплиеры мужественно защищали себя и своих братьев

Страница 122:

затем в центр, терпеливо перенося тяжесть своей боли.
затем в центр, терпеливо перенося тяжесть своей боли".

Страница 156:

на вершину замка Тафниса, чтобы отразить греческий огонь
на вершину замка Тафниса, чтобы направить греческий огонь

строение у воды, выкинули свои граплинг-ружья,
строение у воды, выбрасывали свои граплинги,

Страница 174:

использовался королем Генрихом Третьим в различных важных переговорах.
использовались королем Генрихом Третьим в различных важных переговорах.

"Эта часть священного сооружения была более легкой и более
Эта часть священного здания была более легкой и более

Страница 180:

Генрих II, король Англии, посещает храм в Париже
Генрих III, король Англии, посещает храм в Париже

Страница 186:

и были истреблены в кровавом сражении, продолжавшемся два дня.
и были истреблены в кровавой битве, продолжавшейся два дня.

Страница 219:

король Эдуард одолжил у тамплиеров во время своего пребывания в Акко".
Король Эдуард взял займы у тамплиеров во время своего пребывания в Акко.

Стр. 221:

Отдельные перемирия и мирные договоры, заключенные Бендокдором
Отдельные перемирия и мирные договоры, которые заключил Бендокдор.

Страница 242:

заявляет, что тамплиеры имели "un lieu creux ou cave en terre",
заявляет, что у тамплиеров было "un lieu creux ou cave en terre",

Страница 278:

que nous puissions avoir les dretures de seinte eglise, comme
Страница 278: que nous puissions avoir les dretures de seinte église, comme

Страница 296:

беда была в том, что он не мог получить мед, если не сжег пчел.
Беда была в том, что он не мог получить мед, если не сжигал пчел".

Страница 307:

фрагменты, которые будут переданы в рамках братского милосердия к домициантам,
фрагменты, которые будут отданы в братской благотворительности домочадцам".

Страница 310:

Вероятно, вскоре после этого периода госпитальеры
Вероятно, вскоре после этого периода госпитальеры

Страница 320:

"его возлюбленный клерк, Уильям де Лэнгфорд", и сдавали ренту в аренду.
"его любимый клерк, Уильям де Лэнгфорд," и выменивал ренту